

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2008 • АПРЕЛЬ—ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

История перевода и переводческих учений

- Мишкуров Э.Н.* История арабоязычной переводческой традиции: начало пути (VIII—XIII вв.) 3
Матасов Р.А. Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе 18

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Оришак О.В.* Опыт сопоставительного изучения концептов “война” и “la guerre” в русской и французской языковых картинах мира 35
Ковенева О.В. От “памятника природы” к “monument naturel”? Междисциплинарный подход к асимметрии концептов (на материале французского и русского языков) 49
Ушаков С.Г. Категория падежа и французский язык в вопросах перевода 66

Вопросы устного перевода

- Абрамова И.Е.* Фонетический акцент как дестабилизирующий фактор в устном переводе 73

Дидактика перевода

- Baldo, S.* Adaptation: propaedeutic method for learning how to translate /
Бальдо С. Адаптация: пропедевтический метод обучения переводу 84/85

Вопросы терминологии

- Усова С.А., Горшкова В.Е.* Сопоставительное исследование терминологии предметной сферы налогового права России и Франции 104

Преподавание перевода за рубежом

- Кавеноки Р.* Школа перевода в Монтерее (Калифорния, США) 114

Хроника научной жизни

- Матасов Р.А., Костикова О.И.* Международный день переводчика в Высшей школе перевода 117
Кулаковская И.М. Приветственное слово ветерана синхронного перевода студентам Высшей школы перевода 118

Рецензии

- Гарбовский Н.К.* Перевод в кино 119

Contents

History of Translation and Translation Studies

- Mishkurov, E.N.* History of the Arabic Traditional Principia of Translation:
Commencement of the Way (the 8th—13th centuries)..... 3
- Matasov, R.A.* Simultaneous Interpretation at the Nuremberg Trial 18

Linguistic and Cultural Aspects of Translation

- Orishak, O.V.* Contrastive Analysis of the Concepts “война” and “la guerre” in Russian and French Linguistic Vision of the World 35
- Koveneva, O.V.* From *pamyatnik prirody* to monument nature! An Interdisciplinary Approach to Concepts’ Asymmetry in the Russian and French Languages 49
- Ushakov, S.G.* Category of the Case in the French Language: Translation Issues 66

Interpretation

- Abramova, I.E.* Phonetic Accent as Destabilizing Factor in Interpreting 73

Translation and Interpretation Didactics

- Baldo, S.* Adaptation: a Propaedeutic Method for Learning How to Translate 84

Issues Terminology

- Usova, S.A., Gorshkova, V.E.* A Comparative Analysis of the Russian and French Fiscal Law Domain-Specific Terminology 104

Teaching of Translate Foreign

- Kavenoki, R.* Graduate School of Translation and Interpretation (Monterey Institute of International Studies, California, USA) 114

Chronicle of Scientific Life

- Matasov, R.A., Kostikova, O.I.* The International Translator’s Day at the Higher School of Translate 117
- Kulakovskaya, I.M.* Salutatory Address to the Students of the Higher School of Translation and Interpretation 118

Reviews

- Garbovsky, N.K.* Review of the book “Translate in cinema” of V.E. Gorshkova ... 119

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Э.Н. Мишуров

ИСТОРИЯ АРАБОЯЗЫЧНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: НАЧАЛО ПУТИ (VIII—XIII вв.)

В статье изучаются историко-онтологические предпосылки и условия становления и развития арабоязычной переводческой традиции в VIII—XIII вв. в Арабском халифате в контексте политико-конфессиональной, социально-культурной и языковой ситуации в регионе Средиземноморского бассейна. Рассмотрены особенности функционирования арабского классического языка в качестве языка перевода и языка оригинала. Установлены особенности переводческой деятельности, субъектами которой нередко выступали ученые-полиглоты, специализировавшиеся в соответствующих областях науки, а также профессиональные переводчики, состоявшие на государственной службе и переводившие на арабский язык литературу с сирийского, среднеперсидского (пехлеви), санскрита и других языков. Освещен период перевода арабоязычной литературы на латинский язык в Испании и других западноевропейских странах. Дается оценка цивилизаторского влияния средневекового арабо-мусульманского научного и культурного наследия на христианский мир.

The paper deals with the study of historical and ontological premise and conditions of coming-to-be and maturity of the Arabic traditional principia of translation in the Arab Caliphate during the 8th-13th centuries. The problem is explored with regard to the political, religious, socio-cultural and language situation in the Mediterranean-area region. The peculiarities of the Standard Arabic functioning as a target language and then as a source language have been under discussion. The fixed features peculiar to the translation boom over there testified that one of them consisted in an active participation of polyglot scientists in different fields of knowledge and state professional translators who had been rendering for lots and lots of years ancient manuscripts from Greek, Syrian, Persian, Sanskrit and other languages into Arabic. The epoch of translation of the Arabic manuscripts into Latin in Spain and other West-European countries has been taken up as well. Of a thorough evaluation is the civilizing influence of the medieval Arab-Moslem scientific and cultural heritage on Christianity.

Ключевые слова/Key words: *Арабский халифат и Испания, арабоязычные ученые-переводчики, арабоязычные переводческие школы.*

Как гласит предание, в IX в. знаменитому переводчику и ученому “Дома мудрости” — центра учености в Багдаде при дворе его покровителя халифа Аль-Мамуна (годы правления 813—833) Хунейну ибн

Исхаку (ум. в 873 г.) заплатили золотом по физическому весу его переводных и собственных научных работ. Прекрасно владевший греческим, сирийским и арабским языками, сын москательщика из Хиры, врач по профессии, энциклопедически образованный ученый-философ, великолепный стилист, знавший Гомера и цитировавший его в подлиннике, — он перевел на арабский язык свыше 150 сочинений и написал сам порядка 100 научных работ. При следующем халифе его назначили ответственным редактором переводов своих коллег. Вместе с ним трудились его сын и племянник, а также большая группа учеников. Хунейн ибн Исхак перевел Библию, ряд сочинений Платона и комментарии к ним, в том числе “Государство” (“О политике”), “Софист” (с пояснениями Олимпиодора (V в.) — известного комментатора Аристотеля), а совместно с другим выдающимся коллегой Яхъей ибн Ади он перевел платоновские “Законы”. Различные переводы выполнялись и корректировались неоднократно. При работе привлекались как грекоязычные оригиналы, так и их первоначальные переводы на сирийский язык. Нередко одни и те же сочинения переводились разными переводчиками и тем самым создавалась возможность сравнивать переводы по степени их полноты и адекватности оригиналу. В частности, сохранились свидетельства о том, как Хунейн “улучшил перевод” трехтомного сочинения Платона “Тимей”, выполненного Ибн Битриком, а возможно, и перевел данное сочинение заново. Понимая, что начинающему читателю трудно будет воспринимать собственно философский текст автора, Хунейн пишет своеобразное методическое пособие “Что нужно читать до сочинений Платона”. Критическую функцию выполняли комментарии к трудам греческих мудрецов. В середине IX в. он переводит на арабский язык сочинение Александра Афродизийского — известного комментатора Аристотеля “Об интеллекте” (или “Об уме”) [Шаймухамбетова, 1979: 30—31, 35, 39, 129—130; Халидов, 1982б: 255—256]. Переводы выполнялись двояко: иногда он переводил греческие сочинения на сирийский язык, а затем с сирийского на арабский, в ряде случаев переводы выполнялись непосредственно с греческого на арабский, а потом на сирийский. Свои труды по медицине и философии он писал и по-арабски, и по-сирийски [Халидов, 1982а: 71; As-Samarra'i..., 1974; Bergsträsser, 1925].

Переводческая деятельность в Арабском халифате носила официальный характер и щедро финансировалась государством. Известно, что фонды библиотеки “Дома мудрости” содержали порядка 400 тыс. рукописей на арабском, греческом, сирийском, персидском (пехлеви), коптском, санскрите, китайском и многих других языках. Библиотека постоянно пополнялась. Важной ее частью были копии рукописей греко-эллинических ученых по всем отраслям знаний, кото-

рые поступали из Византии, хранящей более 400 тыс. античных свитков в соответствии с договором о мире с византийским императором Михаилом III. В результате мощной переводческой и научной деятельности арабский классический (литературный) язык обогатил свою систему разнообразными функционально-стилистическими и лексико-терминологическими средствами и был в состоянии передавать с высокой степенью адекватности мысли изощренных в логике и диалектике авторов Древней Греции и Византии, Сасанидского Ирана и далекой Индии, догматические споры христиан и манихеев, харранских сабиев и зороастрийцев, стоиков и гностиков, а также “лаконизм Евклидовой геометрии, богатство оттенков философских рассуждений, путаный стиль тайных учений чернокнижников, фактологическую простоту естественно-научных сочинений” [Халидов, 1982а: 71—72]. Известно, что в результате интенсивного сбора языкового материала в полевых условиях, обработки поэтических и прочих языковых памятников, а также путем эмпирических наблюдений над функционированием языка в различных сферах государственной, религиозной, научной и культурной жизни арабские ученые различного этнического происхождения в VIII—XIII вв. в основном разработали оригинальную лингвистическую теорию арабского классического языка, вошедшую в мировую парадигму науки о языке как “арабская языковедческая традиция”, верифицируемая как “законченное учение, вобравшее научные идеи своей эпохи, в формировании которых известную роль играло наследие древнегреческой и древнеиндийской традиций” [Габучан, 1990: 40; Арабские лингвистические...: 479—535; Мишкур, 2003]. В этой связи напомним, что именно филологи Басры — города, где сложилась одна из важнейших грамматических школ Арабского халифата, сделали, по мнению Х. Гибба, первые переводы на арабский язык. Конкретизируя свой постулат, он пишет: «В числе этих переводов — одна из версий персидских героических сказаний и псевдоисторических преданий, ныне утраченных, за исключением цитат в более поздних сочинениях, и одна из версий знаменитых индийских басен Бидпая под названием “Калила и Димна”... Их переводчик Рузбих, известный под именем Ибн ал-Мукаффа, обращенный в ислам зороастриец, был казнен в 759 г. как приверженец шиитских претендентов на престол. Хотя стиль этого перевода вызвал немалое восхищение, но, насколько можно судить по имеющемуся неудовлетворительному тексту, он нарушает арабскую традицию рыхлостью своей композиции...» [Гибб, 1960: 42].

Настоящим введением в тему нам хотелось бы развеять сомнения относительно качества арабоязычных переводов античных трактатов в целом и работ по древней философии, в частности, наваянные

идейно ангажированными высказываниями некоторых клерикально и шовинистически настроенных западноевропейских ученых в XIII—XIV в., которые в дальнейшем стали некритически воспроизводиться в ряде трудов, посвященных средневековому арабомусульманскому научно-культурному феномену и его влиянию на Европу на заре ее Ренессанса. Речь в частности идет о периоде массовых переводов древнегреческих и эллинистических трудов на латинский язык с арабского в XII—XIII вв. Академик В.В. Бартольд в этой связи заметил, что “с распространением арабского языка отнюдь не было связано распространение арабского патриотизма; представители отдельных наций и религий ревниво отстаивали культурные заслуги своих соплеменников и единоверцев; на арабском языке писались нападки на арабов, доказывался вред, причиненный культуре арабскими завоевателями; но эта борьба оставалась идейной и не мешала христианину или еврею учиться у мусульман и наоборот. Мусульманскими учеными этой эпохи чужие религии изучались с замечательной полнотой и беспристрастием. Христиане пользовались под властью ислама гораздо большей религиозной свободой, чем под властью византийского императора; преследуемые в Византии еретические иерархи находили убежище в городах халифата” [Бартольд, 1922: 21—22].

В собственно теоретико-переводоведческом и практическом плане отметим, что негативное субъективное отношение ряда западноевропейских ученых к методологии арабоязычных переводов, к сожалению, было некритически перенесено в некоторые отечественные работы по истории перевода. В одном из новейших учебных пособий по истории перевода “с древнейших времен до наших дней” указывается, “что многие переводы выполнялись не с греческого языка, а с сирийского языка, лучше известного на Ближнем Востоке... Таким образом, возникала весьма опасная для адекватного понимания текста ситуация, когда, ссылаясь на Аристотеля, тот или иной западноевропейский схоласт на самом деле имел в виду латинский перевод арабского перевода сирийского перевода греческого оригинала со всеми вытекающими отсюда последствиями”. Живописуемая картина в реальной жизни практически никогда не встречалась, так как в отношении философских трудов срабатывал на зрелом этапе арабоязычной переводческой деятельности иной принцип — так называемый “критический перевод”, суть которого заключалась в привлечении подлинника, а также всех вариантов имевшихся на то время переводов на сирийском и арабском языках. Окончательный вариант, сделанный опытными переводчиками или отредактированный ими, получал официальное признание заказчика — халифа, сановников, духовных лиц или любителей науки, способных оплатить

дорогостоящую работу переводчика. Нередко переводы выполняли для себя ученые, занимавшиеся той или иной наукой. Как правило, выдающиеся переводчики были видными учеными и превосходными полиглотами. Европейские ученые, познакомившиеся с античным научным наследием в Испании посредством арабоязычных переводов и трудов арабоязычных мусульманских ученых и попытавшиеся перевести их на латинский язык, столкнулись с огромными трудностями, так как последний на данном этапе функционирования не располагал “соответствующей терминологией... вследствие чего, — справедливо отмечают авторы вышецитированного пособия, — возникает необходимость прибегать к малопонятным и неизбежным искаженным заимствованиям” [Нелюбин, 2006: 53—55]. По мере развития собственных философских школ в европейских странах и совершенствования латинского языка как международного научного языка естественным образом возникла потребность ознакомиться с оригинальными древнегреческими трудами и дать их прямой латинизированный перевод. При этом не следует забывать, что Византия стала снабжать арабов древнегреческими рукописями задолго до Крестовых походов, из которых в Европу в качестве трофеев и даров стали поступать первые оригиналы. А усилившийся культурный обмен Европы с Константинополем завершил начатую миссию — античное наследие стало интенсивно изучаться по первоисточникам, переводиться на различные европейские языки, подготовив со своей стороны наступление новой великой эры — Возрождения.

Что касается общей направленности переводческой деятельности в Арабском халифате, то она в условиях становления и развития молодой арабо-мусульманской государственности и цивилизации была различной — *практической* (с точки зрения жизненных потребностей в оптимально адекватных переводах соответствующих трактатов по естественно-научным дисциплинам), *фрагментарно-избирательной* или наукоёмкой, *эквивалентно полнокровной и целокупной* (с точки зрения выбора способов и приемов перевода) соответственно на этапах освоения основополагающих философских дисциплин и развития собственных научных изысканий. Неоднократно делаются полные повторные или новые переводы уважаемых авторов. Любопытно, что переводы медицинских трактатов и работ по естественно-научным дисциплинам в меньшей степени подвергались критике. Они считались вполне приемлемыми для собственных исследований в области медицины, астрономии, механики и т.д., так как выполнялись учеными — профессионалами и блестящими полиглотами.

Следует подчеркнуть, что судьбы переводов в реальной жизни во многом зависят от конкретных обстоятельств — экономических, финансовых и технических. Экстраполируя (с известной долей коррек-

ции на специфические условия развития Арабского халифата) высказывание Н.К. Гарбовского о трудностях, с которыми сталкивается переводчик Библии, можно в целом согласиться с его основными тезисами и применительно к трансляции и других по жанру и стилю произведений различных авторов: “Одной из отличительных черт переводческой практики по созданию различных переводных версий Библии является фрагментарность переводов. Причин этому по крайней мере две. Первая причина, функциональная, лежит в русле собственно религиозной практики. Библейские тексты, служащие для литургий и специально отобранные для этой цели, переводились в первую очередь, составляя основное ядро библейских переводов. Эти тексты переводились неоднократно и, как правило, на многие языки мира. Вторая причина — скорее техническая, а отчасти и экономическая. Полный перевод столь объемного литературного произведения требует многолетней работы, выполнить которую не всегда под силу не только одному человеку, но даже и переводческой бригаде. Такое предприятие оказывается и весьма дорогостоящим. Поэтому нередко Библию переводят и издают отдельными частями. Второй важной для теории перевода особенностью переводческой практики в области создания переводных версий Библии является прослеживаемое на протяжении всей истории противоречие между попытками, с одной стороны, как можно более точно расшифровать и передать все смыслы текстов Священного Писания, а с другой — сделать переводной библейский текст максимально понятным даже самому неподготовленному читателю. Поэтому нередко в текст перевода вносились добавления, раскрывающие и разъясняющие значения тех или иных слов, а также устранялись трудные для понимания фрагменты” [Гарбовский, 2004: 39—40]. Архетип подобной переводческой ситуации можно вероятно обнаружить в любых крупных переводческих ареалах (ср., например, средневековые ареалы арабоязычный, тюркоязычный, латиноязычный, современные глобальные англоязычный и русскоязычный).

Переводческая практика в ее различных проявлениях в арабоязычном континууме имеет глубокие историко-онтологические корни.

В истории науки о переводе сравнительно слабо освещены в системной взаимосвязи периоды V—XII вв. и XIII в. н.э., которые по праву могут быть названы “великой эпохой переводов” античного научного наследия соответственно с греческого языка на сирийский, коптский, пехлеви (среднеперсидский) и главным образом на арабский и с арабского на латинский, кастильский диалект испанского языка, древнееврейский и прочие языки Европы и Азии.

Греческий язык был распространен среди сирийцев-христиан в Палестине, Сирии и Верхней Месопотамии, входивших в состав Ви-

зантии и завоеванных арабами в 636—642 гг., а также в Египте, к 646 г. также перешедшему под власть арабов. Сирийцы исповедовали христианство несторианского и монофизитского (с VI в. — яковитского) толка. Для сирийских теологов важно было подвести под свою христианско-“еретическую” умозрительную догматику логико-этический базис. Поэтому перевод некоторых древнегреческих философских трудов на сирийский язык считался архиважной задачей.

Сирийский язык восходит к восточноарамейскому диалекту г. Эдессы (ныне г. Урфа в юго-восточной части Турции) и его окрестностей. Функционировал с III в. н.э. На нем имеется богатая известная всему миру церковная и светская литература. Благодаря многочисленным переводам с греческого языка значительно расширил свой лексико-терминологический запас за счет последнего. В нем также широко представлен персидский словарный слой. Переводчики философской и медицинской литературы были, как правило, учеными-теологами и врачами, блестяще владевшими и греческим и родным языком. Сирийцы заслуженно славились как “великий народ переводчиков”. Наиболее ранним достоверно известным считается перевод Ибаса (ум. 457) на сирийский язык сочинения Порфирия “Введение в Категории Аристотеля”, ставший фактически учебником логики для сирийцев-несториан и монофизитов. Врач и ученый-энциклопедист Сергей из Решайны (ум. 532) написал оригинальное сочинение по логике в семи томах, а также трактаты “О причинах Вселенной согласно Аристотелю”, а также трактаты “О роде, виде и индивидуальном” и “Трактат о причинах мира”. Его перу принадлежат также сочинения по медицине и астрономии. Составив комментарий к “Категориям” Аристотеля, он блестяще перевел “Введение...” Порфирия, усовершенствовав перевод Ибаса. Подобным образом трудились духовное лицо и врач Проб из Антиохии (первая половина V в.) и многие другие профессионалы-переводчики. Еще с IV в. нередко переводились на сирийский разнообразные сочинения изречений этического характера, содержавшие определенный историко-философский материал, который однако интерпретировался в духе христианизированной пифагорейско-платоновской мудрости. В целом же следует отметить, что список подлежащих переводу и толкованию текстов оставался примерно одинаковым. Как неудивительно, но, к примеру, аристотелевская “Метафизика”, его трактат “О душе”, платоновские диалоги полностью так и не были переведены на сирийский язык. В целом логические трактаты отличались несравненно большим соответствием грекоязычным оригиналам, нежели переводные работы по этике и метафизике. Практически полностью и на высоком качественном уровне переводились медицинские трактаты. Стремясь извлечь из “языческого”

греко-римского наследия необходимые знания, несториане и монофизиты в Сирии и Египте в то же время повсеместно изгоняли в противовес византийской Церкви греческий язык из литургии и обучения, переводя их соответственно на сирийский и коптский языки [Шаймухамбетова, 1979: 19—25].

В Персии шах Хосров в середине VI в. основал знаменитую Академию Гундишапура, в которой велась большая переводческая и научно-исследовательская работа в области медицины и других естественных наук. На пехлеви были переведены труды Гиппократ и Галена. Изучалась также греческая и индийская философия. Были переведены логические трактаты Аристотеля и упоминавшееся выше “Введение...” Порфирия. Из работ Платона целиком был переведен только один диалог.

В знаменитой Александрийской школе (Египет), славившейся в эпоху позднего эллинизма своими философскими изысканиями, в рассматриваемый период развивались естественные науки — медицина, химия, астрономия и др. Среди сирийских монофизитов были весьма популярны комментарии Иоанна Грамматика к трудам Аристотеля. В Александрии, как и в некоторых других городах Египта, находилось большое количество античных рукописей, переводы которых на арабском, сирийском и коптском языках активно использовались при освоении гуманитарного и естественно-научного наследия древних греков и служили отправной точкой в дальнейших собственных научных исследованиях.

С VIII в. сирийский язык, “вытесняемый арабским... прекращает свое существование в устах сирийцев и продолжает его лишь в качестве письменного языка (до XV в.) или же в качестве литургии сирийской церкви по сей день” [Церетели, 1982: 128].

Оценивая в целом переводческую деятельность сирийцев — несториан и монофизитов, следует признать, что исторически сложившееся двуязычие определенных кругов общества подготовило базу для дальнейшей передачи античного научного и культурного наследия новой зарождающейся арабо-мусульманской цивилизации. В рамках последней они также сыграли видную роль по непосредственному донесению факела знаний древних до образованных кругов Арабского халифата и в меру своих сил способствовали расширению их рядов. Арабы также получили бесценный опыт переводческой работы.

В истории арабо-мусульманского государства VIII—XI вв. — особый период, “характеризующийся наиболее ярким и полным проявлением творческих и созидательных сил”. В Арабском халифате “расцветает городская культура, развиваются ремесла и торговля, воздвигаются великолепные сооружения, создаются университеты,

в которых наравне с богословием преподаются светские науки, комплектуются государственные и частные библиотеки [Фильштинский, 1977: 5]. Большой вклад в становление и активное развитие интеллектуальных процессов в халифате внесли на начальном и последующих этапах представители разной этнической и конфессиональной принадлежности. В правящей верхушке в VIII в. возник небывалый спрос на знания в самых разных областях — медицине, математике, астрономии, химии, географии и т.д. “Наряду с практическими потребностями в естественных науках возникает также интерес к философии в различных ее ответвлениях, к изящной словесности — поэзии и художественной прозе. Эти запросы первоначально могли удовлетворить потомки и ученики нашедших в Сасанидском Иране убежище греков-византийцев и сирийцев-несториан, образованные персы и евреи... предлагали свои услуги в качестве врачей, астрономов, переводчиков” [Халидов, 1982а: 70—71].

В VII в. переводческая деятельность продолжалась в христианских школах, а после основания Багдада в 765 г. халиф ал-Мансур пригласил сирийских врачей из Гундишапура ко двору, где помимо своих профессиональных обязанностей они занимались собственными научными изысканиями и переводческой работой. Были переведены с сирийского на арабский медицинские трактаты Галена, а также логические сочинения Аристотеля и др. Библия, Евангелия, псалмы и труды теологов стали интенсивно переводиться на арабский язык уже начиная с VIII в. Христиане стали активно пользоваться арабским языком. Установлен факт существования непрерывной традиции переписки книг церковного обихода на арабском языке. Переводческая деятельность сирийцев и персов способствовала становлению уважаемого ремесла и среди самих арабов.

Достоверные сведения о развитии арабской письменности как творческой книжной работе сохранились только со времен правления Муавия (661—680), который проявлял большой интерес к племенным преданиям и легендарной истории Аравии и при котором также были выполнены переводы трактатов Зосимы — ученого Александрийской школы.

В целом переводческая деятельность под покровительством династии Омейядов (661—750) продолжалась до самого её конца. При Омейядах сформировались практически все жанры арабской письменности — различные виды письменных сочинений вне зависимости от содержания. Было создано порядка трехсот оригинальных произведений и до трех десятков переводных [Халидов, 1982б: 216—217].

Планомерная, официально поддерживаемая и щедро оплачиваемая переводческая деятельность в халифате началась в Бейт ал-Хикма (“Доме мудрости”), который был основан при Харуне ар-Рашиде

(786—809) и деятельность которого достигла своего апогея при его сыне ал-Мамуне. Первым главой его был назначен профессиональный переводчик Яхья ибн Масавейх (ум. 857), владевший сирийским, арабским и отчасти греческим языками. История сохранила имена таких крупных переводчиков и комментаторов, являвшихся одновременно и авторами оригинальных научных произведений, как Абдалла ибн Мукаффа, упоминавшийся выше Хунейн ибн Исхак, Коста ибн Лука, Сабит ибн Курра, Мата ибн Юнус, Яхья ибн Ади и др.

Арабизация государства шла усиленными темпами. Прочие языки вытеснялись из всех сфер деятельности. Арабский язык с распространением ислама стал универсальным языком богословских и светских наук, административной, деловой и хозяйственной переписки, науки, литературы и искусства. Естественно, что все научное наследие древних, а также неарабских культурно развитых народов, находившихся под юрисдикцией Арабского халифата, следовало перевести на арабский язык. И эта задача была с блеском выполнена. С греческого, сирийского, пехлеви, санскрита было переведено огромное количество самых разнообразных трудов по философии с ее ответвлениями, географии, математике, астрономии, алхимии и прочих оккультных наук, медицине, ветеринарии, фармакогнозии, ботанике, зоологии, минералогии, теории музыки, филологии, народных и авторских художественных произведений и др. Благодаря арабским переводам человечество узнало о содержании погибшей “Механики” Герона и многих сгоревших рукописях Архимеда.

Особенность арабоязычной школы перевода заключается в том, что этим видом деятельности в халифате занимались также выдающиеся ученые Средневековья. Так, ал-Кинди (ум. ок. 870) — первый арабский философ, был современником всех наиболее выдающихся переводчиков и имел возможность из первых рук знакомиться с результатами их работы. Сам владел греческим и сирийским языками и перевел на арабский ряд трудов греческих авторов. Когда Абдель Масих ал-Химси перевел в середине IX в. сочинение “Теология Аристотеля” и комментарий Порфирия, его работу просмотрел и исправил ал-Кинди по заказу халифа ал-Мутасима. То же самое можно сказать и о переводных материалах по минералогии, которые ал-Кинди использовал при работе над своим сочинением. Авторитетный переводчик Коста ибн Лука из Баальбека (ум. ок. 912) не только перевел ряд трудов Аристотеля и других более поздних сочинений, но и сам написал несколько трудов по математике, астрономии и другим наукам. Знаменитый ученый мусульманского мира Абу Рейхан Бируни (973—1048), родным языком которого был хорезмийский, владел арабским, персидским и санскритом. С последнего

он перевел на арабский некоторые труды индийских ученых по математике, астрономии и философии. А для индийских ученых он перевел с арабского на санскрит “Начала” Евклида, “Алмагест” Птолемея и свои “Астролябии”. До настоящего времени сохранились в переводе с санскрита тексты философского трактата “Книга Патанджалы об освобождении от уз” и трактата “Блеск зиджей” — астрономических таблиц “Карана — тилака” Виджаянандина [Кедров, Розенфельд, 1973: 12]. Обычно среди самых первых переводов с греческого называются сочинения по музыке. Музыке и пению обязана рождением одна из самых грандиозных арабских антологий — “Книга песен” Абу ал-Фараджа ал-Исфагани (X в.). Абу Али ал-Хусейн Ибн Сина (Авиценна), родившийся близ Бухары (ок. 980—1037), считается одним из самых значительных философов исламского мира. Не меньшей была его слава как выдающегося врача-исследователя. Ему принадлежат глубокие суждения о соотношении логики и языка и о сущности последнего. Он полагал, что неумелый мыслитель основывается в своих раздумьях на языке, в то время как дорога к совершенству лежит через очищение понятий, которые в лингвистических категориях присутствуют лишь в несовершенном виде. Хотя языки различаются, все они имеют одну и ту же глубинную логическую структуру, и философ призван исследовать и уточнять эти весьма общие и абстрактные логические принципы [Лимэн, 2007: 39]. Очевидно, что мыслитель такого уровня в окружении ученых-полиглотов сам не мог не быть таковым, а в своих исследованиях безоглядно опираться только на чужие переводы. Неудивительно, что он слыл помимо всего хорошим переводчиком и стилистом. Он много работал с трудами Аристотеля и писал о нем. Ибн Сина переводил медицинские трактаты античных, византийских, индийских, сирийских и персидских врачей. Ботанические исследования в халифате начались с перевода сочинения Диоскорида “О лекарственных средствах”, выполненного переводчиками-учеными в XI—XII вв. трижды. Этот логический ряд далеко не завершается названными именами.

В истории переводческой деятельности в халифате можно найти немало курьёзных, а то и трагикомичных эпизодов. По-видимому, по причине безгласного, консонантного характера арабского письма были перепутаны сочинения Платона и Плотина. Некоторые из “Эннеад” Плотина появились под названием “Теология Аристотеля” [Гибб, 1960: 48]. Некоторые переводы “недолго имели хождение в том виде, как они вышли из-под пера переводчиков, в редких случаях жили много веков. В большинстве своем они подвергались переработке с добавлениями арабо-мусульманского опыта, инкорпорировались в новые книги, которые в конце концов и вытесняли их из

обращения” [Халидов, 1982б: 246]. Социально-экономическая и научно-культурная заданность переводческой деятельности в средневековом халифате была очевидной: она служила отправной точкой для последующей научно-поисковой деятельности в соответствующих областях знаний, обладающих прежде всего практической значимостью. И она достойно выполнила свое предназначение в том виде, который был ей определен общественным заказом. К сожалению, труд переводчика на более поздних этапах существования государства (несмотря на его безусловно творческий и сотворческий характер) стал иногда несправедливо забываться вместе с именем создателя перевода, “либо незаслуженно преувеличивался, когда имя переводчика подставлялось вместо имени автора оригинала” [Гибб, 1960: 257].

Начавшийся в X в. распад Арабского халифата, захват в 1055 г. Багдада сельджуками и разграбление его в 1258 г. монголами, сепаратистские движения в различных провинциях государства, приведшие в конце концов к образованию на его территории новых независимых государств, резкое сокращение финансирования науки и культуры — все эти факторы приводят к перемещению интеллектуальной деятельности в Сирию, Египет, Испанию и другие мировые центры. Ослабляется работа по переводу литературы с иностранных языков на арабский. Были, в частности, переведены историческое сочинение Орозия с латинского в Испании и индийские трактаты с санскрита в Газне. Тезис А.Б. Халидова о том, что наряду с указанными историко-социальными и политическими факторами существенную роль в прекращении переводческой деятельности сыграла “самодовольная замкнутость”, “пропажа интереса к тому, что написано на других языках” и что “достигнуто другими народами и цивилизациями в области духовной культуры” [Халидов, 1982б: 218] и т.п. представляется на более широком историческом фоне фактором менее значительным, маргинальным и довольно субъективным. На самом деле произошла исторически закономерная смена центров силы, экономической состоятельности и объективных научно-культурных запросов.

Начинается совершенно новый по интенсивности этап по переводу с арабского языка на иностранные. Арабский язык из языка перевода превращается в язык-источник, язык-передатчик огромного массива знаний как “чужих”, так и “своих”. Укрепляется его статус как языка международного, языка передовой науки того времени. Возрождающиеся и развивающиеся языки Европы и Азии находят под его научно-культурном влиянием.

Особое место в интересующем нас культурно-научном и переводческом процессах занимает мусульманская (“маврская”) Испания.

Пребывание арабов и исламизированных берберов (“мавров”) в Испании (711—1492 гг.) весьма драматично знаменовалось распространением новой религии и арабского языка, бурным расцветом арабо-испанской цивилизации и Реконкистой в самых антигуманных формах — публичном сожжении на костре арабских книг (1499 г.), насильственной христианизации потомков пришельцев или высылке оставшихся мусульман с Пиренеев (1502 г.). Ранее в 1492 г. из Испании были изгнаны евреи.

Крупными культурными центрами в мусульманской Испании были города Кордова, Толедо, Севилья, Малага, Гранада и др. Бурно развивалась философская мысль, крупных успехов добились ученые в естественных науках. В поэзии и художественной прозе были созданы произведения, вошедшие в сокровищницу художественных памятников арабоязычной культуры. Испанская интеллигенция, административный аппарат, духовные лица, молодежь стали активно изучать арабский язык.

Начался “переводческий бум” на арабо-латинской языковой основе.

Переводами с арабского в Испании занимались как отдельные энтузиасты-переводчики из духовного и научного сословий, так и целые переводческие школы с официальным статусом. Одной из крупнейших школ была переводческая школа в Толедо, организованная епископом Раймундом (ум. 1151). Переводились арабоязычные труды по философии, медицине, астрономии и другим наукам. Здесь трудились Доминик Гундисалви, принявший христианство арабоязычный ученый Ибн Дауд, Иоанн Севильский и др.

В Сицилии известными переводчиками с арабского языка на латинский были Желяр из Кремоны, Аделяр из Бата, Роджер Бэкон и Роберт Честер из Англии. В XIII в. в Палермо при дворе императора Фридриха II Гогенштауфена и его сына Манфреда работала официальная переводческая школа. Философ, астролог и алхимик Михаил (Майкл) Скотт (1180—1235) трудился вначале в школе Толедо, а затем в Палермо, переводил арабоязычные труды Ибн Сины, Ибн Рушда, Ибн Гебиры, Моисея Маймонида на латынь, а также делал арабоязычные переводы греко-эллинистических философских трактатов.

Особое место в иерархии ученых переводчиков занимает знаменитый философ Ибн Рушд (1126—1198), известный в Европе под латинизированным именем Аверроэс. Родился в Андалусии. Был государственным служащим, исполняя одновременно обязанности судьи и придворного врача. Известен прежде всего как блестящий комментатор трудов Аристотеля. Его трудами пользовались в Европе еще несколько столетий после его смерти. Он пользовался большим авторитетом в иудейских и христианских философских кругах также

и потому, что он делал блестящие переводы трудов Аристотеля на арабский язык. Американский философ-востоковед О. Лимэн замечает по этому поводу: “Когда латинские и иудейские ораторы хотели познакомиться с теориями Аристотеля, они могли воспользоваться услугами переводчиков из Андалусии, и те переводили арабский текст Аверроэса на еврейский язык и латынь. Количество заказанных переводов подобного рода показывает, насколько популярен был Аверроэс как толкователь и каким спросом пользовались его объяснения идей Аристотеля” [Лимэн, 2007: 46]. Не потеряли значения труды Аверроэса и в период появления греческих оригиналов произведений Аристотеля. Его переводы максимально использовались для уточнения мыслей Аристотеля при переводе первоисточников на европейские языки.

Большую роль в распространении арабо-мусульманской учености в Европе сыграли еврейские ученые-переводчики. Еще в начале XII в. стали появляться переводы арабских научных трудов на древнееврейский. Были, в частности, переведены собственные сочинения Аверроэса как выдающегося философа. Древнееврейский стал развиваться в Испании как язык науки. Появляются собственные оригинальные труды по различным отраслям знания и прежде всего по философии.

Таким образом, Европа первоначально познакомилась с античным наследием по арабским переводам, а затем по переводам с арабского на латынь. Некоторые труды древних мыслителей дошли до европейцев по переводам с древнееврейского на латынь. Позже все эти тексты были востребованы как справочно-научный аппарат при переводах греческих оригиналов непосредственно на латынь, подготовленную к тому времени для работы со сложными научными текстами.

После распада Арабского халифата как единого государства, изгнания арабов и евреев из Испании, начала “латинизации” Европы и подпадания арабских стран под турецкое владычество арабский мир на несколько веков погружается в атмосферу застоя и упадка. Период социально-культурной деградации окончательно положил конец “великой эпохе переводов”.

Список литературы

Арабская философия Средних веков // История философии. М., 1941. Т. 1. С. 433—450.

Арабские лингвистические учения // Теоретический курс арабского языка: Учебник / Под общ. ред. Э.Н. Мишкурова. М., 2004. С. 479—536.

Бартольд В.В. Мусульманский мир. Пг., 1922. 93 с.

- Габучан Г.М.* Арабская языковедческая традиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 39—41.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2004. 543 с.
- Гибб Х.А.Р.* Арабская литература (классический период). М., 1960. 196 с.
- Завадовский Ю.Н.* Абу Али Ибн Сина. Жизнь и творчество. Душанбе, 1980. 302 с.
- Кедров Б.М., Розенфельд Б.А.* Абу Рейхан Бируни: К 1000-летию со дня рождения. М., 1973. 55 с.
- Лимэн О.* Введение в классическую исламскую философию / Пер. с англ. Г.М. Северской. М., 2007. 277 с.
- Мишкурлов Э.Н.* Арабские грамматические учения // Арабский язык: теоретическая грамматика. М., 2003. Юнита 3. 30 с.
- Нелюбин Л.Л.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): Учеб. пособие. М., 2006. 413 с.
- Уатт М.* Великая эпоха переводов (<http://forum.argo-school.ru/archive/index.php/t-210.html>).
- Фильштинский И.М.* Арабская литература в Средние века. М., 1977. 291 с.
- Фролова Е.А.* Проблема веры и знания в арабской философии. М., 1983. 168 с.
- Халидов А.Б.* Арабский язык // Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982а. С. 13—74.
- Халидов А.Б.* Книжная культура // Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982б. С. 215—310.
- Церетели К.Г.* Арамейский язык. Тбилиси, 1982. 220 с.
- Шаймухамбетова Г.Б.* Арабоязычная философия Средневековья и классическая традиция. М., 1979. 151 с.
- As-Samarra'i Amir Rashid, Al-'Alawgi 'Abd Al-Hamid. Athar Hunain Ibn Ishaq / Пер. с араб. Bagdad, 1974. 150 p.
- Bergsträsser G.* Hunain Ibn Ishaq über die syrischen und arabischen Galen. Übersetzungen. Lpz., 1925. 216 s.

Р.А. Матасов

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

Нюрнбергский процесс над главными нацистскими военными преступниками (1945—1946) положил начало эре синхронного перевода. Судебные заседания переводились в синхронном режиме на четыре языка: русский, английский, французский и немецкий. В настоящей статье рассматривается ход процесса, рассказывается о том, как формировались команды синхронистов, описываются условия их работы и проблемы, с которыми они сталкивались при исполнении своих обязанностей.

The Nuremberg Trial (1945—1946), in which the International Military Tribunal tried high Nazi officials for the crimes they had committed during World War II, marked the beginning of simultaneous interpreting era. The proceedings were held in English, Russian, French, and German. This paper examines the context and the course of the Trial, the way the interpreting teams were formed, their working conditions, and the scope of challenges the interpreters had to face when exercising their duty.

Ключевые слова/Key words: *Нюрнбергский процесс, Международный военный трибунал, синхронный перевод, последовательный перевод, официальные языки.*

9 мая 1945 г. в 0.43 по московскому времени представители германского верховного командования подписали в предместье Берлина Карлсхорсте акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Данное событие ознаменовало фактическое завершение Великой Отечественной войны. Двумя сутками ранее в Реймсе, поставив свою подпись под предварительным протоколом о капитуляции, генерал-полковник немецко-фашистских войск Альфред Йодль выразил надежду, что “победители отнесутся к ним (германскому народу и его вооружённым силам) с великодушием...” [Кынин, 2000].

С 26 июня по 8 августа того же года в Лондоне проходила конференция четырёх союзных держав — СССР, США, Великобритании и Франции, в ходе которой было выработано Соглашение об организации Международного военного трибунала¹.

Местом проведения судебного процесса над главными нацистскими преступниками был выбран баварский город Нюрнберг. Этот выбор имел помимо ряда сугубо практических причин ещё и важное символическое значение: именно в Нюрнберге в 30-е годы проводила свои съезды национал-социалистская партия, Нюрнберг являлся колыбелью германского фашизма и, по решению стран-победительниц, должен был стать его могилой.

Каждая из четырёх держав направила в Нюрнберг свою обвинительную делегацию². Председателем трибунала был назначен лорд-судья Апелляционного суда Англии и Уэльса Джеффри Лоренс.

24-м главным нацистским преступникам³, занимавшим в Третьем рейхе ключевые государственные и военные посты, было предъявлено обвинение по 4-м пунктам:

1. Общий план или заговор.
2. Преступления против мира.
3. Военные преступления.
4. Преступления против человечности.

Победители отнеслись к поверженному врагу вполне великодушно. Положения Устава МВТ предоставляли подсудимым широкие права для личной защиты и защиты при помощи адвокатов. Кроме того, в статье 16 Устава отмечалось, что “копии обвинительного акта и всех документов, направляемых вместе с обвинительным актом, *переведённые на язык* (курсив наш. — *Р.М.*), который подсудимый понимает, передаются ему заблаговременно до начала суда” [Нюрнбергский процесс..., 1954: 18] и “предварительный допрос подсудимого и судебное заседание будут вестись или *переводиться на язык* (курсив наш. — *Р.М.*), который подсудимый понимает” [там же].

Перед организаторами встал трудный вопрос: как оптимальным образом осуществлять устный перевод на судебных заседаниях, чтобы претворить в жизнь содержание последнего из вышеуказанных пунктов статьи 16 Статута и обеспечить взаимопонимание всех участников процесса?

Найти решение данной проблемы было поручено сотруднику Бюро стратегических служб, личному переводчику генерала Эйзенхауэра полковнику Леону Достеру, который получил назначение на пост начальника отдела переводов генерального секретариата МВТ. Достер понимал, что последовательный перевод, к тому времени широко распространённый на международных конференциях, в данном случае был неприемлем, так как значительно затянул бы ход процесса, который и без того обещал быть долгим ввиду собранного представителями обвинения огромного количества улик, свидетельствующих о величайших злодеяниях, совершённых гитлеровцами против всего человечества.

Тогда полковник предложил использовать на судебных заседаниях синхронный перевод (СП), при котором переводчик передаёт на иностранном языке речь оратора одновременно с выступлением последнего. Следует отметить, что синхронный перевод использовался в международной практике и до Нюрнбергского процесса, однако состоял лишь в синхронном чтении заранее переведённого тек-

ста выступления докладчика или в последовательном переводе на разные языки, осуществляемом параллельно несколькими переводчиками.

Американская компания IBM предложила оснастить зал судебных заседаний нюрнбергского Дворца правосудия самой современной аппаратурой — модернизированной системой “Hushaphone” Филина—Финля⁴ — и предоставила своё оборудование бесплатно, правительство Соединённых Штатов оплачивало только его доставку в Нюрнберг и монтаж в зале суда.

Рабочая зона синхронных переводчиков была обустроена следующим образом. Состоящий из четырёх трёхместных кабин (английской, русской, немецкой и французской) “аквариум” поместили в глубине зала в непосредственной близости от скамей подсудимых. Это тоже была идея Достера, опытного устного переводчика, который как никто понимал, насколько важной окажется для его подопечных возможность непосредственно наблюдать за поведением главных антигероев суда. Каждая из кабин имела с трёх сторон невысокие стеклянные перегородки. Верх оставался открытым, т.е. ни о какой звуконепроницаемости, которая сегодня является обязательным условием работы синхрониста, не было и речи.

В кабине могли одновременно расположиться три переводчика, на которых приходилось три пары наушников и один ручной микрофон. Для всех присутствующих в зале также были предусмотрены наушники: в них можно было слушать как оригинальную речь выступающего, так и её перевод на любой из официальных языков заседаний. Система была пятиканальной: первый канал предназначался для оригинальной речи, второй — для английского языка, третий — для русского, четвёртый — для французского, пятый — для немецкого. Наушники переводчиков были настроены только на первый канал.

В зале установили 6 микрофонов: по одному для каждого из четырёх судей, один у свидетельской стойки и один на трибуне обвинителя.

Достер и его помощники изначально приняли решение, что каждый синхронист будет осуществлять только прямой перевод в одну сторону, на один язык, во избежание двойной психофизической нагрузки.

Решая техническую составляющую задачи, организаторы одновременно с этим вели поиски квалифицированных переводчиков, способных осуществлять синхронный перевод на высоком профессиональном уровне.

Главная проблема заключалась в том, что до Нюрнбергского процесса синхронистов нигде в мире не готовили, поэтому было решено задействовать специалистов последовательного перевода.

От кандидатов требовалось прекрасное владение исходным и переводящим языками, хорошее знание юридической и военной терминологии, высокая стрессоустойчивость. Успешно прошедших серию испытаний на выявление способностей к СП переводчиков ждала встреча с неизведанным. Им предстояло творить историю...

20 ноября 1945 г. в зале № 600 нюрнбергского Дворца правосудия прошло первое заседание Международного военного трибунала. В этот зал, отделанный тёмными дубовыми панелями, монолитным резным гранитом и устланный французскими коврами, совершенно не проникал дневной свет, так как все окна были наглухо зашторены. Освещение давали мощные лампы на потолке. Галерея для гостей (100 мест) и сектор прессы (150 мест) были заполнены до отказа. В 9.30 по местному времени сотрудники прокуратуры и адвокаты заняли свои места за соответствующими столами, а 12 переводчиков-синхронистов — “аквариум”. В 9.45 солдаты американской военной полиции ввели в погружившийся в гробовую тишину зал 20 обвиняемых⁵, которые разместились на поставленных в два ряда скамьях подсудимых. В 10.00 прозвучали слова судебного исполнителя: “Внимание! Встать! Суд идёт!”. На высокую трибуну поднялись судьи, и заседание было открыто. Таким образом, 20 ноября 1945 г. следует считать официальным днём рождения синхронного конференц-перевода в современном понимании этого термина. Маховик правосудия завертелся, и одной из главных сил, приводивших его в движение, являлись, безусловно, переводчики. Им предстояло проделать огромную и невероятно ответственную работу, требовавшую предельного физического и душевного напряжения, поэтому с самого первого дня их трудовая деятельность была подчинена строгому графику, разработанному полковником Достером и его помощниками.

Отдел переводов состоял из 4 групп:

1. Синхронные переводчики (36 человек).
2. Вспомогательные последовательные переводчики (12 переводчиков с языков, отличных от 4-х официальных, использовавшихся на процессе).
3. Письменные переводчики (8 секций по 20—25 человек в каждой. 15—18 переводчиков готовили сырые переводы, а 8 занимались редактурой переведённых материалов. За каждой секцией было закреплены по 10 машинисток).
4. Стенографисты (12 человек для каждого языка).
5. Редакторы стенограмм (свыше 100 переводчиков, редактировавших стенограммы, сличая их с магнитозаписями выступлений).

Численный состав группы синхронистов не менялся на протяжении всего процесса. 3 команды — “А”, “В” и “С” (по 12 переводчиков

в каждой) — работали посменно. Их типичный рабочий день имел следующий распорядок. Утром команда “А” работала в течение 85 минут в “аквариуме” в зале суда. В кабине сидели три переводчика, за каждым был закреплён рабочий язык, с которого он должен был переводить на язык, соответствующий названию кабины. Один переводчик переводил, двое ждали своей очереди. Как только происходила смена выступающего и начинал звучать другой язык, первый переводчик передавал микрофон своему соседу, работавшему с данным языком.

В это время синхронисты из команды “В” находились в соседнем с залом суда помещении № 606 и следили за ходом заседания через наушники. В любой момент они готовы были заменить одного или нескольких коллег в зале, если те по какой-либо причине не могли продолжать работу или допускали серьёзные ошибки в своём переводе. Кроме того, переводчики из команды “В” составляли собственные глоссарии, ориентируясь на синхронный перевод коллег из команды “А”. Так вырабатывался единый терминологический глоссарий всех переводческих команд и обеспечивалась связность выполняемого ими перевода.

Во время заседаний два вспомогательных устных переводчика постоянно находились позади стола судей. К их помощи судьи прибегали в тех случаях, когда им необходимо было срочно выяснить что-либо друг у друга. Оба переводчика имели три рабочих языка (русский, английский и французский).

Между английской кабиной и столом судебного исполнителя находилось место начальника смены переводчиков, в обязанности которого входило обеспечение исправной работы переводческого оборудования и контроль за выполняемым синхронистами переводом. Кроме того, начальник смены выступал в качестве посредника между судьями и своими коллегами в кабинах. Под рукой у него находились две кнопки, нажимая которые, он зажигал жёлтую или красную сигнальную лампочку. Первая предназначалась для подачи председателю суда сигнала о том, что выступающему следует говорить медленнее, так как переводчик за ним не поспевает или просит повторить сказанное (оптимальный темп речи для СП составлял 60 слов в минуту). Назначение второй — информировать судей о возникновении какой-либо серьёзной проблемы, например о приступе кашля у переводчика или поломке оборудования⁶.

По истечении первых 85 минут заседания происходила смена команд: “А” отправлялась в комнату № 606, а “В” занимала “аквариум”. В 13.00 председатель суда объявлял часовой перерыв, после которого обе команды продолжали работать в вышеописанном режиме. Команда “С” в этот день отдыхала. В дальнейшем третья команда

в свободные от “аквариума” дни периодически привлекалась для проверки стенограмм, помощи письменным переводчикам в работе с документами и устному переводу на закрытых совещаниях МВТ.

Итак, каждая из трёх команд работала в “аквариуме” в среднем по три часа в день, четыре дня в неделю (суд заседал ежедневно, кроме воскресенья, с десяти утра до пяти вечера с часовым перерывом на обед). Такая ротация обеспечивала наиболее эффективный результат и оставалась неизменной даже после того, как 18 апреля 1946 г. полковника Леона Достера на посту начальника отдела переводов сменил капитан-лейтенант Альфред Стир.

Одной из главных проблем, как уже отмечалось выше, была кадровая. Только Андре Каминкер (старший переводчик французской делегации) имел некоторый опыт синхронного перевода. Даже Женевская школа устных переводчиков, основанная в 1941 г. и являвшаяся одним из авторитетнейших профильных учебных заведений, не выпускала тогда ещё синхронистов. Отбор переводчиков на процесс производился в два этапа. Вначале помощники старших переводчиков на местах (в Париже, Лондоне, Женеве, Вашингтоне и т.д.) подвергали кандидатов интенсивному тестированию на выявление способности к одновременному слушанию выступающего и переводу его речи. Выдержавшие эту серию испытаний приезжали в Нюрнберг, где их ждал второй тест на профпригодность. Патрисия ван дер Элст, переводчица с французского языка на английский на Нюрнбергском процессе, вспоминала, как проходила этот отбор: “К своему удивлению, я показала отличные результаты на проверочном испытании, организованном в Женевской школе устных переводчиков. Там нас обучали только последовательному переводу, поэтому необходимость говорить в микрофон, слушая одновременно с этим голос докладчика, приводила в крайнее замешательство. Чернила в моём дипломе ещё не успели высохнуть, а я уже ехала в Нюрнберг. То была моя первая работа и, хотя тогда я этого ещё не знала, самая важная. Я погрузилась в неё с невинным воодушевлением двадцатидвухлетней девушки, которая искала в зарубежной командировке независимости от родителей и встречи с манящей неизвестностью... В Нюрнберге меня поселили в гранд-отеле на весь срок командировки. Неделю я провела в галерее для гостей, наблюдая за ходом процесса. Затем после короткого теста в кабине во время обеденного перерыва мне сказали, что со следующего дня я приступаю к настоящей работе. Я понимала, что мне предстоит либо пойти ко дну, либо удержаться на плаву. Я удержалась” (перевод наш. — *Р.М.*) [Sonnenfeldt, 2006].

Ещё одна переводчица, Элизабет Хейворд, работала в кабине уже на следующей день после своего прибытия в Нюрнберг и достойно выдержала это “крещение огнём”.

Однако не у всех кандидатов путь в “аквариум” был таким же коротким, как у Патрисии ван дер Элст и Элизабет Хейворд. Многие начинали работу в службе письменных переводов и лишь по истечении определённого времени (от недели до нескольких месяцев) переводились в группу синхронистов. Иногда случалось и обратное. Некоторые синхронисты, будучи жертвами нацистских концлагерей или детьми таких жертв, не выдерживали огромной психологической нагрузки и уходили в службу письменных переводов. Так, одна юная выпускница Женевской школы еврейского происхождения проявила на тестировании великолепные способности к синхронному переводу, однако, оказавшись в кабине во время судебного заседания, застыла и не смогла произнести ни слова. Старшему переводчику она сказала, что просто не в состоянии работать, видя перед собой людей, погубивших многих членов её семьи.

По ходу процесса одни синхронисты сменялись другими. При этом Женевская школа переводчиков была не единственным источником переводческих кадров⁷. Советские переводчики, которые отправлялись в Нюрнберг прямо из ставки Красной армии в Карлсхорсте или через Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), получили образование в советских вузах. Например, Евгений Абрамович Гофман, переводчик с немецкого, окончил военный факультет при Втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ), а Татьяна Алексеевна Рузская (переводила с английского), Инна Моисеевна Кулаковская (переводила с немецкого) и Константин Валерьянович Цуринов (синхронный переводчик, а в дальнейшем секретарь советской делегации) — Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ). Впрочем, в ходе вышеупомянутого тестирования неоднократно выяснялось, что высшее лингвистическое образование не всегда гарантирует наличие у кандидата серьёзных способностей к синхронному переводу. Помимо дипломированных переводчиков к работе в “аквариуме” привлекались талантливые люди и других профессий: учителя, юристы, кадровые военные. Синхронист Юрий Сергеевич Хлебников окончил Высшую школу коммерции в Париже, а его коллега Петер Юбералль до войны работал биржевым маклером. Многие синхронисты, переводившие с русского языка, были выходцами из семей белоэмигрантов. Например, князь Георгий Илларионович Васильчиков, княгиня Татьяна Владимировна Трубецкая, возглавлявшая русскую секцию отдела переводов, и уже упомянутый Юрий Хлебников. Для многих из них два языка (или даже более) становились в равной мере родными с детства. Кроме того, не все синхронисты занимались на процессе исключительно переводом. Так, Ричард Зонненфельдт, старший переводчик

американской делегации, выполнял ещё функции помощника её главного следователя и за добросовестный труд, по ходатайству обвинителя Роберта Х. Джексона, был удостоен Благодарственной медали за службу в Сухопутных войсках США. Олег Александрович Трояновский (сын первого советского посла в США Александра Антоновича Трояновского) и Энвер Назимович Мамедов переводчиками считались лишь номинально, хотя часто помогали своим коллегам в “аквариуме”. Оба занимались дипломатической работой. Трояновский работал секретарём советского судьи Ионы Тимофеевича Никитченко, а Мамедову было поручено тайно доставить в Нюрнберг фельдмаршала Паулюса, пленённого под Сталинградом, для дачи свидетельских показаний на процессе. Главный обвинитель от СССР Руденко вспоминал, что появление Паулюса в зале суда “произвело эффект разорвавшейся бомбы”, так как в Германии все считали его погибшим в Сталинградском котле.

Услуги синхронных переводчиков на процессе оплачивались по-разному в разных делегациях. Больше всего получали переводчики, работавшие на американцев. Переводчики из других делегаций получали значительно меньше. При этом на американскую сторону за время процесса проработали 640 переводчиков, а, например, на советскую только 40.

В качестве улики обвинение использовало на суде огромное количество документов на немецком языке. Письменные переводчики готовили письменные переводы этих документов, и начальник смены перед началом заседания передавал их в специальных папках синхронистам, чтобы те имели визуальную опору, работая с различными статистическими данными, изобиловавшими именами собственными и цифрами. Однако по причине огромной нагрузки письменные переводчики иногда не успевали подготовить перевод тех или иных документов. В таких случаях синхронисты получали их копии на исходном языке для перевода с листа.

Отношение к синхронистам у устроителей Нюрнбергского процесса было неоднозначным. Некоторые известные последовательные переводчики изначально высказывались против использования синхронного перевода, сомневаясь в качестве его исполнения и подчас небезосновательно в надёжности нового, толком ещё не испытанного оборудования. Отдельные представители обвинения тоже не слишком благосклонно относились к переводчикам, рассматривая их лишь как “необходимое зло”. Заместитель председательствующего судьи Джеффри Лоренса сэр Норман Биркетт в своих мемуарах весьма нелестно отзывался о синхронистах: “Они — особая раса. Обидчивы, самодовольны, каждый со своими причудами. Чванливость этих господ беспредельна. Невероятно эгоистичные люди и, как правило, ярые противники мыла и солнечного света” (перевод наш. — *P.M.*) [Morris].

Критические замечания в адрес синхронных переводчиков отпускали и некоторые обвиняемые. Подсудимый № 1 Геринг неплохо понимал английский язык и часто устремлял пристальный взгляд на “аквариум”, Розенберг в своё время учился в России и знал русский, Шахт прекрасно владел английским, а Риббентроп и Шпеер — бегло говорили по-английски и по-французски. От случая к случаю они пользовались этим, чтобы блеснуть своей образованностью или смягчить излишне жёсткий, на их взгляд, перевод свидетельских показаний или документов, изобличавших бесчеловечность совершённых ими преступлений. Некоторые подсудимые даже демонстративно снимали наушники во время просмотра кинохроники или рассказов свидетелей о жестоком обращении с заключёнными в концентрационных лагерях.

Геринг предложил соседям по скамье подсудимых следующую тактику поведения на допросах: “Услышав неприятный вопрос, становитесь на дыбы и говорите им, что, мол, перевод неверен, или сошлитесь ещё на что-нибудь” [Гильберт, 2004: 354].

На одном из заседаний генерал-лейтенант Руденко представил суду стенограмму совещания рейхскомиссаров оккупированных областей и представителей военного командования, состоявшегося 6 августа 1942 г. На этом совещании выступал Геринг. Зачитав его жёсткое указание подчинённым, Руденко обратился к подсудимому с вопросом: “Правильно это? Есть такое место в вашем выступлении?” [Нюрнбергский процесс..., 1960: 29] И получил ответ: “Это место переведено переводчиком не так, как это сказано в подлиннике. Переводчик, который переводит ваши слова на немецкий язык, употребляет некоторые превосходные степени, которых здесь нет” [там же].

На другом заседании произошёл следующий эпизод. Главный идеолог рейха Альфред Розенберг, слушая перевод выступления одного из обвинителей, вдруг снял наушники и, повернувшись к “аквариуму”, громко и сердито сказал молодой немецкой переводчице по-русски: “Не картины с изображением Бога — Gottesbilder, а иконы — Ikonen, матушка” [Ступникова, 2003: 121].

Советская переводчица Т. Ступникова вспоминала, что “внезапность замечания, да ещё на безупречном русском языке произвела на переводчиков шоковое воздействие” [там же].

Однажды представитель обвинения от СССР Г.Н. Александров зачитал суду отрывок из книги “Гитлерюгенд” об особенностях нацистских методов воспитания немецкой молодёжи и спросил автора книги Шираха: “В вашей книге написано то, что я сейчас прочитал?” [Нюрнбергский процесс..., 1960: 322] Ширах с вызовом ответил: “То, что здесь лежит передо мной, написано в моей книге, а того, что мне перевели, в ней нет” [там же].

Однако иногда обвиняемые, например Шахт и Шпеер, всё же стремились сотрудничать с обитателями “аквариума”, и подсказывали им немецкие эквиваленты иностранных слов. Подсудимый Фриче даже составил список рекомендаций лингвистического характера для своих соседей по скамье с целью облегчения работы переводчикам, а Франк в одной из бесед с американским военным психологом Гюставом Гильбертом, крайне резко отзываясь о Риббентропе, даже посочувствовал синхронистам: “Нет, правда, его <Риббентропа> грамматика мне всегда доставляла головную боль. От души надеюсь, что переводчикам всё же удаётся хоть как-то передать смысл его высказываний” [Гильберт, 2004: 296].

Разумеется, испытывая огромную психологическую нагрузку, синхронисты временами допускали промахи в своём переводе, несмотря на предельную сосредоточенность. Одна юная советская переводчица, например, переводила показания Геринга и не поняла его выражение “политика троянского коня”. Запнувшись, она потеряла нить мысли и не смогла продолжать перевод. Председательствующий был вынужден остановить заседание.

Аркадий Иосифович Полторак, работавший секретарём советской делегации в Международном военном трибунале, в своей книге “Нюрнбергский эпилог” писал: «Правильный перевод в обстановке Нюрнбергского процесса выходил далеко за рамки чисто технической задачи. Это подчас приобретало характер большой политики. Вспоминается антисоветский выпад доктора Штамера, адвоката Геринга. Допрашивая одного из свидетелей, он весьма часто употреблял слово “безетцунг”, говоря об освобождении Польши советскими войсками в 1944 году. Слово это имеет два значения: “оккупация” и “занятие”. По всему духу вопросов адвоката советский переводчик Евгений Гофман понимал, какой смысл вкладывает тот в слово “безетцунг”, и потому перевёл его как “оккупация”. Р.А. Руденко тут же заявляет протест. Западные судьи, которым их переводчики перевели это слово в его нейтральном звучании, не понимают, чего добивается главный советский обвинитель. Объявляется перерыв. Суд удаляется на совещание. Наш переводчик разъясняет суть дела. Суд возвращается в зал и объявляет о своём решении: в протоколе заседания слово “оккупация” должно быть заменено словом “освобождение”. Доктор Штамер недовольно кривится, но возражать не смеет...» [Полторак, 1965].

Если принять во внимание психологическую атмосферу, в которой приходилось работать нюрнбергским синхронным переводчикам, технические проблемы, с которыми они сталкивались, и тот факт, что эта работа была первым в истории опытом широкомасштабного использования синхронного перевода на мероприятии общемировой значимости, нападки критиков на синхронистов ока-

зываются не всегда правомерными, а иногда просто несостоятельными, так как все переводчики на процессе имели высочайшую квалификацию.

Нюрнберг, подвергшийся разрушительным бомбардировкам союзников, представлял собой печальное зрелище и походил на город-призрак. Путь переводчиков из гранд-отеля или реквизированных вилл, где они проживали, до Дворца правосудия и обратно пролегал через нагромождения фантазмагорических руин. В воздухе явственно чувствовался трупный запах...

Аппаратура часто давала сбои. В неудобных “громоздких” наушниках синхронистов временами пропадал голос выступающего: подводила проводка, не выдерживавшая накала страстей в зале. На одном из перекрёстных допросов Геринг, взбешённый показаниями свидетеля, с яростью дёрнул за провод своих наушников, едва не оборвав его...

Перед переводчиками, как и всеми остальными присутствующими в зале суда, день за днём разворачивалась картина преступлений нацистов, представленная в свидетельских показаниях, документах и вещественных доказательствах. “Сотни глаз устремлены поочерёдно на экран и на подсудимых. Им некуда деться. Текут слёзы по щекам солдат караула. Мёртвая тишина. С экрана говорят спасённые из лагерей. Они ужасающе худы, избиты, их глаза невыразимо, смертельно тоскливы... Четверть часа люди смотрят на подсудимых — в упор, молча, потрясённо” [Суд истории..., 1966: 42—43]. Так советский журналист В. Вишневецкий описывал в одном из своих репортажей с Нюрнбергского процесса просмотр документального фильма о немецких концлагерях. Переводчики видели эти леденящие кровь кадры, находясь так близко от главных виновников массового истребления узников Дахау, Освенцима, Майданека и других лагерей смерти, что могли смотреть им прямо в глаза. На одном из заседаний обвинение демонстрировало в зале суда растянутые куски выделанной человеческой кожи и мумифицированную голову юноши под стеклянным колпаком — экспонаты из коллекции начальника Бухенвальда, штандартенфюрера СС. Несмотря на всё это, синхронисты должны были сохранять присутствие духа, не терять сосредоточенности, переводить слова обвиняемых чётко и бесстрастно, никоим образом не выдавая своего личного отношения к ним. А главное — переводить слово в слово, даже если знали, что подсудимые говорят заведомую ложь...

В волнении синхронисты иногда начинали переводить слишком громко, за что получали замечания от начальников смены. Кабины, как уже отмечалось выше, не были звукопроницаемыми, и Hushaphone (“Шептало”) не должен был превращаться в Megaphone (“Мегафон”).

Спустя 50 с лишним лет Патрисия ван дер Элст скажет: “Оглядываясь назад, я поражаюсь тому, насколько хорошо нам удавалось справляться со всеми трудностями и как быстро мы приобретали навыки в новом для нас деле” [Sonnenfeldt, 2006] (перевод наш. — *Р.М.*). А Татьяна Рузская в одном из интервью заметила: “Наверное, только молодость помогала нам переносить такие перегрузки...” [Колёва, 2000].

Большинству синхронистов, работавших на процессе, было менее тридцати лет, а самой молодой переводчице — только восемнадцать. Мари-Франс Скунке, тоже переводившая в Нюрнберге, говорит, что “качество синхронного перевода совершенствовалось по ходу процесса” (перевод наш. — *Р.М.*) [Elst]. От заседания к заседанию синхронисты переводили всё лучше и лучше и временами буквально преображались. Например, князь Васильчиков, известный тем, что в обычном общении заикался, напрочь избавлялся от этого изъяна во время работы в кабине. Татьяна Ступникова в своей книге “Ничего кроме правды” вспоминала интересный случай, произошедший с ней в “аквариуме” во время допроса Заукеля, на котором тот разволновался и стал кричать, убеждая судью в своей невиновности. «Всё это мы исправно и быстро переводили, перевод бесперебойно поступал в наушники сидевших в зале русскоязычных слушателей. И вдруг с нами произошло что-то непонятное. Когда мы очнулись, то, к своему великому ужасу, увидели, что сами вскочили с наших стульев и, стоя в нашем переводческом аквариуме, ведём с коллегой громкий резкий диалог, под стать диалогу обвинителя и подсудимого. Но мало этого: я почувствовала боль в руке. Это мой напарник крепко сдвинул мою руку выше локтя и, обращаясь ко мне столь же громко, как и взволнованный обвинитель, только по-русски, повторял: “Вас надо повесить!” А я в слезах от боли в руке вместе с Заукелем кричала ему в ответ: “Меня не надо вешать! Я — рабочий, я — моряк!”

Все присутствующие в зале обратили к нам свои взоры и следили за происходящим.

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не председатель суда Лоренс, добрым взглядом мистера Пиквика смотревший на нас поверх своих съехавших на кончик носа очков. Не долго думая, он спокойно сказал: “Что-то там случилось с русскими переводчиками. Я закрываю заседание” [Ступникова, 2003: 131—132].

Этот эпизод весьма показателен. В дальнейшем многие синхронисты заявляли, что синхронный перевод сродни актёрскому искусству. «Ясно, почему раздражённые бюрократы называют нас “prima donna” — слишком вспыльчивые, чтобы эффективно работать. На самом деле мы артисты, работающие в условиях стресса» [цит. по: Виссон, 2007: 32], — писал синхронный переводчик Роберт В. Эквалл в одной из своих статей. Известная американская синхронистка

Линн Виссон тоже отмечает “игровое, актёрское начало” [Там же: 37] в ментальности синхронистов. Патрисия ван дер Элст в интервью газете “Linguist Online” заметила: “У меня сын — профессиональный актёр. Однажды мы сравнивали наши профессии между собой. Он и некоторые мои друзья, тоже актёры, говорили мне: волнение владеет тобой, пока ты находишься за кулисами, но моментально исчезает, когда выходишь на сцену. А если не исчезает, то вам никогда не стать актёром или синхронным переводчиком” [Baker, 2004—2005] (перевод наш. — *Р.М.*).

Слаженной работе синхронистов на Нюрнбергском процессе способствовали командный дух, чувство локтя (в буквальном смысле, так как кабины был не слишком просторными) и сложившиеся между ними дружеские отношения. Напряжение после тяжёлых трудовых будней тоже снимали вместе: в Мраморном зале “Гранд-отеля” устраивались танцевальные вечера. Время от времени каждая из четырёх делегаций проводила торжественные приёмы, на которые приглашались и переводчики. Правда, в таких случаях последним приходилось больше работать, чем отдыхать — выступать посредниками в общении представителей принимающей стороны с их разноязычными гостями.

30 сентября 1946 г. судьи начали зачитывать вердикт Международного военного трибунала. Ряд главных фашистских организаций (национал-социалистская партия Германии, гестапо, охранные отряды СС и служба безопасности СД) объявлялись преступными, а все их члены — преступниками. Трое подсудимых (Шахт, Папен и Фриче) были оправданы за неимением веских доказательств их виновности в совершении инкриминируемых им преступлений.

1 октября в 14.52 открылось последнее, 403-е заседание МВТ, явившееся одновременно кульминацией и развязкой Нюрнбергского процесса. Переполненный зал с нетерпением ожидал минуты, когда председатель суда начнёт оглашать приговор 19-ти подсудимым. Судьи поднялись на кафедру. Журналист газеты “Правда” В. Величко так описывает дальнейшие события: “И тогда медленно открываются тяжёлые стальные двери. Военная полиция вводит Геринга. Подсудимые выслушивают приговор о наказании по одному, стоя... Председатель трибунала объявляет:

— Подсудимый Герман Вильгельм Геринг, Международный военный трибунал приговорил вас к смертной казни через повешение” [Суд истории, 1966: 300].

На немецкий язык в ту минуту переводил синхронист Вольф Франк. Позднее он вспоминал, как система синхронного перевода, которую Геринг неоднократно критиковал в ходе процесса, взяла реванш в момент объявления приговора бывшему рейхсмаршалу. Судья Лоренс только начал говорить, как вдруг Геринг подал пере-

водчикам знак, что ничего не слышит в наушниках. Техники исправили возникшую проблему, и после тягостной паузы обвиняемый № 1 в конце концов узнал свою судьбу.

Подсудимых поочередно вводили в зал, и переводчики звенящими от напряжения голосами произносили каждый на своём языке приговор трибунала.

Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукель, Йодль и Зейсс-Инкварт услышали в наушниках тот же приговор, что и Геринг⁸. Остальные подсудимые получили различные сроки тюремного заключения⁹.

В конце заседания председатель суда сообщил, что член МВТ от СССР генерал-майор юстиции Никитченко заявил своё особое мнение¹⁰, и отметил, что оно в скором времени будет опубликовано. После этого заседание было закрыто.

Контрольный совет по Германии отклонил ходатайства подсудимых о помиловании и утвердил вынесенный смертный приговор, который был приведён в исполнение в ночь с 15 на 16 октября во дворе нюрнбергской тюрьмы. За два с половиной часа до казни Геринг покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий...

Нюрнбергский процесс продолжался 216 дней. За это время Международный военный трибунал провёл 403 открытых заседания, которые широко освещались в мировой прессе и транслировались в прямом эфире радиовещательными корпорациями США и Великобритании. Полный русский текст стенограммы протокола составил 20 228 страниц. 74 дня приводило свои доказательства обвинение, 133 дня — защита. Обвинением предъявлено 2630 страниц письменного текста, защитой — 2700. 116 свидетелей подходили к свидетельской стойке. МВТ рассмотрел тысячи письменных свидетельских показаний, данных под присягой. Содержание 5 миллионов листов бумаги общим весом 200 тонн подверглось тщательному анализу. Ход процесса запечатлён на 27 тысячах метров звуковой плёнки и тысячах фотографиях. Велась и киносъёмка судебных заседаний. Почти полторы тысячи часов провели в “аквариуме” синхронные переводчики. Было выдано 60 тысяч пропусков во Дворец правосудия. В качестве гостей зал суда посетили многие известные люди — публицисты Гарольд Никольсон, Уолтер Липпман и Джозеф Олсон, мэр Нью-Йорка Фиорелло Лагардиа, брат писателя Уильяма Сомерсета Моэма лорд Фредерик Герберт Моэм и др.

Суд истории, как иногда называют Нюрнбергский процесс, свершился, несмотря на раздававшиеся во время и после войны призывы крупных западных политических фигур линчевать нацистов без суда и следствия¹¹. Главный американский обвинитель Роберт Х. Джексон в своей вступительной речи, признанной впоследствии

шедевром юридической мысли и вошедшей во все учебники по юриспруденции, показал недалёковидность таких позиций: “Тот факт, что четыре Великие Державы, упоённые победой и страдающие от нанесённого им ущерба, удержали руку возмездия и передали своих пленённых врагов на Суд справедливости, является одним из самых выдающихся примеров той дани, которую власть платит разуму” [Нюрнбергский процесс..., 1954: 101].

Многие юристы, прежде всего и защитники подсудимых, пытались поставить под вопрос легитимность процесса, ссылаясь на правовой принцип “Nullum crimen sine lege”¹², от которого державы-победительницы якобы отступили, создав закон и придав ему обратную силу.

Международный военный трибунал доказал несостоятельность этих заявлений и вынес нацистским преступникам справедливый приговор.

Впервые в истории перед судом предстали государственные деятели, сделавшие самое государство орудием преступления, а агрессивная война была признана тягчайшим международным преступлением.

Нюрнбергский процесс имел огромное значение для всего мира. Достаточно отметить, что правовые принципы Нюрнбергского приговора были кодифицированы Организацией Объединённых Наций и использованы для составления Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948), Всеобщей декларации прав человека (1948), Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности (1968), четырёх Женевских конвенций о защите жертв войны (1949) и дополнительных протоколов к ним (1977).

Исторические аспекты процесса описаны в тысячах статей, монографий и других научных трудах, в которых о переводчиках, работавших во Дворце правосудия, говорится, как правило, очень мало. Петер Юбералль сетовал на то, что в официальных документах процесса синхронисты почти не упоминаются. По его словам, все воспринимали их лишь “как часть оборудования” (перевод наш. — *Р.М.*) [Keiser, 2004: 580]. Впрочем, так ли это плохо? А.И. Садовников в своей статье “Перевод как вид социального поведения” пишет, что “перевод считается... тем лучше, чем меньше ощущается присутствие посредника” [Садовников, 1981: 9]. А Линн Виссон добавляет: “Переводчика замечают не тогда, когда он работает блестяще, а когда — плохо” [Виссон, 2007: 33].

Главный обвинитель от Великобритании сэр Хартли Шоукросс высоко оценил работу синхронистов и в одном из интервью заметил: “Полагаю, что синхронный перевод следует использовать на международных встречах, так как он помогает сэкономить очень много времени” (перевод наш. — *Р.М.*) [Keiser, 2004: 580].

Некоторые из синхронных переводчиков, работавших на Нюрнбергском процессе, по его окончании перешли в штат ООН и вписали свои имена в историю устного перевода. Но именно в “аквариуме” в зале заседаний Нюрнбергского Дворца правосудия синхронисты, блестяще справившись с возложенной на них миссией, доказали состоятельность идеи синхронного перевода, который теперь преподают в вузах всего мира и используют, как и советовал лорд Шоукросс, на всех международных конференциях.

Примечания

¹ К соглашению присоединились ещё 19 государств: Греция, Дания, Югославия, Нидерланды, Чехословакия, Польша, Бельгия, Эфиопия, Австралия, Гондурас, Норвегия, Панама, Люксембург, Гаити, Новая Зеландия, Индия, Венесуэла, Уругвай и Парагвай.

² Главные обвинители: СССР представлял прокурор Украинской ССР, государственный советник юстиции 2-го класса генерал-лейтенант Роман Андреевич Руденко, США — член Верховного федерального суда Роберт Хауэт Джексон, Великобритании — генеральный атторней Хартли Уильям Шоукросс, Францию — член Временного правительства Франсуа де Мантон (впоследствии его сменил член Временной консультативной ассамблеи Огюст Шампетье де Риб).

³ Суду были преданы: Герман Геринг, Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Роберт Лей (ознакомившись с обвинительным заключением, повесился в тюрьме за месяц до начала процесса), Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Ялмар Шахт, Густав Крупп (был признан неизлечимо больным, и его дело было закрыто), Карл Дёниц, Эрих Рёдер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Франц фон Папен, Артур Зейсс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Ганс Фриче, Мартин Борман (судился заочно).

⁴ Названа в честь двух американцев, разработавших её: бостонского предпринимателя Эдварда Альберта Филина (Edward Albert Filene) и радиоинженера IBM Гордона Финлея (Gordon Finlay).

⁵ В первые дни процесса подсудимый Эрнст Кальтенбруннер отсутствовал на суде в связи с болезнью.

⁶ У переводчиков под рукой были две карточки. На одной было написано “Slow” («Говорите медленнее»), на другой — “Stop”. При возникновении трудностей переводчик показывал нужную карточку начальнику смены, и тот нажимал соответствующую кнопку световой сигнализации.

⁷ Выпускниками Женевской школы устных переводчиков, работавшими на Нюрнбергском процессе, были Стефан Хорн (Stefan Horn), Фредерик Трейдель (Frédéric Treidell), Патрисия ван дер Элст (Patricia van der Elst), Арман Якубович (Armand Jacoubovitch), Петер Лесс (Peter Less), Норбер Берже (Norbert Berger) и др.

⁸ Мартин Борман был заочно приговорён к смертной казни через повешение.

⁹ Ширах и Шпеер — 20 лет, Нейрат — 15 лет, Дёниц — 10. Гесс, Рёдер и Функ были приговорены к пожизненному заключению.

¹⁰ Никитченко выражал несогласие с оправданием Шахта, Папена, Фриче, несогласие с несправедливо мягким наказанием Гесса и несогласие по поводу непризнания судом преступными организациями имперского кабинета, Генерального штаба и Верховного главнокомандования.

¹¹ В данной связи примечателен так называемый План Моргентау (назван по фамилии Генри Моргентау, занимавшего с 1934 по 1945 г. пост министра финансов

США), предусматривавший физическое устранение главных нацистских военных преступников без предварительного судебного преследования, демилитаризацию Германии и уничтожение её тяжёлой промышленности.

¹² Нет преступления, не указанного в законе (лат.).

Список литературы

Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. 7-е изд. М., 2007.

Гильберт Г.М. Нюрнбергский дневник. Процесс глазами психолога / Пер. с нем. А.Л. Уткина. Смоленск, 2004.

Звягинцев А.Г. Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. М., 2006.

Королёва М.В. 315 дней в Нюрнберге // Вёрсты. 2000. 18 нояб.

Кынин Г.П. Германия капитулирует безоговорочно. М., 2000 (<http://www.mid.ru/ns-arch.nsf>).

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов: В 2 т. Т. 1 / Под ред. К.П. Горшенина (гл. ред.), Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. М., 1954.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов: В 7 т. Т. 5. Допросы подсудимых и речи адвокатов / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М., 1960.

Полторац А.И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965 (<http://militera.lib.ru>).

Садовников А.И. Перевод как вид социального поведения // Тетради переводчика. 1981. № 18.

Ступникова Т.С. Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. 2-е изд. М., 2003.

Суд истории. Репортажи с Нюрнбергского процесса / Сост. сборника Г.Н. Александров. М., 1966.

Baker V. “My Nuremberg trials”. *Linguist Online // Official Journal of the Institute of Linguists.* December 2004 — January 2005 (<<http://www.ptreasuredsl.clara.net>>).

Bowen D.M. The Nuremberg Trials (Communication Through Translation) // *Meta.* 1985. Vol. 30. N 1.

Elst P. van der. The Nuremberg trial (<http://www.aiic.net/ViewPage.cfm?page_id=983>).

Gaiba F. The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial. Ottawa, 1998.

Heigl P. Nürnberger Prozesse. Nuremberg Trials. München, 2001.

Keiser W. L'interprétation de conférence en tant que profession et les précurseurs de l'Association Internationale des Interprètes de Conférence (AIIC) 1918—1953 // *Meta.* 2004. Vol. 49. N 3.

Marrus M.R. The Nuremberg War Crimes Trial 1945—46: A Documentary History (The Bedford Series in History and Culture). Boston; N.Y., 1997.

Morris R. Justice in Four Languages or ‘Interpreters and Mistresses’ (<http://www.aiic.net/ViewPage.cfm?page_id=238>).

Skuncke M.-F. Tout a commencé à Nuremberg (<http://www.aiic.net/ViewPage.cfm?page_id=984>).

Sonnenfeldt R.W. Witness to Nuremberg. N.Y., 2006.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

О.В. Оришак

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ “ВОЙНА” И “LA GUERRE” В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Война представляет собой сложное специфическое общественно-политическое явление, подчиняющееся своим законам и играющее исключительно важную роль в жизни человека и общества.

Концепт “война”, являясь абстрактным именем, находит многочисленные проявления в семантике лексических и фразеологических единиц в виде универсального признака войны, широко отражаясь в русской и французской языковых картинах мира.

Концептуализация происходит по общим направлениям, свидетельствуя об универсальном характере данного феномена для обеих культур. Сходство проявляется в фундаментальных ценностях как морального, так и утилитарного порядка. Различия касаются плана выражения, распределения и комбинаторики норм, степени их актуальности для сопоставляемых картин мира.

Переводческая практика на каждом шагу предоставляет примеры несоответствий, полной или частичной асимметрии концептов, заключенных в языковых формах оригинальных и переводных текстов. Универсальность наиболее общих категорий отражения языками картины мира наталкивается на весьма существенную вариативность нюансов, заключенных в концептах, сформировавшихся в различных национальных культурах. Учет в переводе культурных особенностей — необходимое условие успешной межкультурной коммуникации.

A war represents specific complex socio-political phenomenon liable to its laws and playing a highly important role in the life of society. The “war” concept being an abstract name finds numerous manifestations in semantics of lexical and phraseological units in the form of universal war indication, having a wide reflection in the Russian and the French images of linguistic world. The conceptualization is effectuated in general directions, testifying the universal character of that phenomenon to both cultures. The similarity can be found in fundamental values of morality and usability. The difference has to do with the expression, distribution and combinatorial norms, with their actualization degree for the compared images of the world. The translation practice gives us numerous examples of contradictions, full and partial asymmetry in concepts enclosed in the linguistic forms of original and translated texts. The universality of the most general in concepts developed in different national cultures. Taking into account the cultural characteristics in translation is the indispensable term of successful intercultural communication.

Ключевые слова/Key words: *Сопоставительный анализ, франкоязычная и русскоязычная картины мира; концепт “война”; этноспецифические особенности; модели комбинаторики; сопоставление паремиологических единиц.*

Война представляет собой весьма сложное специфическое общественно-политическое явление, подчиняющееся своим законам и играющее исключительно важную роль в жизни человека и общества. Тема конфликтов, войн, противостояния всегда занимала важное место в сознании человека и можно без преувеличения сказать, что история человечества в целом и история каждой отдельной цивилизации — это история войн и военных конфликтов.

Война как общественно-политический феномен находит яркое отражение во французской и русской языковых картинах мира. Концепт “война” является культурным концептом, основное содержание которого в русском и французском языках сводится к следующим признакам:

- предметно-образная сторона концепта — это обобщенный образ противостояния и противоборства враждующих сторон;
- понятийная сторона концепта — это языковое обозначение характеристик войны, поведения участников боевых действий;
- ценностная сторона концепта — это принятые в обществе эксплицитные и имплицитные нормы поведения.

Концепт “война” находит множественные проявления в русском и французском языках, выражаясь, главным образом, в семантике лексических и фразеологических единиц в виде универсального признака войны. Его специфика заключается в своеобразии моделей комбинаторики, в которых он находит свое компонентное выражение, сочетаясь с другими, близкими по значению признаками.

Концепт “война” чаще всего представляется абстрактным именем, которое отличается многоликостью и неоднородностью. Он реализуется в языке с помощью разнообразных средств и занимает важное место в языковой картине мира, в которой существуют универсальные бинарные оппозиции, представленные лексемами: война — мир / *la guerre — la paix / war — peace / la guerra — la paz*; добро — зло / *le mal — le bien / good — evil / el bien — el mal*; жизнь — смерть / *la vie — la mort / life — death / la vida — la muerte*; верность — предательство / *la fidélité — la trahison / faithfulness — treachery / la fidelidad — la traicion*; любовь — ненависть / *l'amour — la haine / love — hatred / el amor — el odio*; слава — бесчестье / *la gloire — le déshonneur / glory — dishonour / la gloria — el deshonor*. Эти дуальные аспекты тесно переплетаются в истории языка и мировой культуры в целом.

Концепту “война” соответствует фрейм, имеющий достаточно сложную многоуровневую структуру. Он представлен понятиями, в которых отражаются война и ее виды, боевая техника и вооружение, участники войны и военных действий, межличностные отношения людей, участвующих в войне, исход войны и ее последствия: *конфликт, защита, битва, сражение, борьба, противостояние, боевые*

действия, ужас, поражение, подвиг, воин, боец, враг, смерть, голод, страдания, предательство; воинственный, вражеский, ратный, мирный, победоносный, смертельный; воевать, сражаться, ранить, победить, погибнуть; отдать жизнь, пасть смертью храбрых, погибнуть на поле брани, не щадить жизни во имя победы и т.д.

В русской и французской языковых картинах мира процесс противостояния концептуализируется по общим направлениям, что свидетельствует об универсальном характере данного явления для обеих культур.

Специфику поля “виды войны” определяет большое количество прилагательных, которые широко используются в сфере политики и международных отношений для номинации видов войн: психологическая война / *la guerre psychologique*; гражданская война / *la guerre civile, intestine*; мировая война / *la guerre mondiale*; мировая война (охватывающая значительную часть планеты) / *la guerre planétaire*; радиоэлектронная борьба / *la guerre électronique*; “горячая” война, вооруженный конфликт / *la guerre chaude*; геноцид / *la guerre raciale*; священная война, крестовый поход / *la guerre sainte*; кровопролитная (истребительная) война *la guerre meurtrière (d’extermination)*; “холодная война” / *la guerre froide*; колониальная война / *la guerre colonialiste*; справедливая война / *la guerre juste*; ядерная война / *la guerre nucléaire* и т.д.

В русскоязычной картине мира используется словосочетание “священная война”, которое отражает национально-специфическое отношение русского народа к Великой Отечественной войне, которая принесла многочисленные утраты и страдания. Во французской языковой культуре “Великой войной” — *la Grande guerre* — называют Первую мировую войну, войну окопную, бесславную, унесшую множество человеческих жизней.

Лексема “военщина” имеет яркую негативно окрашенную модель словообразования в русском языке: все слова, оканчивающиеся на *-щина*, имеют отрицательную коннотацию, выражая презрение или пренебрежение (*дедовщина, казёнщина, деревенщина*). Во французском языке данный концепт эксплицируется с помощью лексемы *la soldatesque*, имеющей оттенок пренебрежения, или с помощью словосочетания *la clique militariste* с оттенком презрения.

Сопоставительный анализ русскоязычной и франкоязычной картин мира позволяет сделать вывод о том, что концепт “война” реализуется одинаково часто в обоих языках, что объясняется историческим ходом становления и развития обоих государств, участием их в разнообразных войнах и конфликтах. “Военная” лексика составляет обширный пласт как русского, так и французского языков.

Во французском языке имеется большой синонимический ряд понятия “военный”: *martial* (*air martial, art martial, arts martiaux*); *guerrier* (*un peuple guerrier*); *belliqueux* (*l'air belliqueux, un peuple belliqueux*), *belliciste* (*les milieux bellicistes, une politique belliciste*); *belligérant* (*un pays belligérant, les parties belligérantes*); *militant* (*une politique militante*); *de combat* (*amitié de combat*); *de feu* (*le baptême du feu*); *d'armes* (*la fraternité d'armes*), *militaire* (*le service militaire, l'art militaire, les stocks militaires, les commandes (les dépenses) militaires, les opérations militaires ou les hostilités, une agression militaire ou à main armée*); *de guerre* (*le matériel de guerre, l'économie de guerre, le temps de guerre, un criminel de guerre, une politique de guerre, les menaces de guerre, l'état de guerre*).

В сопоставляемых языковых картинах мира концепт “война” является составным элементом имен собственных, обозначающих названия войн: *La Guerre de Cent Ans* / Столетняя война; *La Grande guerre* / Первая мировая война; *La Seconde guerre mondiale* / Вторая мировая война; *la Guerre d'Indochine* / Война в Индокитае (*война сопротивления вьетнамского народа 1945—1954 против французских колонизаторов*); *La Guerre d'Algérie* / Алжирская война (*война за освобождение Алжира от французских колонизаторов 1954—1962*); *l'expédition d'Égypte* / Египетская кампания под руководством Наполеона (1798—1801); *la guerre d'Espagne* / Испано-французская война (1808—1814), *la guerre de Russie* / Отечественная война России 1812 г., *la guerre de Crimée* / Крымская война 1853—1856 гг. (Восточная война), *la guerre du Golfe* / война в Персидском заливе 1991 г.

Богатый военный и боевой опыт традиционно находил и продолжает находить свое отражение в национальной ментальности. Можно предположить, что события последних лет, связанные с войной в Ираке, определили решение французов не отправлять военный контингент в эту “горячую” точку, поскольку у Франции имеется большой негативный опыт ведения затяжных военных действий в Индокитае и Алжире в середине XX века, последствия которых ощущаются до настоящего времени.

Сопоставительный анализ русской и французской военно-терминологических систем позволяет выявить тенденцию к использованию традиционно-консервативных наименований во французском языке, которые “поднялись” из глубины истории для обозначения вполне современных понятий национального военного дела. Например: *la cavalerie légère* (*lourde, mécanique, motorisée, blindée*); *les dragons portés*; *les chasseurs à cheval*; *l'épée*; *le régiment de cuirassiers*; *le carré*; *le char*; *la lance*; *le mousqueton*; *la corvette*; *l'armure*; *les grenadiers*

blindés; les fusiliers-voltigeurs; la frégate; le régiment de hussards parachutiste; l'abordage; la légion de gendarmerie и многие другие.

Русская военно-терминологическая система оказывается менее терпимой к сосуществованию современных и традиционных номинаций, чем французская, которая “тяготеет” к освященным многолетней исторической традицией военным терминам. Можно лишь предположить, что эти различия появились в результате революционных преобразований, имевших место в России в начале XX столетия. При формировании революционной армии нового типа, решительно порывали с традиционными обозначениями понятий, бытовавших в царской армии, особенно если эти обозначения были заимствованы из других языков, в том числе и из французского.

Проведенный лексико-семантический анализ позволяет сделать вывод о том, что концепт “война” можно отнести к культурно значимым для французского и русского народов.

При этом важно подчеркнуть, что во фразеологической семантике русского и французского языков признак войны конкретизируется по тем же направлениям, что и в лексике.

Объектами отрицательной оценки выступают следующие действия, обозначаемые глагольными сочетаниями: воевать, вести войну с / *mener la guerre contre qqn, faire la guerre à qqn, être en guerre avec qqn*; объявить (развязать, начать) войну / *déclarer (déclencher, déchaîner) la guerre*; привести к войне (вызвать) войну / *provoquer (causer, amener, susciter) la guerre*; втягивать в войну / *pousser à la guerre, entraîner dans la guerre*; подстрекать к войне / *instiguer à la guerre, fomentier la guerre*; сдавать позиции без боя / *se rendre à l'ennemi, capituler*; проиграть, терпеть поражение / *perdre la bataille, essuyer une défaite, éprouver (subir) un échec*; совершать предательство / *se faire traître (faire preuve d'une haute trahison)*; проявлять трусость / *se montrer poltron, lâche*; дезертировать / *désertier*; угрожать агрессией / *menacer d'une agression*; сеять рознь, провоцировать войну / *semer la discorde, provoquer la guerre*; убивать, уничтожать людей / *tuer, massacrer, exterminer les gens*; проявлять неоправданный риск / *courir le risque, risquer (jouer) sa vie (sa tête)*; вмешиваться в чужие дела / *s'ingérer (s'immiscer) dans les affaires des autres*; выдавать секреты / *trahir les secrets*; быть настроенным воинственно / *avoir l'air martial*; сдать в плен / *se constituer prisonnier (se rendre à l'ennemi)*; предать огню и мечу / *mettre à feu et à sang*; предать смерти / *mettre à mort*; бряцать оружием / *brandir des armes*; нести тяготы войны / *endurer des souffrances de la guerre*; терпеть лишения / *souffrir, endurer des privations*; сокращать вооружения / *maîtriser les armements*; урегулировать военный конфликт / *gérer la crise* и др.

Как в русском, так и во французском языке положительно оцениваются следующие характеристики:

- 1) *храбрость*: храбрец; сражаться как лев; храбро рваться в бой / *combattre avec courage; se montrer courageux; être courageux comme un lion; vaillant comme une / son épée; lutter comme un enragé*;
- 2) *самопожертвование*: сражаться не на жизнь, а на смерть; не жалеть живота; жизнь отдать во имя победы / *consacrer sa vie à la lutte; consentir des sacrifices; sacrifier sa vie; donner (risquer) sa vie au nom de la victoire; ne pas ménager ses forces*;
- 3) *самообладание, выдержка, мужество*: сохранять хладнокровие; отважно сражаться; терпеть лишения во имя победы / *tenir bon (courageusement); garder son sang-froid; endurer des privations; montrer (faire preuve de) du courage; n'épargner aucun effort; surmonter les difficultés (les obstacles)*;
- 4) *выступления в поддержку мира, протест против войны, против гонки вооружений*: отстаивать, сохранять мир; выступать за мир; сторонники мира; миротворчество; поддержание мира; решительно (гневно) протестовать против войны; перековать мечи на орала / *défendre, sauvegarder la paix; s'affirmer (être) pour la paix; maintenir (rétablir) la paix; la lutte pour (en faveur) de la paix; partisans (combattants) de la paix; être attaché à la paix; être épris de paix; refréner la course aux armements; mettre un frein à la course aux armements; le rétablissement de la paix; le maintien de la paix; la consolidation de la paix après les conflits; forger de ses épées des socs de charrues et faire de ses lances des serpes*;
- 5) *невмешательство в чужие дела*: не совать нос в чужие дела; решительно осудить агрессию / *ne pas mettre (fourrer) son nez dans les affaires des autres (d'autrui); blâmer l'agression; ne pas s'ingérer dans les affaires des autres; dénoncer, condamner résolument l'agresseur*;
- 6) *урегулирование вопросов мирным путем, путем переговоров*: мирное урегулирование спорных проблем; вести переговоры; договариваться; подписать мирный договор; заключить договор / *le règlement pacifique (négocié) des problèmes en litige; régler la question (par voie pacifique); s'entendre; signer un accord*.

В обоих языках выделяются многочисленные словосочетания, отражающие отношение людей к войне и к современным угрозам:

1) избавить человечество от войн / *libérer, débarrasser l'humanité des guerres*; запретить испытания ядерного оружия / *interdire des essais nucléaires*; гневно осуждать агрессию / *blâmer résolument l'agression*; сократить военные расходы / *réduire des dépenses militaires*; проводить политику мира / *mener la politique de paix*; миротворческая деятельность / *le rétablissement (le maintien) de la paix*; миротворче-

ские силы / *les casques bleus*; обуздать гонку вооружений / *refrèner la course aux armements*; в мирных целях / *à des fins pacifiques*; меры по разоружению / *les mesures de désarmement*; международное (двустороннее/многостороннее) соглашение / *l'accord international (bilatéral/multilatéral)*; навсегда исключить войну из жизни общества / *bannir la guerre à tout jamais de la vie de la société*; избежать войны / *éviter, conjurer la guerre*; предотвратить катастрофу / *écarter la catastrophe*; нераспространение ядерного оружия / *la non-prolifération des armes nucléaires*; безъядерная зона / *la zone dénucléarisée*; мирное урегулирование спорных проблем / *le règlement pacifique des litiges*;

2) подстрекать к войне / *instiguer à la guerre, fomenteur la guerre*; поджигатель войны / *les fauteurs, fomentateurs de la guerre*; бряцать оружием / *brandir des armes*; цель оправдывает средства / *la fin justifie les moyens*; ответственные за развязывание войны / *les responsables d'une guerre*; продолжать гонку вооружений / *poursuivre la course aux armements*; воевать, вести войну с кем-либо, быть в состоянии войны с кем-либо / *mener la guerre contre qqn, faire la guerre à qqn*; военные приготовления / *les préparatifs de guerre*; привести к войне / *provoquer la guerre*; поджигатели войны / *les instigateurs à la guerre*; вести к войне / *aboutir (amener) à la guerre*, политика развязывания новой войны / *la politique de déclenchement d'une nouvelle guerre*.

Таким образом, на уровне словосочетаний средства репрезентации концепта “война” широко представлены в обоих сопоставляемых языках.

Во французском языке несколько чаще, чем в русском, используются модели, положенные в основу метафорического представления концепта “война” с точки зрения образного содержания, восходящие к античной истории: *franchir (passer) le Rubicon* — “перейти Рубикон”; *couper (trancher) le nœud gordien* — “разрубить гордиев узел”; *brûler ses vaisseaux* — “сжечь свои корабли, отрезать пути отступления”; *victoire à la Pyrrhus* — “Пиррова победа”; *serment d'Annibal* — “Аннибалова клятва”; *passer par les fourches Caudines* — “пройти под кавдинским ярмом, принять унижительные условия”.

Характерной особенностью французского языка является наличие большого количества фразеологизмов, которые непосредственно связаны с определенным историческим фактом или событием. В подобных фразеологизмах отражена история Франции во всех ее проявлениях. В русском языке такая тенденция также наблюдается, однако количество подобных словосочетаний носит менее объемный характер (ср.: “гореть как швед под Полтавой”).

Во французской публицистике, в частности можно встретить упоминание:

— о королях: *faire Charlemagne* — разг. “выйти из игры после выгрыша”;

— *travailler pour le roi de Prusse* — “работать задаром”;

— о полководцах: *vérité de la Palice* — “старая песня, азбучная истина”;

— о генералах: *mot de Cambronne* — “грубое ругательство”;

— об исторических личностях: *coup de Jarnac* — “неожиданный вероломный удар”;

— о войнах и сражениях: *coup de Trafalgar* — (прост.) “тревога, волнение; неожиданная катастрофа”.

Широко используются во французском языке фразеологические сочетания, отражающие:

1) образы, относящиеся к новой и новейшей истории:

le baiser Lamourette — “всеобщее, но временное примирение: непрочный мир” (восходит к периоду Французской буржуазной революции XVIII в.);

faire le zouave — (разг.) “хорохориться, петушиться; задаваться” (букв. поступать как зуав), (связано с Крымской войной 1854—1856 гг.);

repartir comme en quatorze — (разг.) “вновь с жаром, как ни в чем не бывало приняться за дело” (намек на 1914 г., когда началась Первая мировая война);

la drôle de guerre — “странная война” (период затишья на западном фронте с начала Второй мировой войны до весны 1940 года);

Il n'y a que le premier pas qui coûte — “труден только первый шаг; главное сделать первый шаг” (историческая фраза, принадлежащая маркизе Дюдеффан (1697—1780), известной своей перепиской с Вольтером и другими видными писателями XVIII в.);

J'y suis, j'y reste — “раз уж я здесь, я здесь и останусь” (слова приписывают маршалу Мак-Магону (1808—1893), командовавшему французскими войсками в период Крымской войны);

2) образы, связанные с военным делом:

à brûle-pourpoint — “напрямик, в упор” (в XVI в. солдаты надевали под латы стеганую куртку из буйволово́й кожи — *le pourpoint*);

faire long feu — “дать осечку, провалиться, потерпеть неудачу, дать маху” (букв. дать замедленный выстрел);

de but en blanc — “напрямик, в упор” и “сразу, ни с того ни с сего, с бухты-баракты” (возник из военного термина *tirer de but en blanc*, означавшего “стрелять со стрельбищного вала по белому кругу на мишени”, такая стрельба не требует прицельной наводки, так как выстрел производится “напрямик”, без подготовки);

décamper (déloger) sans tambour ni trompette — “улизнуть, дать тягу; съехать тайком с квартиры” (значение объясняется тем, что часто

войска перемещаются с места на место, не предавая огласке свой отъезд (т.е. не оповещая ни барабанным боем, ни звуками трубы);

tirer à boulets rouges sur qqn — “безжалостно нападать на кого-либо, травить кого-либо” (букв. обстреливать кого-либо раскаленными ядрами);

le défaut de la cuirasse — “уязвимое место” (букв. в латах);

battre en brèche — “вести наступление на..., яростно нападать, обрушиваться” (букв. прорвать позиции противника);

brûler sa dernière cartouche — “использовать последнее средство” (букв. выстрелить свою последнюю пулю);

3) образы, связанные с охотой:

à cor et à cri — “громогласно, с шумом и гамом” (букв. с трубой и криками);

donner le change — “обманывать, вводить в заблуждение” (навести на ложный след гнавшихся за зверем собак);

prendre le change — “попасть на удочку, дать себя обмануть” (бро- сить преследуемого зверя, чтобы погнаться за другим (о собаках);

aller (courir, marcher) sur les brisées de qqn — “идти по чьим-либо стопам”, “соперничать, конкурировать с кем-либо” (существитель- ное *les brisées* обозначает надломленные ветки, которыми отмечают местонахождение зверя);

sonner l'hallali — “улюлюкать, дать сигнал к травле, к расправе” (букв. дать сигнал травли преследуемого зверя);

être aux abois — “быть затравленным; быть при последнем дыха- нии” (букв. быть затравленным охотничьими собаками).

В обоих сопоставляемых языках широко используются про- странственные образы, а также образы, связанные с физическим восприятием пространства человеком. В частности, находим во французском языке понятия, связанные с:

— координатами: *ligne, axe, droite, gauche, vertical, horizontal, palier, centre, cadre, polarisation, marge, surface, plan, niveau, plate- forme, position, base, sommet, sphère, l'Hexagone*;

— движением: *approche, baisse, mouvement, passage, impasse, convergence, divergence, promotion*;

— пространством: *aspect, regard, tour d'horizon, point de vue, repère, perspective*;

— субъективными ощущениями, вызываемыми данным простран- ством: *milieu, climat, atmosphère, ambiance*;

— образами физического ощущения человеческого тела:

la guerre chaude — “горячая война, вооруженный конфликт”; *combattre côte à côte avec qqn, coudoyer qqn* — “сражаться бок о бок с кем-либо”; *faire tête* — “стойко держаться, сопротивляться”; *tenir tête* — “сопротивляться, оказывать сопротивление”;

— образами, взятыми из животного мира:

смелый как лев — *brave (courageux) comme un lion*; сражаться как лев — *se battre comme un lion*; стрелять из пушек по воробьям — *tirer (brûler) sa poudre aux moineaux*; жить как кошка с собакой — *vivre (être, s'accorder, s'entendre) comme chien et chat*.

Сравнение прямых и переносных средств обозначения в русском и французском языках показывает, что переносы по сходству (метафора) или по смежности (метонимия) играют большую роль во французском языке, чем в русском. Сама система словообразования наталкивает французский язык на использование метафор и метонимий. В русском языке переносный характер наименования затушевывается подчас суффиксацией. В этом отражаются некоторые общие закономерности двух языков в области словообразования. “Очень часто одно и то же понятие по-русски обозначается новым, производным, словом, а по-французски — переосмысленным старым словом. А в основе переосмысления... лежат метафора, метонимия или изменение объема значения слова” [Гак, 2004: 98].

Так же как при переносном использовании, во фразеологии употребляются преимущественно слова, обозначающие наиболее распространённые, близкие человеку понятия. Но эти слова играют различную роль во фразеологии сопоставляемых языков. Так, во французском языке гораздо чаще, чем в русском, в качестве семантических стержней используются существительные, обозначающие *часть тела*:

— la tête: *la tête la première; être une tête brûlée; mettre du plomb dans la tête; risquer sa tête; tenir tête; garder la tête froide; faire une tête au carré; être une forte tête*;

— l'œil, les yeux: *avoir bon pied bon œil; être obéi au doigt et à l'œil; ouvrir l'œil (et le bon); s'arracher les yeux; tenir à une chose comme à la prune de ses yeux*;

— l'oreille: *dresser l'oreille; s'en aller l'oreille basse; tendre l'oreille*;

— le nez: *gagner les doigts dans le nez; mettre (fourrer) son nez dans les affaires des autres*;

— la dent: *avoir; garder une dent contre qqn; déchirer quelqu'un à belles dents; montrer ses dents à qqn; se casser les dents sur qqch*;

— la langue: *donner sa langue au chat; être une mauvaise langue; tourner sept fois sa langue dans sa bouche*;

— le bras: *passer à un bras de fer; être le bras armé de qqn (qqch); frapper à tour de bras; tenir à bout de bras*;

— la main: *à mains nues; en venir aux mains; faire des pieds et des mains; forcer la main à qqn; ne pas y aller de main morte; négocier (en) sous-main; prendre son courage à deux mains*;

— le pied: *avoir les deux pieds dans le même sabot; casser les pieds à qqn; être à pied d'œuvre; être sur pied de guerre; fouler aux pieds; le coup de pied de l'âne; le pied-noir; prendre pied; se défendre pied à pied;*

— le cœur: *avoir un cœur de marbre; avoir un cœur de pierre; le cœur me manque; y aller de bon cœur;*

— la jambe: *en avoir plein les jambes; la peur lui donne des jambes; prendre ses jambes à son cou; tirer dans les jambes de quelqu'un.*

С целью выявления общего и различного в национально-культурных характеристиках концепта “война” можно провести сопоставительный анализ интерпретаций пословичных выражений о войне, которые позволяют выявить общее и специфическое в ассоциативных связях русского и французского языкового сознания.

В русской и французской языковых картинах мира отрицательную оценку имеют следующие аспекты войны:

- *недопустимость вмешательства в дела других государств:*

Кто с мечом придет, тот от меча и погибнет = *Qui se sert de l'épée périra par l'épée.*

Не суй свой нос в чужой огород = *Mêle-toi de ce qui te regarde (Mêle-toi de tes affaires).*

На задорном буяне век шкура в изъяне = *Chien hargneux a toujours l'oreille déchirée.*

Свои собаки грызутся, чужая не приставай = *Il ne faut pas mettre le doigt entre l'arbre et l'écorce.*

Как аукнется, так и откликнется = *Tel bruit, tel écho.*

- *враждебность, агрессивность, жестокость:*

Быть собаке битой, найдется и палка = *Quant on veut noyer (tuer) son chat on dit qu'il a la rage.*

У сильного всегда бессильный виноват = *La raison du plus fort est toujours la meilleure.*

Чужими руками жар загребать = *Tirer les marrons du feu.*

Чужое горе не болит (Чужое горе вполтину горевать) = *Mal d'autrui n'est que songe.*

Из огня да в полымя = *Tomber de fièvre en chaud mal (Tomber de Charybde en Scylla).*

- *трусость:*

Кроткая овца всегда волку по зубам = *Qui se fait brebis le loup le mange.*

У страха глаза велики = *La peur donne des ailes. La peur grossit les objets.*

Страх плохой советчик = *La peur est mauvaise conseillère.*

Объектами положительной оценки выступают следующие ситуации:

- *невмешательство в дела других государств:*

Не рой другому яму, сам в нее попадешь = *Qui conduit dans le fossé y tombe le premier. (Qui mal veut, mal lui tourne. Le mal retourne à celui qui le fait).*

Не судите и не судимы будете = *Ne jugez point et vous ne serez point jugés.*

Не буди лиха, пока лихо тихо = *Il ne faut pas éveiller le chat qui dort.*

Из искры сыр-бор начинается = *Petite étincelle engendre grand feu.*

- *соблюдение границ чужой территории:*

На чужой каравай рта не разевай = *Qui s'attend à écuelle d'autrui a souvent pas dîné.*

Много желать, добра не видать = *Qui tout convoite, tout perd.*

- *групповые ценности:*

Пастухи за чубы, а волки за овец = *Pendant que les chiens s'entregrondent, le loup dévore la brebis.*

Самый надежный способ жить в мире — это держать в руке меч = *Si tu veux la paix, prépare la guerre.*

Худой мир лучше доброй ссоры = *Un méchant accommodement vaut mieux qu'un bon procès.*

На то и щука в море, чтоб карась не дремал = *La crainte du chasseur tient le lièvre éveillé.*

Ласковое слово пуше дубины = *Plus fait douceur que violence.*

Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу = *Quand on n'est pas le plus fort, il faut être le plus malin.*

Добрая слава лучше богатства = *Bonne renommée vaut mieux que ceinture dorée.*

- *индивидуальные ценности:*

Плох тот пастух, который волку друг = *Est mauvais berger qui aime le loup.*

Не хвались, идучи на рать = *N'a rien fait qui n'achève bien (N'a pas fait qui commence).*

Не ножа бойся, а языка (Слово не стрела, а пуше стрелы. Хоть слово не обух, а от него люди гибнут) = *Un coup de langue est pire qu'un coup de lance (La langue n'a ni grain ni os, et rompt l'échine et le dos).*

Хорошее начало полдела откачало = *Il n'y a que le premier pas qui coûte.*

Двум смертям не бывать, а одной не миновать = *On ne meurt qu'une fois.*

- *проявление храбрости, смелости:*

Сердит да не силен — козлу брат (Гнев без крепкой руки напрасен) = *Courroux est vain sans forte main.*

Волков бояться — в лес не ходить = *Qui a peur des feuilles ne va point au bois.*

Смелость города берет = *A cœur vaillant rien d'impossible (La chance sourit aux audacieux).*

- *неизбежность наказания за содеянное зло:*

Чем согрешил, тем и накажешься = *On est souvent puni par où l'on a péché.*

Разбитому кораблю нет попутного ветра = *A navire brisé tous vents sont contraires.*

Коготок увяз — всей птичке пропасть = *Un doigt pris dans l'engrenage, toute la main y passe.*

Посеешь ветер, пожнешь бурю = *Qui sème le vent récolte la tempête.*

Виноватого бьют (Не богатый платит, а виноватый) = *Qui fait la faute la boit (qui casse les verres, les paie).*

Сравнение паремиологических единиц русского и французского языков позволяет сделать вывод, что сходство наблюдается в фундаментальных ценностях как морального, так и утилитарного порядка. Различия касаются плана выражения, распределения и комбинаторики норм, степени их актуальности для сопоставляемых картин мира.

Характерными нормами французского общества являются невмешательство в чужую жизнь, терпимость по отношению к другим, однако восхваляются такие качества как кураж, отвага, смелость и бравада. В русскоязычной картине мира порицаются хвастовство и бахвальство и высоко ценятся смелость и удача: “Не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати”.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в обеих культурах значимыми являются общечеловеческие ценности, определяющие нормы поведения языковой личности.

Проведенный лингвокультурологический анализ позволяет сделать вывод о том, что концепт “война” — это этнически, культурно-обусловленное сложное, структурно-смысловое, вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в свою архитектонику образ и оценку.

Языковая картина мира обладает многочисленными этноспецифическими особенностями, что обусловлено историческими, социальными, психологическими и многими другими факторами. Феномен войны как социального и общественно-политического явления представляет собой значимый фрагмент языковой картины мира.

Универсальность видения и категориального отражения мира лежит в основе возможности осуществления межкультурной коммуникации между народами, говорящими на разных языках. Ш. Балли еще в начале XX столетия писал о существовании единого общеевропейского менталитета, отраженного во взаимном переплетении языковых картин мира, возникшем в результате заимствований и калек [Bally, 1930: 51—52]. Однако идее универсальности в видении мира противопоставляется идея асимметрии концептов, лежащих в основе языковых форм, концептов как главных когнитивных категорий, отражающих в концентрированном виде весь предшествующий культурный опыт данного этноса, опыт рационального и чувственного познания.

Именно в переводе со всей очевидностью наблюдаются столкновения общекатегориального и национально специфического. Универсальность наиболее общих категорий отражения языками картины мира наталкивается на весьма ощутимую вариативность нюансов, заключенных в концептах, сформировавшихся в различных национальных культурах, связанных с историей и географией народа.

Список литературы

Балли Ш. Язык и жизнь / Женевская Лингвистическая Школа. М., 2003. 232 с.

Гак В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М., 2004. 336 с.

Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М., 1993. 1194 с.

Красных В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? М., 2003. 375 с.

Назарян А.Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка. М., 2002. 334 с.

Степанов Ю.С. Французская стилистика / В сравнении с русской. М., 2002. 360 с.

Фразеологический словарь русского языка // Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978. 543 с.

Bally Ch. Traité de stylistique française. P., 1930. Vol. 1. P. 51—52.

О.В. Ковенева

ОТ “ПАМЯТНИКА ПРИРОДЫ” К “MONUMENT NATUREL”? МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К АСИММЕТРИИ КОНЦЕПТОВ

(на материале французского и русского языков)

В настоящей статье рассматриваются критерии и формы выражения оценок, способствующие формированию общественно-политических категорий и культурных концептов. На основе теоретико-методологических установок семиотики культуры и прагматической социологии (Лоран Тевено, Люк Болтански), проводится частный компаративный анализ терминов “памятник природы” (русский язык) и “monument naturel” (французский язык). В качестве материала используются данные полевого лингвосоциологического исследования экологических конфликтов в России и Франции. Общая методология анализа основана как на лингвистических, так и историко-социологических методах.

The paper examines the legitimate forms of evaluation which support the constitution of public categories and cultural concepts in the Russian and French languages. Following cultural semiotics and pragmatic sociology of “orders of worth” (L. Thévenot, L. Boltanski), the author conducts a comparative analysis of the Russian and French terms “parc national” and “monument naturel”. The study is based on a cross-cultural comparative research on environmental conflicts in both countries and makes use of linguistics as well as historical and sociological methods.

Ключевые слова/ Key words: *межъязыковая и межкультурная асимметрия, критерии и формы выражения оценки, концепты, экологическая лексика, русский язык, французский язык, семиотика культуры, французская прагматическая социология, диахронический анализ, компаративная лингвистика.*

В данной статье будет рассмотрена проблема языковой и культурной асимметрии на примере контрастивного анализа концептов “памятник природы” / “site naturel” (“monument naturel”). Отправной точкой для наших размышлений явилось столкновение с конкретной переводческой проблемой. Представляя результаты нашего социологического исследования экологических конфликтов в районе Крылатское г. Москвы¹ перед французской аудиторией, мы были вынуждены констатировать, что ряд используемых нами понятий вызывает недоумение и требует пояснений. Так обстояло дело, в частности с русским понятием “памятник природы”, которое мы перевели как “monument naturel”, будучи наивно уверены в их эквивалентности. Столкновение с непониманием аудитории, свидетельствующее о наличии культурной и языковой асимметрии, вынудило

нас задуматься над адекватностью перевода и натолкнуло на поиск междисциплинарных переводческих решений. Применение герменевтического подхода (с опорой на данные социологического поля и справочную литературу) позволило детально пояснить понятие. А обращение к денотативной модели перевода (анализ дискурсивных практик во французских экологических конфликтах²) помогло выявить близкую единицу во французском языке — “*site naturel*”³. В свою очередь изучение истории экологического движения во Франции неожиданно показало наличие во французском языке устаревшего понятия “*monument naturel*”, современным эквивалентом которого является “*site naturel*”. Для того чтобы определить степень эквивалентности указанных понятий и выявить культурные смыслы, стоящие за каждым из них, одних материалов словарей и данных социологического поля недостаточно. Для более основательного анализа необходимо применить герменевтический подход не только к русским, но и французским единицам, задействовать исторический материал, проследить генезис понятий и их развитие в социокультурной реальности, а также их функционирование в современных речевых практиках. Опыт решения этой задачи, потребовавшей привлечения не только лингвистических, но и социокультурных навыков, мы бы хотели поделить с читателем в данной статье.

Как показало наше сопоставительное исследование, различие понятий “памятник природы” и “*monument naturel*” (“*site naturel*”) определяется не только стилем (современный/архаичный), но и разным объемом понятий, разными культурными смыслами. Такие культурно-обусловленные понятия в языкознании принято называть *концептами* [Гарбовский, 2004: 273]. В российской научной традиции *культурные смыслы* составляют, в частности, предмет *семиотики культуры*, научного направления, родившегося на стыке гуманитарных наук и представленного работами “тартуско-московской школы” [Лотман, 2002; Чернов, 1997]. На Западе основы интерпретативного подхода к культуре были заложены в работах американского антрополога Клиффорда Гирца [Гирц, 2004]. Как отмечает Гирц, “весь смысл семиотического подхода к культуре состоит в том, чтобы помочь нам приобрести доступ к категориям миропонимания изучаемых нами людей и сделать нас способными в широком смысле этого слова вести с ними разговор” [Зорин, 2004: 16]. Схожим образом Ю. Лотман рассматривает культуру как “совокупность различных языков”, “текстов”, как “систему, выступающую посредником между человеком (как социальной единицей) и окружающей реальностью, т.е. как механизм трансформации и организации информации, поступающей из внешнего мира. В зависимости от культуры, та или иная информация фиксируется как основная или же игнорируется” (перевод наш. — О.К.) [Lotman, Ouspenski, 1990: 18].

В данной статье мы подойдем к анализу *концептов* “памятник природы” / “monument (site) naturel” не только с точки зрения *семиотики культуры*, но и с точки зрения “социологии критики и оправдания действия”, разработанной Люком Болтански и Лораном Тевено [Болтански, Тевено, 2000, 2004, 2006; Boltanski, 1990; Boltanski, Thévenot, 1991]. По мнению Л. Болтански, “социологию критики и оправдания” с известной степенью приближения можно отнести к “лингвистическому повороту” в социальных науках (перевод наш. — О.К.) [Boltanski, 1990: 56]. В социологии этот переход ознаменовался вниманием исследователей к тому, как сами акторы вырабатывают дискурсы, описывающие социальные действия, или, согласно П. Рикёру, “выстраивают сюжет” своих действий [Вдовина, 2004; Рикёр, 2000, 2002; Ricoeur, 1986; Ricoeur, Tiffeneau, 1977]. Действительно, в книге “De la Justification. Les économies de la grandeurs” Тевено и Болтански разработали модель общезначимых *ценностных суждений*, или “*порядков величия*” (*grandeurs*), используемых социальными акторами для обоснования действий в ситуациях разногласий [Boltanski, 1990]. На основе классических текстов политической философии и эмпирического материала споров авторы выделяют шесть миров, квалифицированных в соответствии с тем или иным высшим принципом: 1) мир вдохновения (Блаженный Августин); 2) патриархальный мир (Боссюэ); 3) мир репутации (Гоббс); 4) гражданский мир (Руссо, “Об общественном договоре”); 5) рыночный мир (А. Смит, “Исследование о причинах и богатствах народов”); 6) технократический мир (труды Сен-Симона). Каждый мир характеризуется особым способом “схватывания” реальности, своим “языком” и вещественным “оснащением”. *Мир вдохновения* основан на творческом порыве, эмоциональности, чувственности. *Патриархальный мир* — на иерархии “старшие” / “младшие”, привязанности к “одомашненному” пространству, традициям, прошлому. *Мир репутации* — на известности, престиже. *Гражданский мир* — на общей воле, солидарности, равенстве. *Рыночный мир* — на цене, обмене, рыночных отношениях. *Технократический мир* — на производительности, компетенции, профессионализме, эффективности, планировании. Л. Тевено и К. Лафай предприняли также попытку описания седьмого — *зеленого*, или *экологического*, мира [Lafaye, Thévenot, 1993]. Хотя предметом анализа Тевено и Болтански являются квалификационные суждения в публичном пространстве, авторы, в отличие от сторонников сугубо семиотической парадигмы, принципиально отказываются сводить культурную реальность к *дискурсам* и *смыслам* и настаивают на необходимости придерживаться *прагматического* подхода. Ситуации споров рассматриваются не как “дебаты и обмен мнениями”, а социальные *испытания*, в которые *вовлечены* не только люди с их

телесностью, но и *вещи*, служащие в качестве опоры моральным суждениям (перевод наш. — О.К.) [Boltanski, Thévenot, 1991: 166].

Таким образом, ключевым оказывается понятие *вовлеченности в мир* (перевод наш. — О.К.) [Thévenot, 2006]. “Вовлеченность” — это не просто *субъективный смысл*, подобно “личной вовлеченности” в семиотике Р. Барта [Гарбовский, 2004: 270—272]. “Вовлеченность” характеризуется двойной направленностью: к реальности (и в этом смысле, это всегда социальное действие, “испытание реальностью”, исход которого заранее не предрешен) и к определенному виду общего блага, определяющему оценочное суждение, моральную оценку. При анализе интересующих нас *концептов* мы постараемся выявить моральные оценки, скрывающиеся за идентичными, на первый взгляд, понятиями. Обращаясь к историческому материалу, мы проследим, как сигнификативное значение понятия, а также его парадигматические связи формировались в процессе различных социальных “испытаний”, где были задействованы аргументационные суждения акторов. Значение концептов не является раз и навсегда зафиксированным, подобно словарной дефиниции, а моделируется в ходе развития социальных ситуаций и согласно легитимным в той или иной культуре высшим принципам.

Понятие “памятник природы” появляется в России в конце XIX — начале XX в. в трудах и публичных выступлениях пионеров природоохранного движения в России В. Талиева, А. Семенова-Тян-Шанского, Д. Анучина, И. Бородина, Г. Кожевникова [Борейко, 1996б], призывающих к государственному урегулированию вопроса о защите природы. Их деятельность протекает на фоне массовых инвайронментальных мобилизаций в Европе и США, среди которых отдельно следует отметить немецкое природоохранное движение в пользу “Naturdenkmäler”, что буквально означает “памятники природы”. Именно работы немецкого исследователя Гуго Конвенца, популяризовавшего в Европе понятие “Naturdenkmal”, вдохновили российских ученых на внедрение понятия “памятник природы” в российскую действительность. Для того чтобы лучше прочувствовать исходное немецкое понятие “Naturdenkmal”, постараемся кратко описать историко-общественный контекст его возникновения [Винер, 1999; Trom, Zimmermann, 2001].

Конец XIX — начала XX в. в Европе, и в частности в Германии — это период кардинальных изменений в отношениях между индивидами и обществом, локальным и национальным, единичным и общим. Это время, когда пересматриваются старые категория восприятия мира и создаются новые, в частности категории природоохранной деятельности. Как отмечают Д. Тром и Б. Зиммерманн, начавшиеся в Германии процессы категоризации природы являются общественным ответом на потрясения, вызванные включением земли в сферу

рыночных отношений и давлением императива индустриализации [Trom, Zimmermann, 2001: 284]. Перед лицом меняющегося мира в Германии обостряется чувство *Heimatlosigkeit* (“безродность”, утрата связи с близким пространством, родным краем) (перевод наш. — О.К.) [Ibid: 286]. Выразителем этого чувства стало множество локальных общественных организаций, ставящих своей задачей *Heimatschutz*, или защиту *Heimat*, родного края (перевод наш. — О.К.). Благодаря их деятельности между *Heimatschutz* и *Naturschutz*, защитой родины и охраной природы, возникает тесная политическая связь. Так, например, *Verschönerungsvereine* направляют свою деятельность на украшение близлежащего пространства и сохранение его эстетической ценности, выдвигая квалификации пространства, основанные на “вдохновенном порядке величия”. Локальные общества краеведов ставят своей целью научную и просветительскую деятельность в области истории края. Их непосредственная задача — “охрана памятников, городских архитектурных сооружений, деревенских строений и археологических памятников” (перевод наш. — О.К.) [Ibid: 291]. И, наконец, деятельность научных объединений натуралистов направлена на инвентаризацию уникальных участков природы и присвоение им статуса природоохранных объектов. Но какими бы различными ни были эти общественные организации, всем им была свойственна ярко выраженная “патримониальная” направленность, стремление к охране наследия родного края. Действительно, как отмечают Д. Тром и Б. Зиммерманн, экологическая проблематика возникла и развивалась в Германии под знаком *Heimatschutz* и *Denkmalpflege* (охрана памятников) (перевод наш. — О.К.) [ibid: 293]. В 1904 г. “патримониальное” движение объединяется в *Bund Heimatschutz* (Союз по защите *Heimat*) [Винер, 1999]. Среди ключевых фигур Союза следует назвать Г. Конвенца, содействовавшего продвижению категории *Naturdenkmal*. Заметим, что впервые термин *Naturdenkmal* был употреблен еще в 1819 г. А. фон Гумбольдтом, известным географом и путешественником, который воспользовался этим определением для описания исполинского дерева в Венесуэле. Однако именно благодаря Конвенцу понятие приобрело статус научной категории и политической проблемы. Как можно судить по его трактату, понятие *Naturdenkmal* было образовано на основе понятия *Denkmal* (“памятник”) путем транспозиции эстетического и исторического значения, традиционно приписываемого памятникам как объектам искусства и истории, на объекты природы [Конвенц, 2000]. В итоге в 1906 г. создается государственная организация *Staatliche Stelle für Naturdenkmalpflege*, предметом охраны которой является не природная среда в целом и не природные территории, а отдельно стоящие трехмерные природные объекты, наподобие архитектурных памятников и скульптур:

дерево, грот, скала и т.д. Понятие “*Naturdenkmal*” впитало в себя чаяния движения *Heimatschutz*. Оно окрасилось не только натуралистической и эстетической, но и ярко выраженной патриотической коннотацией. Понятие *Naturdenkmal* родилось в столкновении с принципами “рыночного” и “технократического” миров⁴, отрывающих человека от почвы, истории, традиций и рушащих локальные связи. В этом смысле Э. Рудорф, стоявший у истоков *Heimatschutz*, “может служить примером взаимосвязи между охраной природы, антимодернизмом и шовинизмом” [Винер, 1999]. Природа мыслится Рудорфом как “живая муза”, “поэзия”. Рудорф провозглашает, что “есть куда более высокие, более идеалистические цели, чем вечная забота о своей мощне. Жизнь каждого индивида опустошается с опустошением и разорением родной земли”⁵. В противовес индустриальному шествию и благам рынка, защитники *Heimat* выдвинули ценности “патриархального мира” (дом, земля, добрососедство, корни, община, родина) и ценности “мира вдохновения” (эстетическое благоговение, красота, творческий порыв). На политической и общественной сцене любовь к родному краю и родной природе вырастала до размеров национальной гордости и патриотизма, а сохранение объектов природы приравнивалось к сохранению единого духа нации. На международной природоохранной конференции, созванной в 1913 г. в Берне, ключевым становится выступление Гуго Конвенца в пользу защиты “памятников природы”. Немецкий ученый настаивает на том, что защита природы есть часть защиты Отечества и составляет таким образом чисто национальную, а не международную задачу⁶.

В России же категория *Naturdenkmal* появляется в конце XIX — начале XX в. благодаря работам и публичным выступлениям самого Г. Конвенца. Иностранное понятие переносится на российскую почву в виде кальки — “памятник природы” — приобретая при этом свои оттенки значения. При буквальном переводе за основу берется русское понятие “памятник”, официально введенное в XIX в. для обозначения объектов культурно-исторического значения⁷. В 1895 г. по приглашению И. Бородина Г. Конвенц выступает с лекцией в Петербургском лесном институте, а в 1913 г. — читает доклад на 13-м съезде естествоиспытателей и врачей в Тифлисе [Борейко, 2000]. Влияние Конвенца на отечественных ученых было столь велико, что практически в каждой книге или статье об охране природы, написанной в начале XX в., прославляется его имя и деятельность [Анучин, 1997; Бородин, 1997; Кожевников, 1997б; Талиев, 1997]. Но именно благодаря Бородину понятие “памятник природы” приобретает статус институциональной категории [Талиев, 1997]. По его инициативе создается особая Постоянная природоохранная комиссия при Русском географическом обществе в Санкт-Петербурге, цель которой —

“возбуждать интерес в широких слоях населения и у правительства к вопросам об охране памятников природы России” [Анучин, 1997]. В состав комиссии входят многие представители Географического общества, а также Академии наук, других ученых обществ Петербурга и разных правительственных ведомств. Одним из основных направлений ее деятельности становится инвентаризация памятников природы и разработка проекта закона о природных заповедниках России. Работа комиссии свидетельствует о неустанных размышлениях над категорией “памятник природы” и адекватностью ее применения в российской природоохранной практике. При этом привлекается опыт не только европейских общественных движений, но и США. Так в новом социально-историческом и культурном контексте постепенно формируется российский концепт “памятник природы”, на отдельных составляющих которого мы остановимся более подробно.

Патриотическая окраска понятия остается неизменной и на российской почве в полном соответствии с устоявшейся отечественной традицией сближения понятий “природа” и “родина” через идею “родного”, “близкого”, “своего” [Сандомирская, 2004]. Появившись в России, понятие “памятник природы” быстро вбирает в себя устои “патриархального мира”: ценность тесной родовой связи между поколениями, верность дому и отечеству, бережное отношение к старине, почитание традиций, сохранение сплоченного сообщества (вплоть до национальных масштабов) и его богатств, социальную самоидентификацию в сравнении с “чужим”, “несвоим”, “неродным”. Парадигматические связи понятия выстраиваются вокруг понятий “земля”, “край” “отечество”, “родина”, “верность” / “предательство”, “нравственный долг перед отечеством” / “преступление”, “соседи”, “государственная мощь”, “гордость за отечество”, “национальная культура” / “интернационализм”, “любовь к родине”, “национальное чувство”, “народная сила”, “старина”, “предки — потомки”, “отцы — дети”, “наше”. Так, Иван Бородин в книге “Охрана памятников природы” восклицает: “Мы не можем не примкнуть к широкому движению, охватившему Западную Европу, это наш *долг* перед *родиной*, человечеством и наукою. Мы уже прониклись необходимостью охранять памятники *нашей старины*, пора нам проникнуться сознанием, что важнейшим из них являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась *наша государственная мощь*, жили и действовали наши отдаленные *предки*. *Растерять* эти остатки было бы *преступлением*. Сколько бы защитных участков ни устроили у себя наши *соседи*, они не в состоянии заменить наших будущих заповедников. Раскинувшись на огромном пространстве в двух частях света, мы являемся обладателями в своем роде единственных *сокровищ* природы” [Бородин, 1997]. Схожие идеи высказы-

вает и Г. Кожевников, комментируя особенности природоохранного движения в Швейцарии: «Общество *Heimatschutz*», что приходится переводить несколько необычно в данном случае звучащими словами “Охрана родины”, имеет в своей программе более широкие, чем охрана природы, задачи, которые в западноевропейских странах тесно примыкают к задачам охраны природы. Это общество и другие, подобные ему, например в Германии, задаются целью сохранить типичные особенности *национальной культуры* от разрушительного обезличивающего влияния *интернационализма*. Стараются сохранить внешний вид старинных городов, отдельных улиц и зданий, исторические памятники, старинную бытовую обстановку, национальные костюмы и т.п. Этой охраной поддерживается *чувство любви к родине, здоровое национальное чувство*, являющееся *истинным залогом народной силы*” [Кожевников, 1997в]. Следует отметить, что в советское время краеведческое движение, “деревенская проза” 1960—1970-х гг. (В.Г. Распутин, В.М. Шукшин, В.А. Чивилихин) и патриотически настроенное экологическое движение (в частности национально-патриотический фронт “Память”) значительно способствовали дальнейшему сближению понятий “природа” и “родина” [Weiner, 1999].

Как показало наше социологическое исследование, современное понятие “памятник природы” по-прежнему устойчиво связано с понятием “дом”, “родина” и “малая родина”, исторической памяти, связи поколений, верности старине⁸. В этом смысле примечательно, что сохранение природы в “первозданном виде” все также может приравниваться к спасению отечества, а ее уничтожение — к преступлению против родины и народа. Так, например, один из активистов Крылатского восклицает: “Понимают ли *отцы* столицы России, что *спасение природы — это спасение Родины?*” Вопросы не беспочвенны, ибо с каждым днем плодородной почвы остается в Крылатском все меньше. В свою очередь председатель Московской экологической федерации характеризует современную градостроительную деятельность в Москве как “историко-культурный и экологический геноцид”, как “*тягчайшее преступление*”, “целенаправленное, планомерное, систематическое разрушение и *уничтожение исторического и культурного наследия коренного населения* и благоприятной окружающей среды его проживания”. В современной российской литературе по экологии также можно нередко встретить параллель “природа — (малая) родина”. Известный международный экологический лозунг “Мысли глобально, действуй локально” преломляется в лозунг “Привязанность к *малой родине* как основание эмоциональных стремлений к сохранению природной среды и биосферы” [Мягков, 2001: 134]. В настоящее время именно понятия “родной край” и “малая родина” выступают как эквиваленты немецкого понятия *Heimat*, тесно связанного с движением *Naturdenkmäler* в Германии.

Заметим, что в России движение в пользу охраны памятников природы было изначально связано с восприятием природы как проекции нации: страна, государство, отчизна, родина. Лишь позднее на политической арене возникли тенденции к локализму [Сандомирская, 2004]. Понятие “край” получило общественный резонанс в краеведческом движении, а понятие “малая родина” как близкого родного пространства стало особенно популярно в хрущевское время, ознаменовавшее собой переход от административно-командной регуляции центра к регионализму [там же]. Своеобразным отражением духа эпохи стала статья Александра Твардовского “О родине большой и малой” (1958).

Кроме собственно патримониальной окраски российский концепт “памятник природы” тесно связан с идеей самоценности первобытной природы (“зеленый мир”). В этом смысле труды пионеров российской природоохраны предвосхитили отдельные положения более поздних экологических течений, таких, как “экологическая этика” (Aldo Leopold) и “глубинная экология” (Arne Naess): самоценность природы, право природы на существование, принцип равенства всех существ [Bourg, 2002]. Наиболее основательно эта идея пропагандировалась в работах Г. Кожевникова, что позволяет говорить об ученом как о “русском Ольдо Леопольде” [Борейко, 2002]. Действительно, Кожевников впервые не только в российской, но и международной природоохранной практике поставил вопрос “о *праве* первобытной природы *на существование*”, вне зависимости от человеческой культуры [Борейко, 1996а; Кожевников, 1997б]. На самоценности природы настаивал и А. Семенов-Тянь-Шанский. В его работах понятие “памятник природы” расширилось до понятия “*великий музей природы*”. Ученый верил, что придет день, когда для человека “*станет священным право на жизнь* всего того, чему преуказано жить и цвести на земле наряду с человечеством”. Он говорил об этической стороне защиты “очагов свободной природы”, призывал дать “*право жить всему живому*” [Борейко, 2002]. В работах ученых понятие “памятник природы” сближалось с понятиями “свободная природа”, “первобытная природа”, “нетленная природа”, “девственная природа”, “первобытная, естественная неприкосновенность”, “заповедность”. В этом смысле позиция российских пионеров природоохраны представляет собой отклик на англосаксонскую философию природы и идею “дикости”, *wilderness* [Lagrèze, 1997]. Действительно, понятие *Naturdenkmal*, пропагандируемое европейским природоохранным движением, приходит в Россию конца XIX — начала XX в. одновременно с американским понятием *National Park* и связанной с ним идеей *wilderness*. Работая над иностранными понятиями, российская комиссия задается прежде всего вопросом об их уместности в российском контексте. Ученые отмечают, что понятие

“памятник природы” является слишком ограниченным для российской действительности, где в первобытном виде сохранились не только отдельные природные объекты, но и целые уникальные природные пространства [Кожевников, 1997в]. Более близким для российского контекста признается понятие *National Park*, чем и объясняется изначальное сочетание в российском понятии “памятник природы” идеи эстетического и патримониального значения природного объекта с идеей дикой природы. Итогом работы над иностранными понятиями явилось внедрение Г. Кожевниковым в природоохранную практику двух разных по объему категорий — “памятник природы” (природный объект) и “заповедник” (природная территория) [там же]. Идея строгой “заповедности” тесно связывалась как с понятием “памятник природы”, так и с понятием “заповедник”⁹. Интересно отметить параллель между отношением американцев к дикой природе национальных парков как средоточию духовности и стремлением Кожевникова обосновать идею “заповедника” на основе ценностей “мира вдохновения” (духовного и эмоционального общения с природой) в противовес ценностям “рыночного” мира: “Устройство заповедника вполне согласуется с самой идеей монастыря, для которого общение с нетронутой первобытной природой дает превосходную почву для созерцания и самоуглубления, а хозяйственная эксплуатация природы, наоборот, вводит в круг мирской суеты, от которой бежит монашествовавший, соприкасает его с денежными интересами, с вопросами продажи, прибыли, наживы, столь чуждыми идее иночества” [Кожевников, 1997а]. Однако наряду с “вдохновенной” и “патриархальной” направленностью идея “дикой природы” в России была тесно связана с идеалом науки.

Действительно, для пионеров природоохраны в России основополагающим было именно научное (биологическое) значение первобытной природы. В отличие от Германии, где природоохранное движение выросло из деятельности общественных организаций самой различной направленности, в России именно научная общественность стала выразителем первых экологических идей. Этим объясняется нюанс в трактовке понятий *wilderness* и “памятник природы”. Российские ученые призывали сохранить первобытную природу в нетленном виде не только ради нее самой или эстетического наслаждения человека, но в первую очередь во имя науки, четкого и достоверного знания, просвещения (“технократический мир”). Расстановка акцентов хорошо прослеживается в размышлениях Ивана Бородина о значении “памятников природы”: “Это такие же уникалы, как картины, например Рафаэля. Дело, однако, не только в известном благоговейном отношении к этим реликвиям, как ни ценно само по себе воспитание этого чувства. Создание защитных участков чрезвычайно важно в целях педагогических, так как обеспечивает

наличность объектов для наглядного изучения природы. Особенно велико их значение в окрестностях больших умственных центров, где сосредоточена масса учащегося юношества. Что касается строго научного значения, то такие участки сохраняют нам объекты для дальнейшего, часто едва начатого исследования, и дают незаменимый материал для решения многих спорных вопросов ботанической географии, выдвинутых наукой в последнее время” [Бородин, 1997]. В дальнейшем апофеозом сближения идеалов “зеленого” и “технократического мира” с его культом знания станет философия космистов и, в частности теория ноосферы В.И. Вернадского как “торжества разума и гуманизма” и “великой миссии науки” [Винер, 1999]. Интересно отметить, что именно обоснование ценности природы с точки зрения научной значимости позволяет российским ученым выйти из сферы патриотической риторики в сферу общечеловеческих ценностей. В связи с этим уместно вспомнить вышеприведенные слова Бородина о природоохране как долге “перед родиной, человечеством и наукой”.

Современное понятие “памятник природы” сохраняет все вышерассмотренные оттенки значения, каждое из которых актуализируется в зависимости от контекста. В ходе нашего социологического исследования в районе Крылатское нам нередко приходилось сталкиваться с тем, как социальные акторы сближают понятия “памятник природы” и “дикая природа”. В свою очередь юридический статус памятника природы как природоохранного объекта предусматривает один из самых строгих режимов охраны и отражает стремление сохранить природный объект в первозданном виде, сведя к минимуму “антропогенное воздействие”. “Памятники природы” надо “оградить от деструктивного влияния массового самодеятельного отдыха населения” и “безобразного хищнического отношения”. На его территории необходимо “дисциплинировать движение отдыхающих”, а к самому природному объекту необходимо относиться “заповедно”, “по принципу не навреди”. Таким образом, основной составляющей концепта “памятник природы” является именно его экологическая и научная значимость: редкость, уникальность формации. Важную роль играют также “эстетическое” и “духовное”. Парадигматические связи понятия “памятник природы” выстраиваются вокруг идеи “чистоты”, “нетронутости”, “первозданности”, “живописности”, “умиротворения”. Тесная связь понятия с идеей Родины и родного края способствует развитию патриотической коннотации. В свою очередь этимология понятия (*памятник, память* + природа) позволяет гармонично сочетать в рамках одного дискурса как историческое и культурное, так и экологическое описание природных объектов. Заметим, что *культурная* значимость памятников природы также отражается в юридическом статусе. Наличие связи с идеей “памяти”

способствует усилению роли семантического поля истории (“достопамятный”, “памятный”, “древний”, “старинный”, “вековой”, “сохранить”). К памятникам природы следует относиться бережно, с почтением, как к объектам, хранящим память о старине (“патриархальный мир”). Проекты радикального благоустройства памятников природы расцениваются защитниками природы как попытки уничтожить “природное и культурное наследие”.

Рассмотрев историю развития российских понятий “памятник природы”, кратко рассмотрим аналогичное французское понятие “*monument naturel*”. В отличие от России, французское природоохранное движение восходит не к деятельности научной общественности, а к протестным акциям живописцев-пейзажистов Барбизонской школы (Т. Руссо, Ж. Дюпре, Н. Диаз, Ш.Ф. Добиньи, К. Труайон), творивших в окрестностях леса Фонтенбло в 1830—1860-е гг. Эстетическое отношение к природе пришло во Францию из Германии, где с конца XVIII в. стал культивироваться романтизм, а также из англосаксонского мира, где зародилось преклонение перед дикой природой и начала развиваться туристическая деятельность. В XIX в. художники Барбизонской школы выступили против коммерческой эксплуатации леса Фонтенбло и “обезображивания пейзажей” (“*dégradation des paysages*”). Для художников природа должна была сохранять свое эстетическое значение и служить источником вдохновения [Bourg, 2002]. Под давлением Т. Руссо и других художников, Лесная инспекция (L’Inspection des forêts) в 1853 г. создает первый заповедный участок “художественного значения” (*d’intérêt artistique*) (624 га) в Фонтенбло. А в 1861 г. 1097 гектарам присваивается статус *series forestières artistiques* (букв. лесных художественных участков). Таким образом, первая природоохранная категория во Франции — *eries forestières artistiques* — отражала именно эстетическое (а не научное или патримониальное) отношение к природе. Речь шла не о сохранении природного разнообразия или наследия, а о сохранении живописных пейзажей. Внимание к красоте природы также усиленно пропагандировалось в работах французской географической школы, и в частности в трудах Ж.-Ж. Элизе Реклю (“Земля и люди. Всеобщая география”, 1876—1894) [Claval, 1996]. Так постепенно зарождается идея инвентаризации и присвоения природоохранного статуса наиболее живописным объектам природы. Франция присоединяется к европейскому общественному движению *Naturdenkmäler*, инициированного Г. Конвенцем, и вводит в природоохранную практику категории “*monument naturel*” (для отдельных объектов природы) и “*sites naturels*” (для живописных природных местностей), понимаемые в первую очередь как эстетические¹⁰. В 1906 г. принимаются первые меры по охране *monuments naturels*. А в 1930 г. вводит в силу первый государственный закон, окончательно институализирующий категории

monument naturel и *site*: “La loi sur la protection des monuments naturels et sites de caractère artistique, historique, scientifique, légendaire ou pittoresque”¹¹. К этому времени статус “*monument naturel*” — “*site*” получают 2600 ландшафтов. Таким образом, “эстетические” категории “*site classé*” и “*monument naturel*” предшествуют во Франции как категории “*réserve naturelle*”¹² (природный заповедник), так и категории “*parc national*”¹³ (национальный парк). Как отмечает Доминик Бург, именно эстетическим (красота природы), а не экологическим чувством (биологическая ценность природы) руководствовались пионеры природоохранного движения во Франции. Французский подход к природе сильно отличался от природоохранной практики в Северной Америке и, добавим, в России: “Американцы стремились в первую очередь сохранить обширные дикие пространства, *wilderness*, т.е. творения природы, предоставленной самой себе. Художники Барбизонской школы отстаивали не первобытный лес, а лес, уже благоустроенный человеком. Кроме того, они отстаивали природу как источник вдохновения и искусства” (перевод наш. — О.К.) [Bourg, 2002: 43].

Категория “*monument naturel*” практически вышла в настоящий момент из употребления во французском языке и воспринимается как анахронизм. Вместо нее во французском законодательстве и природоохранной практике используется категория “*site*”, или “*site classé*”. Критерии присвоения природоохранного статуса — “*site*” — остаются теми же, что и для “*monument naturel*” — живописный, художественный, легендарный, исторический или научный характер природного объекта. Так, большинство водопадов, знаменитых горных вершин, легендарных дубов или величественных гротов во Франции имеют статус “*sites*” в силу своей красоты и исторического значения. Эти объекты находятся под охраной государства. Однако важно отметить, что статус “*site*” не предусматривает охраны экологического (биологического) значения природных объектов (допускается благоустройство территории, при котором сохраняется ее эстетическая значимость; например, можно “облагородить” луг орхидей или осушить торфяное болото, являющиеся “*sites naturels*”)¹⁴. В этом — существенное отличие французской категории “*site*” (*monument naturel*) от российской категории “памятник природы”, предусматривающей крайне строгий природоохранный режим и запрещающей любое вмешательство человека в природные процессы. “*Site*” — всего лишь один из видов природоохранных территорий (*espaces naturels protégés*) во Франции, характеризующийся наименее жестким природоохранным режимом¹⁵. Таким образом, перевести российское понятие “памятник природы” как “*monument naturel*”, или “*site*”, можно лишь с большой долей условности и при внесении дополнительных комментариев. В современных речевых практиках

объемы данных понятий совпадают лишь частично — в том, что касается исторического и эстетического значения природных объектов. Экологическое же значение (охрана видов) фиксируется только русским понятием. При этом необходимо учитывать, что во французском понятии доминирующим оказывается эстетический аспект (“мир вдохновения”), в то время как в русском — “дикость природы” (“зеленый мир”) и “торжество науки” (“технократический мир”). Кроме того, как было отмечено выше, в русском понятии большое значение имеют парадигматические связи с “патриархальным миром”.

* *
*

Проведенный нами анализ понятий “monument naturel” и “памятник природы” позволил выявить межкультурную и межъязыковую асимметрию, осложняющую переводческую практику. Детальный анализ исторического развития понятий, а также анализ их употребления в современных речевых практиках (в ходе экологических конфликтов) помог наглядно представить то, как схожие ситуации оформляются в двух языках и двух культурах. Применение междисциплинарного подхода показало, что при внешней эквивалентности, понятия отражают и фиксируют различные культурные смыслы и ценности. В каждом языке и культуре близкие понятия прошли свой своеобразный путь развития, обусловленный социальными ситуациями, в которых они испытывались на адекватность политическим и культурным устоям страны. Перевести понятие “памятник природы” как “site naturel” хотя и возможно (исторически оба понятия восходят к европейскому движению в пользу охраны памятников природы), но несколько рискованно, так как это может привести к искажению информации: в отличие от русского понятия, французское не отражает экологической значимости природного объекта.

Однако в данной статье мы не ставили своей задачей оспорить эквивалентность понятий, ни тем более, обосновать их “непереводимость”. Напротив, мы руководствовались совершенно иным стремлением — достичь внимательного и рефлексивного отношения к своей и чужой культуре, без которого невозможен не только перевод, но и любое межкультурное общение. Мы постарались поделиться опытом столкновения с переводческой проблемой и наглядно продемонстрировать возможные поиски ее решения. В ходе исследования был использован междисциплинарный подход к переводу с опорой на лингвистику, историю, социологию. За рамками данной статьи остался сопоставительный анализ природоохранных категорий второй половины XX в. — “природное наследие” и “patrimoine naturel”, исторически связанных с понятиями “памятник природы” и “monument naturel”. Но это уже предмет другого исследования.

Примечания

¹ Предварительные результаты исследования изложены в работе [Koveneva, 2003].

² В основу анализа легли эмпирические данные социологического исследования экологических конфликтов в городе Медон (Франция). Подробнее см. [Ковенева, 2006, Koveneva, 2004].

³ Подробнее см. [Ковенева, 2007].

⁴ Здесь и далее используется терминология Л. Болтански и Л. Тевено.

⁵ Цит по [Винер, 1999].

⁶ Цит. по [Борейко, 2000]

⁷ Заметим, что до этого использовалось понятие “куриозные вещи”, “раритеты”, “древности”, “достопамятности”, “предметы старины” или более пространная формулировка “что зело старо, то необыкновенно”, восходящая к одним из первых указам Петра Первого о предметах искусства. При этом к “древностям” до XIX в. относились не архитектурные сооружения, а предметы быта, орудия труда, монеты, украшения. Подробнее см. [Кулемзин; Старостина, 2003].

⁸ Здесь и далее используются материалы лингвосоциологического исследования: интервью, материалы прессы, официальные документы.

⁹ Важно отметить, что этимология слова “заповедник” восходит к словам “заповедать” — “повелевать, предписывать, приказывать, наказывать ко непременному всегдашнему исполнению; *завещать* какую-либо обязанность” и “заповедный” — “запрещенный, запретный”. “Помни праотцев: заповедного не тронь”. См. [Даль, 1994].

¹⁰ Использование французского термина “site” в данном случае не случайно. “Site”: ландшафт, местность (особенно красивая, живописная). См. [Так, 1997].

¹¹ www.espace-nature.net ; www.ecologie.gouv.fr

¹² Действительно, хотя в начале XX в. отдельные французские общественные организации натуралистов выступали с инициативами создания заповедных территорий, категория “природный заповедник” получила официальный юридический статус значительно позднее — только в 1950 г.

¹³ Первые “parcs nationaux” появились во Франции лишь 22 июля 1960 г. Их природоохранный статус приравнен к статусу “réserves naturelles”. Основное различие заключается в их управлении. Природные заповедники, как правило, находятся в ведении общественных организаций, финансируемых государством (www.espace-nature.net).

¹⁴ www.espace-nature.net

¹⁵ Согласно закону выделяются также: parcs nationaux; réserves naturelles; réserves naturelles volontaires; réserves biologiques forestières; réserves de chasse et de faune sauvage; biotopes; espaces protégés au moyen de la maîtrise foncière par le Conservatoire du Littoral et les Conseils Généraux, les parcs naturels régionaux, les sites Natura 2000.

Список литературы

Анучин Д.Н. Охрана памятников природы // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Киев, 1997 (www.ecoethic.ru).

Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности / Пер. с англ. // Журн. социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66—83.

Борейко В.Е. Дикая природа, любите или не приближайтесь // Новый мир. 2002. № 7 (www.ecoethic.ru).

Борейко В.Е. Колокол Кожевникова // Очерки о пионерах природы. Т. 1. Киев, 1996а (www.ecoethic.ru).

Борейко В.Е. Очерки о пионерах охраны природы. Киев, 1996б (www.ecoethic.ru).

Борейко В.Е. Пионер охраны памятников природы Конвенц Гуго // Практика охраны памятников природы. Киев, 2000 (www.ecoethic.ru) (г).

Бородин И.П. Охрана памятников природы. Русское географическое общество. СПб., 1914 // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Киев, 1997 (www.ecoethic.ru).

Вдовина И.С. Поль Рикёр // Философия XX века. М., 2004. С. 224—245.

Винер Д. Экологическая идеология без мифов? Охрана природы у нацистов? / Пер. с англ. // Гуманитарный экологический журн. 1999. Т. I. Вып. I (<http://www.ecoethics.ru/m01/x40.html>).

Гак В.Г. Новый французско-русский словарь, М., 1997.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М., 2004.

Гири К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М., 2004.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

Зорин А. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004.

Ковенева О.В. От “памятника природы” к “monument naturel”. Герменевтический опыт решения переводческой задачи // Теория перевода. Межкультурная коммуникация. Сопоставительная лингвистика: Мат-лы Третьей Междунар. науч. конф. М.; Казань, 2007. 11 с.

Ковенева О.В. Тернистый путь защитника природы: экологическое действие в России и во Франции // Неприкосновенный Запас. Дебаты о политике и культуре. 2006. № 2 (46). С. 198—214.

Кожевников Г.А. Монастыри и охрана природы. Утро России. 1913. 7.278 // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле (из отечественных работ). Киев, 1997а (www.ecoethic.ru).

Кожевников Г.А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. М., 1909 // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Киев, 1997б (www.ecoethic.ru).

Кожевников Г.А. Охрана природы в разных странах в связи с вопросом о постановке этого дела в России // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Киев, 1997в (www.ecoethic.ru).

Конвенц Г. Практика охраны памятников природы // История охраны природы / Под ред. В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко. Вып. 23. Киев, 2000 (www.ecoethic.ru).

Кулемзин А.М. Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности. Начало ее успеха (www.ic.omskreg.ru/~cultsib/metod/kulemz.htm).

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.

Мягков С.М. Социальная экология. Этнокультурные основы устойчивого развития. М., 2001.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999.

Рикёр П. Время и рассказ / Пер. с фр. М.; СПб., 2000.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. М., 2002.

Сандомирская И. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках // Интеракция, интервью, интерпретация. 2004. Inter, 2—3, Ин-т социологии РАН.

Старостина Ю. Чтобы строжайше было воспрещено разрушать здания // Восточно-Сибирская правда. 2003. 29 апр. (<http://babr.ru>).

Талиев В.И. Охраняйте памятники природы! Харьков, 1914 // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Киев, 1997 (www.ecoethic.ru).

Тевено Л. Какой дорогой идти / Пер. с англ. // Журн. социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 84—111.

Тевено Л. Наука вместе жить в этом мире / Пер. с фр. // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2004. № 3 (35). С. 5—14.

Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности / Пер. с фр. // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 285—313.

Чернов И.А. Опыт введения в систему Ю.М. Лотмана // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958—1993). История русской прозы, теория литературы. СПб., 1997.

Boltanski L. L'Amour et la Justice comme compétence. Trois essais de la sociologie de l'action. P., 1990.

Boltanski L., Thévenot L. De la Justification. Les économies de la grandeur. P., 1991.

Bourg D. De l'écologie à l'écologie politique. Cahiers français: Enjeux et politiques de l'environnement. 2002. Janvier—février. N 306. P. 43—49.

Claval P. L'environnement comme enjeu politique // Neboit-Guilhot & L. Davy (Eds.) Les Français dans leur environnement. Comité national de géographie. Nathan. P., 1996. P. 316—333.

Koveneva O. La mise en valeur d'un environnement naturel et urbain: tensions et concertation. 161 p. Mémoire de DEA: Sociologie: sous la direction de Laurent Thévenot: EHESS. P., 2004.

Koveneva O. La nature et la ville comment vivre ensemble, 156 p. Mémoire de maîtrise: Sociologie: sous la direction de Laurent Thévenot: Collège universitaire français. M., 2003.

Lafaye Cl., Thévenot L. Une justification écologique? Conflits dans l'aménagement de la nature // Revue Française de sociologie. 1993. Vol. 34. N 4. P. 495—524.

Larrère C. Les philosophies de l'environnement // PUF. 1997.

Lefevre J.-Cl. De la protection de la nature à la gestion du patrimoine // Patrimoines en folie (sous la dir. de Henry Pierre Jeudy). P., 1990. P. 29—76.

Lotman I., Ouspenski B. Сémiotique de la culture russe. P., 1990.

Ricoeur P. Du texte à l'action. P., 1986.

Ricoeur P., Tiffeneau D. La sémantique de l'action / Ed. D. Tiffeneau. P., 1977.

Thévenot L. L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. P., 2006.

Trom D., Zimmermann B. Les cas du chômage et du paysage // Les formes de l'action collective. P., 2001. P. 281—315.

Weiner D.R. A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Staline to Gorbatchev. California; L., 1999.

С.Г. Ушаков

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В ВОПРОСАХ ПЕРЕВОДА

В данной статье была предпринята попытка рассмотреть категорию падежа во французском языке, который является флективным языком с высокой долей аналитизма. Формально французские имена существительные, прилагательные и местоимения не имеют падежных словоформ, однако говорить об отсутствии категории не совсем верно, так как в пользу её существования говорят некоторые феномены в языке. Эта своего рода систематизация может быть полезна переводчикам-практикам.

The present article's subject was case category in the French language. The French language, being an inflexional language with a highly developed analytical forms, is very often considered as a language with no case category. Nominally, French substantives, adjectives and pronouns do not have case wordforms. However, it is not appropriate to speak about case category absence in French as certain linguistic phenomena are evidence of its existence. This article providing a sort of systematization may be used by translators.

Ключевые слова/Key words: *падеж, французский язык, русский язык, синтетические и аналитические языки.*

В данной статье была предпринята попытка проанализировать категорию падежа применительно к французскому языку. Хотелось бы подробнее рассмотреть этот вопрос, который возник в связи с недавно услышанным заявлением, что во французском падежей вообще нет. Конечно же, это утверждение имеет под собой основу, когда падеж рассматривается в своём классическом понимании, нередко поверхностном, однако на самом деле проблема гораздо глубже и однозначного подтверждения или опровержения этой гипотезы дать нельзя. Данная статья также может быть полезна переводчикам-практикам в выработке определённой тактики, так как систематизирует некоторые особенности рассматриваемых языков (русского и французского).

Для начала следует поговорить о категории падежа вообще. Что такое падеж? Первоначальные представления о падеже во флективных языках синтетического типа (в качестве примера возьмём русский язык) примерно следующие: падеж — это грамматическая категория имени, неразрывно связанная со склонением имени (существительного). Что же такое собственно склонение и почему оно так названо (фр. *déclinaison*)? Русские имена существительные *склоняются*, т.е. изменяются по падежам — опять появляется категория падежа. По-

лучается замкнутый круг. Выходит, эти две категории необходимо рассматривать вместе.

Имя существительное (напомним, что в языке флективного синтетического типа, рассматриваются примеры из русского языка) *ставится в нужном падеже* в речи, в устном или письменном тексте. Таким образом, падеж характеризует реализацию лексемы на практике. Каким же образом? Имя существительное всегда выражает предмет, явление, факт, ситуацию в статике — в противоположность динамически развивающемуся событию. Логично предположить, что этот предмет, явление, факт и др. является результатом или продуктом какого-то действия или влияния. Действие или влияние выражается, как правило, глаголом, но не только им. Простой пример: *дом сына*, в котором глагол просто отсутствует, однако наблюдается влияние одного предмета на другой. Не будем подробно выяснять, каким образом это влияние происходит (предмет “сын” влияет на предмет “дом” или наоборот) — споры вокруг языков номинативного и эргативного строя не утихают до сих пор, ограничимся лишь тем, что зафиксируем факт влияния и сделаем первый вывод: *категория падежа фиксирует собой влияние на данный предмет*. Каково же это влияние?

Влияние на предмет отличается от других источников (предметов) разнообразно и именно это объясняет наличие развитой парадигмы склонения у синтетических языков. В русском языке традиционно выделяется шесть падежей, однако и этот тезис в лингвистике подвергается сомнению, так как значения категорий сгруппированы довольно разнородно, в этой связи иногда выделяют дополнительные падежи вроде партитивного или местного, а также архаичные формы звательного падежа. Под значениями и понимается как раз то влияние, о котором уже было сказано. Иными словами, падежная форма раскрывает тип, характер, “угол” этого влияния, условно говоря. Частично или полностью тип влияния отражается в самих названиях падежей. К примеру, прямое влияние выражается в форме винительного падежа — объект полностью находится под влиянием другого объекта или полностью испытывает на себе какое-либо действие. Почему винительный падеж назван именно так — сказать трудно, в романских языках он называется так же (*accusativus / accusatif / accusativo*), скорее всего следуя логике старого латинского языка именно глагол “обвинять” выражал действие наиболее полно переходящее на предмет, однако это только предположение. Следующий пример — дательный падеж, основная функция которого — изображать косвенное дополнение. Здесь название падежа оправдывает в большинстве случаев и сегодняшнее его употребление — имя (су-

ществительное или местоимение) в дательном падеже — это типичное косвенное дополнение. “Дательный” (Dativus, datif, dativo) происходит от глагола “дать” (Dare, donner, dar, dare). Глагол *дать* наиболее чётко передаёт разницу между прямым и косвенным дополнением: *дать кому-либо что-либо*. “Что-либо” целиком испытывает на себе действие, выражаемое глаголом, кому-либо — лишь косвенно, избирательно, и именно так понимается в настоящей статье условно использованный нами термин “угол влияния”. Далее будет показано, как иные косвенные падежи (кроме винительного) выражают этот угол влияния. Продолжим рассматривать названия падежей в соотнесённости с их основным значением.

Именительный падеж (nominativus, nominatif, nominativo) всегда *называет* предмет, явление, факт или действие, или ситуацию в статичности. Однако чтобы отличить этот падеж от всех остальных, нам стоит отметить, что называется не любой предмет, а тот, который является центром сложной ситуации (в отличие от простой, которая может реализовываться в одном слове). Называется то, что совершает действие или над чем действие совершается в определённых условиях в определённое время в определённом месте. Таким образом, “угол влияния” можно охарактеризовать как прямой или нулевой (в зависимости от характера всей фразы — пассивного или активного). Как бы этот “угол” ни был охарактеризован, важно понять, что этот “угол” условно “противоположен” тому, который выражается винительным падежом. Полезно будет также отметить и то, что в русском языке именительный падеж также выражает начальную форму слова, т.е. ту абстрактную форму, которая зафиксирована в словаре. Альтернативно можно заявить, что именительный падеж в русском языке *совпадает* с начальной формой имени или местоимения — это утверждение также имеет под собой основу, и мы к нему ещё вернёмся.

Родительный падеж (Genitivus, génitif, genitivo) в первую очередь связан с идеей принадлежности (родственная связь *родитель—сын* интерпретируется как принадлежность, эта интерпретация созидания популярна во многих культурах). В приведённом выше примере *дом сына* родительный падеж показывает именно принадлежность. В частном порядке пример может нести значение созидания (“сын построил дом”). Таким образом, принадлежность имеет несколько другой “угол влияния”, нежели прямое действие на объект. Его можно охарактеризовать как косвенное, но иного типа, чем влияние, выражаемое дательным падежом.

Творительный падеж (instrumental) в русском языке несколько искажил своё название, так как оно скорее соответствует тому же

родительному падежу. В романских языках его название соответствует основному значению — он выражает то, чем или с помощью чего осуществляется процесс, действие, т.е. средство. Таким образом, влияние на предмет косвенное — средство действия играет ещё меньшую роль в самом совершающемся действии. И влияние на предмет-объект осуществляется под иным углом по сравнению с тем, который выражен формами дательного падежа.

И, наконец, предложный падеж (*prépositionnel*) также имеет искажённое название. В русском названии, равно как и в названии его во французском языке, содержится лишь одна идея, которая имеет мало общего со значением этого падежа. Утверждается лишь, что этот падеж не употребляется без предлога. И это верно. Существительное или местоимение в предложном падеже всегда будет иметь при себе предлог. Более того, такой падеж в русском языке оказывается единственным такого рода. Однако основное его значение то, что некогда передавалось в латинском языке падежом *locativus*, который затем стал *ablativus*. Основное предназначение предложного падежа — это обозначение места, т.е. одного из условий протекания процесса или действия. Как видим, влияние действия рассматривается совершенно по-иному, как мы ещё не видели. Более того, взаимосвязь, взаимовлияние между действием и его местом может быть совсем не очевидно. Здесь же мы можем вернуться к винительному падежу и вспомнить второе основное его значение в русском языке — значение направления (к какому-либо объекту). Естественно, это значение имеет мало общего со значением прямо испытывающего на себе влияния предмета, кроме совпадений форм, и в принципе, можно говорить о “разных винительных падежах”, но суть не в этом. Главное, что винительный падеж также может выражать условия протекания действия, и тогда связь, точнее влияние этого действия на предмет (адрес назначения), может быть утрачено. В любом случае оно в очередной раз будет иметь свой определённый характер (здесь, применительно к условиям протекания действия, а не предметам целесообразнее будет употреблять термин *характер* вместо *угла*).

Подведём некоторые промежуточные итоги, а также объясним некоторые моменты, которые не стоит воспринимать как непоколебимую истину. Во-первых, рассмотренные значения русских падежей — далеко не все имеющиеся, были рассмотрены лишь те, которые отражены в той или иной мере в названии самих падежей. Не ставилась цель проанализировать абсолютно все значения. Цель была иная — показать то, как падеж демонстрирует характер влияния действия (или другого предмета) на предмет. Во-вторых, неверным будет данные примеры распространять на иные флективные синте-

тические языки. Так, в латинском языке *genitivus* употреблялся для обозначения именно прямого дополнения: *Homo meminit temporum praeteritorum* (Человек помнит о прошлых временах). Это говорит о том, что каждый народ в своём языке по-разному видит тот самый угол влияния; строится этот угол на основе восприятия носителем языка действия и соотнесенности этого действия с предметом, на который оно распространяется. Носители одного языка видят, что в определённом примере предмет целиком находится под влиянием действия или другого предмета. При описании той же ситуации в другом языке его носители совершенно объективно могут видеть иной угол и иной характер влияния. Для каждой языковой системы характерны определённые видения этих “углов”. Всё это объясняется различием в мышлении разных этнических групп.

Теперь рассмотрим ситуацию во французском языке. Сразу хочется отметить, что французский язык берётся в своём сегодняшнем состоянии вне связи с древними формами, когда существовали именительный и винительно-предложный падежи. Французский язык тоже флективный, но доля аналитизма в нём выше. В частности, словоформы имён изменяются только по роду. Значит, традиционных изменений *форм* по падежам нет. Значит ли это, что говорить о падеже во французском языке вообще не стоит? Отнюдь. В первую очередь не значит, так как сам язык сложился на основе кельтских говоров и того же латинского языка, в котором падежная парадигма была очень сильно развита. Более того, на первом этапе французский язык обладал высокой долей синтетизма. Иными словами, можно говорить о том, что архаичные падежные формы в ходе эволюции языка превратились в соответствующие аналитические (с помощью предлогов и особые супплетивные формы местоимений). Наша задача — попробовать в современном языке вычленить падежи, вернее, группы по значению (по характеру или “углу” влияния).

Итак, в качестве отправной точки возьмём начальную форму слова, к которой будет абстрактно подбираться контекст. Перед тем как это сделать, хотелось бы остановиться поподробнее на начальной форме слова. Возможно ли условно назвать её формой именительного падежа? Когда выше говорилось об именительном падеже, мы специально заявили, что его форма, возможно, *совпадает* с начальной формой слова, но не *тождественна* ей. Действительно, в мире есть языки, в которых эти формы не совпадают. К примеру, в корейском языке они сильно разнятся. Начальная форма слова существует сама по себе, она зафиксирована в словаре. Как только слово употребляется в речи в качестве подлежащего, оно тут же ставится в *именительном* или *основном* падеже (между ними также наблюдается смысловая разница), причём оба эти падежа имеют свои

окончания, которые присоединяются к начальной форме — корейский язык относится к агглютинативным языкам. К примеру, для именительного падежа используется окончание $O|$ или $7|$ в зависимости от того, на какой звук заканчивается начальная форма слова, это окончание присоединяется к начальной форме слова, то же самое происходит и с основным падежом.

О корейском языке мы вспомнили потому, что французский язык заставляет нас предполагать, что в его системе присутствует нечто подобное. К примеру, об этом свидетельствуют французские личные местоимения. Так, *moi* — это начальная форма слова, однако мы встречаем также и форму *je*, форму, которая жёстко привязана к описываемому её глаголу и которая без него не употребляется. По всем показателям *je* будет формой именительного падежа (место и роль в предложении), *moi* же можно считать начальной формой или формой основного падежа (они совпадают), случай употребления *moi* в качестве косвенного дополнения пока не рассматриваем.

С существительными во французском языке такого не наблюдается, но по аналогии с местоимениями можем заключить, что начальная форма и форма именительного падежа совпадают на 100%.

Во французском языке можно сразу же увидеть *объектный* падеж — т.е. тот, который не совпадает по значению, а также по месту и характеру расположения формы в высказывании с формой именительного падежа. Однако такой падеж оказывается не единственным. Можно выделить *прямо-объектный* падеж, который по традиции можно назвать винительным, и *косвенно-объектный*, аналог нашего дательного (как правило, реализуется в виде сочетания с предлогом *à*, реже *de*). Насчёт выделения родительного падежа возникают определённые сомнения, потому что собственной словоформы ни у одного из падежей нет, а предлог *de* имеет множество значений, значения родительства или принадлежности не единственные. В крайнем случае этот *косвенно-объектный* падеж можно назвать условно *родительно-дательным*, чтобы отличить его от других “падежей”.

Точно следует выделить падеж *партитивный*, так как он обладает признаками, присущими только ему. Во-первых, это наличие партитивного артикля *du — de la — des — de l'*, во-вторых, заменяемость существительного на местоимение *en*, чего нельзя сделать со всеми без исключения существительными с предлогом *de*. К этому же падежу можно приписать значение удаления, направления от/из какого-либо места — в этом случае обозначается не предмет, который косвенно испытывает на себе действие, но одно из условий протекания этого действия.

Следует также выделить особо аналог нашего творительного падежа, не причисляя его к косвенно-объектному, так как у него нет похожей заменяемости местоимением. В качестве примеров творительного “падежа” могут выступать существительные и местоимения с предлогами *avec, par, de*. Данный падеж может выражать не только инструмент, средство, способ производства, но и причину действия.

Наконец, можно выделить “падеж” *местный*. Его реализация осуществляется с помощью предлогов *à, dans, en, sur, sous* и многих других. Таким образом падеж этот может обозначать место, а также направление — грамматически они во фразе никак не различаются, понять смысл помогает только контекст. Причина выделения этого “падежа” — как в значении места, так и направления в определённое место — заменяемость местоимением *у*.

Итак, всего во французском языке можно выделить 6 “падежей”: начальная форма, именительный, винительный, косвенно-объектный, партитивный и местный. Очевидно, что это не те падежи, с которыми обстоит дело в языках с большей долей синтетизма, однако в конце концов предлоги и предложные конструкции имеют по большому счёту сходные с флексиями (окончаниями) функции, разница лишь в позиции и в оторванности от основы словоформы. Однако эти группы (“падежи”) имеют право на существование, так как обуславливаются наличием семантических, лексических и морфолого-синтаксических признаков.

Как мы уже показали, не стоит отождествлять, к примеру, дательный падеж в русском языке с описанным нами дательным падежом французского языка — это особенно следует учитывать при переводе. Вопрос стоит гораздо глубже, так как собственно падежи обуславливаются внутренней логикой языковой системы, внутренними связями между единицами языка. Однако используя такую схему, переводчик может выстраивать стратегию своих действий, отмечая совпадения и расхождения явлений.

ВОПРОСЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

И.Е. Абрамова

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР В УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ

Цель данной статьи заключается в изучении фонетического акцента как дестабилизирующего фактора в устном переводе. Исследуется иностранный (русский) акцент студентов-переводчиков. В начале статьи представлен обзор теоретической литературы по данной проблематике, рассматриваются такие понятия, как “билингвизм”, “фонетический акцент”. Затем приводятся описание фонетического эксперимента и анализ полученных данных. Автором исследования было проведено два эксперимента. В первом эксперименте были выявлены ошибочные реализации английских согласных фонем /t, d, p, b, k, g/ русскоязычными студентами. Второй эксперимент был направлен на выявление разницы в восприятии ошибочных реализаций английских согласных фонем английскими и русскими аудиторками. Полученные данные дополняют наше представление о механизме возникновения непонимания в процессе коммуникации и устного перевода. В заключении делаются выводы.

The purpose of this paper is to consider the nature of strong phonetic accent and its confusing role in the process of Interpreting. It critically examines Russian-influenced English pronunciation of Russian students, specializing in Interpreting. First it gives a brief overview of the scientific literature on the topic, analyses such notions as “bilingualism”, “phonetic accent”. Then the paper goes on to describing the main issues of the work. Two experiments were conducted. In Experiment I the production accuracy of six English consonants /t, d, p, b, k, g/ by bilinguals is tested. In Experiment II the differences in perception of targeted English consonants by native speakers and bilinguals are analysed. Current findings add substantially to our understanding of the causes for misunderstanding in communication and interpreting. Finally, some conclusions are made.

Ключевые слова/Key words: *фонетический акцент, билингвизм, устный перевод, правильная реализация, фонемы согласных, восприятие на слух.*

Известный британский фонетист Дженнифер Дженкинс убеждена, что хотя обучение произношению иностранного языка не находится в центре внимания большинства преподавателей иностранного языка, само произношение играет гораздо более важную роль в процессе успешной коммуникации, чем это принято думать [Jenkins, 2000]. Если партнёр по общению не понимает даже одно ошибочно произнесённое слово в потоке речи собеседника, вероятность того, что не будет понято всё высказывание, очень высока. До 70% случаев непонимания при устном общении на иностранном языке вызвано

именно ошибками в произношении. Можно только представить, насколько произносительные погрешности могут негативно влиять на устный перевод.

Данная статья посвящена анализу явления фонетического акцента как дестабилизирующего фактора в процессе устного перевода. Рассматриваются такие ключевые для данной проблемы понятия, как “искусственный билингвизм”, “интерференция”, “акцент”. Приводятся данные результатов аудиторского эксперимента с участием носителей языка по восприятию ошибочных реализаций английских слов, произнесённых русскоязычными студентами-переводчиками.

В большинстве российских переводческих и языковых школах иностранный язык усваивается в условиях так называемого **искусственного билингвизма**. Если естественный билингвизм возникает в результате “продолжительного контактирования и взаимодействия носителей двух языков в процессе их совместной практической деятельности, без целенаправленного воздействия на становление данного умения в многоязычной среде”, то искусственный формируется в результате “активного и сознательного воздействия на становление данного умения вдали от основной массы носителей данного иностранного языка” [Вишневецкая, 1997: 11]. При искусственном типе билингвизма доминирующую роль играет родной язык говорящего, второй язык возникает как продукт изучения через посредство родного. Другими словами интерференцию контактирующих языковых систем в речи билингва можно определить как сильное воздействие родного языка на изучаемый иностранный.

Процесс овладения вторым языком обязательно сопровождается **интерференцией** родного. Именно поэтому В.Ю. Розенцвейг писал: “Следует принять за аксиому, что нет двуязычия без интерференции” [Розенцвейг, 1972: 16]. По словам А.А. Реформатского, при изучении неродного языка главную трудность представляет не овладение чужим, а борьба со своим. Для овладения чужим языком надо прежде всего преодолеть навыки своего языка, так как навыки своего языка — это “сито, через которое в искажённом виде воспринимаются факты чужого языка” [Реформатский, 1987: 42—43].

Интерференция затрагивает все языковые уровни — грамматический, лексико-семантический, фонетический. Отрицательная **фонетическая интерференция** признаётся исследователями особенно яркой и устойчивой. Основные причины фонетической интерференции достаточно глубоко исследованы. С лингвистической точки зрения к источникам интерференции и её отражения в речи — акценту относятся различия между фонетическими системами, типо-

логическое сходство вступающих в контакт языков и степень их генетического родства.

Суммируя результаты многочисленных работ по интерференции, Н.А. Любимова рассматривает фонетическую интерференцию как нарушение (искажение) вторичной языковой системы и её нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух, а иногда и более языков, проявляющегося через интерференцию слуховых и произносительных навыков, сформированных на базе данных взаимодействующих систем [Любимова, 1985: 18].

Данные психологии и теории билингвизма позволяют раскрыть и психофизиологическую природу интерференции. Как установлено, фонетическая интерференция проявляется в речи, как при восприятии, так и при производстве. Это означает, что она затрагивает перцептивную и артикуляционную базы, проявляясь в нарушении иерархии и взаимодействия слуха — произносительных навыков в речи на языке вторичной системы. Известно, что в процессе овладения звуковой системой родного языка органы, обеспечивающие произношение звука, синхронно контролируются слуховым восприятием. Между артикуляцией звука и акустическим аппаратом существует обратная связь. Поскольку речевой слух фонологичен, работа речедвигательных механизмов регулируется фонологической программой, т.е. совокупностью сведений о фонемном коде языка и правил комбинирования фонем в речевую последовательность. В силу действия встречной активности артикуляционных центров коры головного мозга параметры воспринимаемого иноязычного звука моделируются в речеслуховой функциональной системе в виде “интерферированного” звукового образа.

Исследователи отмечают, что в условиях интерференции обе стороны речевой деятельности (а именно порождение высказывания и восприятие сообщения на неродном языке) не являются полностью автоматизированными, так что тип взаимодействия звуковых систем накладывает существенные ограничения на те ошибки, которые могут возникнуть (т.е. “плохое” качество речи на неродном языке не исключает хорошего понимания, а при плохом различении звуков неродного языка произносительные ошибки не обязательны) [Интерференция звуковых..., 1987: 5].

При изучении иностранного языка обычно наблюдается односторонняя интерференция, т.е. только проникновение элементов родного языка в изучаемый. В этом случае она часто носит отрицательный характер, являясь неосознанным ошибочным переносом норм родного языка на иностранный. Лингвистическим проявлением интерференции в процессе овладения вторым языком, когда первый уже усвоен как система, является иностранный **акцент**.

Квалифицировать речь иностранца как содержащую акцент можно лишь в том случае, если в данном языке существует **орфоэпическая норма**. В этой связи необходимо различать нарушения речи, свойственные иностранцу, и те погрешности в звуковом оформлении высказываний, которые отличают людей, не вполне овладевших литературной нормой родного языка. Согласно современным представлениям о норме она рассматривается как совокупность явлений, разрешённых системой языка, отражённых и закреплённых в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определённый период времени. Следует иметь в виду, что норма для говорящего устанавливает границы, в пределах которых он может варьировать реализации фонем. Выход за пределы, очерченные нормой, затрудняют коммуникацию, а иногда и нарушают её.

В специальной методической литературе акцент определяется как особый вид отклонения от литературной нормы, возникающий в ситуации билингвизма и характеризующийся наличием супернормы, регулирующей речепроизводство билингва. Под супернормой понимается наложение нормы первичного языка (т.е. родного) на норму языка вторичного (т.е. иностранного) [Виноградов, 1972].

В чем же основные причины акцента? В процессе речевого общения внимание собеседников, как правило, направлено на содержание сообщения. Используя языковые средства, говорящий формирует свою мысль. В то же время звуковой облик высказывания обычно не находится в сфере сознательного контроля. Фонетическая сторона создается как бы интуитивно. Безусловно, в основе интуиции в данном случае лежат отработанные механизмы как звукопроизводства, так и звуковосприятия на родном языке. Л.В. Щерба отмечал, что "...изучая иностранный язык путем простого подражания <...> мы необходимейшим образом подставляем вместо иностранных звуков соответственные или ближайшие русские в полной уверенности, что мы с большим или меньшим успехом подражаем слышанному" [Щерба, 1939: 10].

Е.Д. Поливанов, которому принадлежит одна из первых попыток дать системное описание акцента, подчеркивал, что фонемы настолько тесно ассоциируются у представителей каждого языка с его апперцептивной деятельностью (т.е. с актами восприятия слышимой речи), что он бывает склонен производить привычный для него анализ на основании своих элементарных фонологических представлений... даже в отношении слышимых им слов (или фраз) чужого языка, т.е. языка с иной системой элементарных фонологических представлений, иначе говоря, слыша чужое незнакомое слово, слушающий пытается найти в нём комплекс своих фонологических

представлений, т.е. разложить на свои фонемы и даже сообразно своим (т.е. присущим родному языку слушающего) законам сочетаний фонем [Поливанов, 1968: 247].

Анализируя современные представления об акценте, имеет смысл разграничить понятия “ошибка” и “акцент”. При реализации речевого высказывания на начальном этапе обучения внимание учащегося сконцентрировано на произносительной стороне речи, а работа речедвигательного аппарата характеризуется максимальным напряжением, что вызывает вариативность отклонений от нормы. Такое отклонение определяется как ошибка. Акцент же формируется на более высокой стадии владения иноязычной речью, когда учащийся может осуществлять спонтанную коммуникацию на иностранном языке. Это происходит, когда у студента уже сформированы произносительные навыки, и его внимание переключено на план содержания. Именно в этом случае в иноязычную речь проникают наиболее общие, автоматизированные, а потому и наименее осознаваемые говорящим тенденции родного языка.

Фонетисты говорят об акценте и как о системе неправильных навыков. Системный характер обуславливается системностью языка, где каждая фонетическая единица определяет и все остальные, тем самым влияет и на всю систему фонем конкретного языка. Системный характер акцента подтверждается тем, что он проявляется в реализации звуков, ритмике, интонировании и, стало быть, представляет собой систему отклонений от норм изучаемого языка, соответствующих как парадигматике и синтагматике языка, так и его супрасегментному уровню (уровню интонации). То, что акцент — система, подтверждается наличием определённых отклонений в речи иностранцев разного возраста, по-разному владеющих неродным языком, имеющих разную языковую подготовку и разный культурный уровень.

Из всех видов акцентов фонетический признается как самый сильный. Нарушения на фонетическом уровне приводят к наибольшим затруднениям в общении с носителями изучаемого иностранного языка. Простые примеры доказывают данное утверждение. Смысл английских фраз “**He is living** with Caferoma’s Managing Director” и “**He is leaving** with Caferoma’s Managing Director” зависит от правильного понимания выделенных слов **is living** (в значении “живет”) и **is leaving** (в значении “уезжает”). На письме разница в словах легко видна. При правильном произношении она также весьма ощутима. Так в слове *living* /'lɪvɪŋ/ англичане произносят звук /ɪ/, а в слове *leaving* /'li:vɪŋ/ — звук /i:/. Данные звуки /ɪ/ и /i:/ существенно разнятся как в артикуляции, так и в акустическом впечатлении и являются смыслоразличительными для носителей языка. Когда же

русскоязычный переводчик, малознакомый с английской фонетикой, говорит эти две фразы, они звучат абсолютно одинаково, так как вместо английских гласных /ɪ/ и /i:/ произносится похожий русский звук /и/. Таким образом, искаженное произношение даже отдельных звуков может привести к нарушениям в коммуникации.

Приведем еще несколько примеров простых фраз, которые трудно понять, если вместо английских звуков (выделенных жирным шрифтом) произносить русские гласные:

/i:/	/ɪ/	/з:/	/-ɪ:/
1. It was a terrible scene/ sin .		3. She worked /walked all night.	
/ø/	/□/		
2. The bus / boss is coming soon.			

С целью определить, насколько неправильно произнесённое слово может исказить смысл сказанного и соответственно дестабилизирующе повлиять на процесс понимания и перевода, на кафедре иностранных языков гуманитарных факультетов Петрозаводского государственного университета было проведено экспериментально-фонетическое исследование.

Материалом исследования являются записи свободной беседы и чтения специально подобранных слов и текстов студентами и их преподавателями. Экспериментальный материал включает в себя английские согласные и гласные фонемы во всех фонетических позициях и сочетаниях. Весь собранный материал был подвергнут слуховому анализу, выполненному автором исследования. В качестве **объекта** исследования были выбраны 12 информантов из двух академических групп гуманитарных специальностей. Все студенты обучаются по дополнительной квалификации “Переводчик в сфере профессиональной коммуникации”. Полученные записи были подвергнуты слуховому анализу, выполненному автором исследования. Были выявлены и статистически обработаны ошибочные реализации английских фонем русскоязычными студентами. В данной статье предлагаются предварительные результаты по второй серии эксперимента, посвящённые аудиторскому анализу полученных результатов.

Цель второй серии эксперимента — определить, как носители языка оценивают конкретные ошибочные реализации английских согласных и гласных, насколько они существенны для правильной коммуникации и перевода. Эта оценка особенно важна, так как только носители английского языка знают все пределы варьирования аллофонов английских фонем. Было решено параллельно с экспериментом с английскими аудиторами провести эксперимент с русскими аудиторами, будущими переводчиками.

Задачи аудиторского эксперимента:

- 1) определить, насколько терпимо носители английского языка и русскоязычные аудиторы воспримут ошибочные реализации английских слов, прочитанных русскоязычными студентами;
- 2) существует ли разница в опознании ошибочных реализаций английских согласных английскими и русскими аудиторами.

В эксперименте принимали участие 20 англичан (носители британского варианта; преподаватели английского языка из лондонских языковых школ и студенты различных учебных заведений Лондона) и 20 русских. Русскоязычные аудиторы — студенты старших курсов дополнительной квалификации “Переводчик в сфере профессиональной коммуникации” Петрозаводского университета.

Из каждой записи чтения студентов были выбраны слова, к которым можно подобрать минимальные пары (например, *saves — safes; great — grade; pens — pence*). Один из членов каждой минимальной пары представлял собой возможную ошибочную реализацию английского слова в произношении русских студентов. Слова предъявлялись по три раза с интервалом в 4 секунды, достаточным для принятия решения. Длительность эксперимента — 45 минут (анализировалось 257 минимальных пар). Аудиторам было дано следующее задание: подчеркнуть то слово, которое они слышат. В общей сложности было получено 10280 ответов аудиторов. Формат данной статьи не позволяет подробно рассмотреть все полученные результаты по гласным и согласным. Ниже в таблице показаны наиболее интересные данные по восприятию реализаций английских согласных фонем, где проявились различия в оценках англоязычных и русскоязычных аудиторов.

В ходе аудиторского анализа выяснилось, что существуют различия в опознании английскими и русскими аудиторами некоторых ошибочных реализаций английских согласных. Наибольшие расхождения в восприятии английских и русских аудиторов проявились при опознании ошибочных реализаций губно-губного круглощелевого сонанта /w/ в позиции абсолютного начала (в минимальных парах типа: *when — Venn, wire — via, west — vest*), придыхательных смычных /p, t, k/ в позиции абсолютного начала (в минимальных парах типа *pull — bull, peach — beach, town — down*), начальных сочетаний смычных /p, k/ с сонантом /l/ (в минимальных парах типа *plead — bleed, clue — glue*), в интервокальном сочетании /k/ с какуминальным /r/ (в минимальных парах типа *decree — degree*), конечных сочетаний сонантов /n, l/ со звонкими согласными (в минимальных парах типа *pens — pence, build — built*).

**Обобщенные результаты аудиторского эксперимента по опознанию
ошибочных реализаций английских согласных русскими студентами (%)**

№	Фонема	Реализация	Опоз- нание	Аудиторы	
				англий- ские	русские
1	w	w, β	v	11	43
2	p ^h t ^h k ^h (начальная позиция)	p t k без аспирации	b d g	85	18
3	k ^{hl} p ^{hl} (начальная позиция)	kl pl без аспирации	gl bl	62,5	14
4	k ^h r (интервокальная)	kr без аспира- ции	gr	100	10
5	nd ndʃ ld (долгие сонанты в конечной позиции)	nt ntʃ lt (долгий сонант)	nd ndʃ ld	88,5	49
6	nz (долгий сонант в конечной позиции)	ns (долгий сонант)	nz	98	45

Согласно полученным данным, английские аудиторы достоверно опознают сонант /w/ в позиции абсолютного начала, русские аудиторы затруднились в его идентификации. Английские аудиторы безошибочно опознают губно-губной круглощелевой сонант /w/, хотя в произнесении русских студентов он реализуется по-разному: от ослабленной артикуляции [w] до замены на плоскощелевой [β]. В отличие от англичан русские аудиторы затрудняются в однозначном опознании /w/ (43% опрошенных идентифицировали его как [v]), что вызвано прежде всего незнанием всех пределов варьирования аллофонов /w/.

Английские аудиторы не смогли однозначно идентифицировать смычные /p, t, k/ в позиции абсолютного начала. Основная причина заключается в том, что русские дикторы при прочтении слов, содержащих данные согласные, не соблюдали аспирацию. Это приводило к сокращению длительности взрыва шумных смычных согласных.

В исследованиях зарубежных и отечественных фонетистов при фонемной идентификации начальных шумных смычных согласных носитель английского языка помимо иной информации пользуется признаком длительности [Ladefoged, 1982: 182—183; O'Connor, 1978: 129—133]. Отсутствие аспирации и как следствие сокращение длительности начальных /p, t, k/ в произношении русских студентов усложнило опознание этих согласных англичанами. Часть аудиторов идентифицировали их как /b, d, g/ соответственно. Русские аудиторы без труда опознали /p, t, k/ в позиции абсолютного начала, так как ориентировались на признак звонкости-глухости, который является дифференциальным в русском языке. Для англичан же дифференциально противопоставление сильный — слабый (fortis-lenis) [O'Connor, 1978: 129].

Что касается сочетаний смычных /p, k/ с сонантом /l/ в позиции абсолютного начала и интервокального /k/ с какуминальным /r/, то английские аудиторы также не смогли однозначно опознать их в произношении русских студентов. Как известно, после глухих смычных /p, k/ английские сонанты /l, r/ оглушаются [Gimson, 1972: 201—205; Ladefoged, 1982: 84; O'Connor, 1978: 148]. Русские дикторы в отобранных примерах произносили смычные придыхательные согласные без аспирации, а сонант /l/ без оглушения, что и помешало идентификации этого сочетания согласных английскими аудиторами.

Реализации конечных сочетаний долгих сонантов /n, l/ с глухими смычными согласными однозначно опознавались английскими аудиторами как сочетания сонантов со звонкими согласными. Русские же аудиторы затруднились дифференцировать эти сочетания. Согласно правилу позиционной долготы сонантов, английские сонанты имеют большую длительность перед конечными слабо звонкими согласными, чем перед глухими [O'Connor, 1978]. Вероятно, что при идентификации конечных сочетаний сонантов со смычными согласными носители английского языка наряду с другими признаками учитывают и признак длительности сонанта. Для аудиторского анализа отбирались примеры ошибочных реализаций, когда русские дикторы несколько затягивали произношение сонантов при одновременном оглушении конечных звонких смычных. Такое произношение ввело в заблуждение русских аудиторов.

Таким образом, предварительные результаты аудиторского эксперимента подтверждают тот факт, что фонетические ошибки серьезно мешают опознанию фонетического облика слова, ведут к непониманию и являются дестабилизирующим фактором как при устном

переводе, так и общении. Несомненно, существование иностранного акцента зависит от способности исконных носителей языка распознать его. Именно это указывает на относительную психолингвистическую независимость интерференции и акцента. Интерференция локализована в говорящем, а акцент существует для слушающего. Различные звуковые модификации, затрудняющие мгновенное опознавание произносимых слов, привлекают внимание слушающих и тем самым создают у них впечатление иностранного акцента. Всем говорящим на иностранном языке, а тем более профессиональным переводчикам, важно помнить, что фонетические погрешности могут так исказить смысл сказанного, что общение будет сведено на нет. Как отмечал С.И. Бернштейн, неодобрительное отношение к иностранному акценту отчасти объясняется как неосознанная форма протеста слушателя против принуждения к непродуктивной затрате умственной энергии [Бернштейн, 1975: 7—8].

Список литературы

Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучение произношению. М., 1975. С. 5—61.

Виноградов В.А. Универсальное и ареальное при обучении произношению // Лингвистические аспекты обучения языку. М., 1972. С. 10—18.

Виноградов В.А. О фонологическом механизме иностранного акцента // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973. С. 247—259.

Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты: Учеб. пособие. Иваново, 1997. 99 с.

Закирьянов К.З. Двужычие и интерференция. Уфа, 1984. 80 с.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979. 312 с.

Интерференция звуковых систем / Отв. ред. Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая. Л., 1987. 280 с.

Любимова Н.А. Фонетическая интерференция. Л., 1985. 55 с.

Поливанов, Е.Д. Субъективный характер восприятия звуков чужого языка // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. 376 с.

Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 40—52.

Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л., 1972. 80 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. 182 с.

- Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. Л., 1939. 279 с.
- Gimson A.* An Introduction to the Pronunciation of English. L., 1972. 320 p.
- Jenkins J.* The Phonology of English as an International Language. Oxford, 2000. 258 p.
- Ladefoged P.A.* Course in Phonetics. California, 1982. 300 p.
- O'Connor J.* Phonetics. Harmondsworth, 1978. 200 p.

TRANSLATION AND INTERPRETATION DIDACTICS

S. Baldo

ADAPTATION: A PROPAEDEUTIC METHOD FOR LEARNING HOW TO TRANSLATE

My research focuses on the main benefits of subtitling and I intend to show all the advantages of this original training as one method of teaching translation. In this paper, I briefly present the different kinds of classes chosen for the master which I run, and give the reader the results of a survey that I carried out on adaptation

Keywords/Ключевые слова: *subtitling, adaptation, film, Audiovisual Translation Master, survey.*

Introduction

The theoretical instruction of translation is too often repetitive: the teacher hands out a text that the students translate and afterwards, the teacher gives his own translation. However, just as there are many ways to perform translations, there are many ways to teach it.

At the Department of Applied Foreign Languages (Evry-Val-d'Essonne University, France), we have taught adaptation in the "Audiovisual Translation" Master for 2 years and have organised two professional seminars during which we have been able to meet adaptors.

I shall insist on the following issue: is the reputation that adaptation has for being child's game justified? Shouldn't it be treated more seriously as a real propaedeutic method for learning translation?

Education

Master 1st year

<i>Traductology</i>	<i>30 h</i>
<i>Dissertation on audiovisual translation</i> — <i>French/English</i> — <i>French/German or French/Spanish</i>	<i>60 h</i>
<i>Film subtitling</i> — <i>French/English</i> — <i>French/German or French/Spanish</i>	<i>30 h</i>
<i>Documentary subtitling</i> — <i>French/English</i> — <i>French/German or French/Spanish</i>	<i>30 h</i>

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

С. Бальдо

АДАПТАЦИЯ: ПРОПЕДЕВТИЧЕСКИЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

Моё исследование посвящено выявлению преимуществ субтитрования как оригинального и эффективного метода обучения переводу. В статье рассмотрен ряд дисциплин, включённых в курируемую мной магистерскую программу, а также приведены результаты проведённого мной тематического опроса студентов.

Ключевые слова/Key words: *субтитрование, адаптация, фильм, магистерская программа «Аудиовизуальный перевод», опрос.*

Введение

Занятия по переводу в большинстве своём отличаются крайним однообразием: преподаватель предлагает студентам выполнить перевод какого-либо текста, после чего знакомит их с собственным вариантом перевода. Однако важно понимать, что способов преподавания перевода существует ничуть не меньше, чем способов его выполнения.

Последние два года на факультете прикладных иностранных языков Университета Эври-Валь-д'Эссон мы преподаём студентам субтитрование (адаптацию) в рамках магистерской программы «Аудиовизуальный перевод» и за это время организовали несколько семинаров с участием профессиональных кинопереводчиков.

Пришло время задаться вопросом: насколько оправданно отношение переводоведов к адаптации лишь как к некоей детской забаве? Не пора ли взглянуть на неё как на вполне серьёзный пропедевтический метод обучения переводу?

Таблица 1

1-й год обучения по магистерской программе «Аудиовизуальный перевод»

<i>Переводоведение</i>	<i>30 ч</i>
<i>Письменная работа по аудиовизуальному переводу</i> <i>— французский/английский</i> <i>— французский/немецкий или французский/испанский</i>	<i>60 ч</i>
<i>Субтитрование художественных фильмов</i> <i>— французский/английский</i> <i>— французский/немецкий или французский/испанский</i>	<i>30 ч</i>
<i>Субтитрование документальных фильмов</i> <i>— французский/английский</i> <i>— французский/немецкий или французский/испанский</i>	<i>30 ч</i>

<i>Subtitling and image</i>	<i>15 h</i>
<i>Civilization: English-language film culture</i>	<i>15 h</i>
<i>Civilization: German and Spanish-language film culture</i>	<i>15 h</i>
<i>American literature and cinema</i>	<i>15 h</i>
<i>Total</i>	<i>210 h</i>

On the chart, we can see some part of the instruction on offer during the 1st year of the Audiovisual Translation Master. I have only mentioned the classes which have something to do with translation and adaptation, such as Traductology, Dissertation on audiovisual translation in 3 languages (French, English and German/Spanish), Film subtitling, Documentary Subtitling, Subtitling and Image, Civilization: English-language film culture or German and Spanish film culture, American literature and cinema.

Education

Master 2nd year

<i>Traductology</i>	<i>24 h</i>
<i>Dissertation on audiovisual translation</i> — <i>French/English</i> — <i>French/German or French/Spanish</i>	<i>48 h</i>
<i>Film/documentary subtitling</i> — <i>French/English</i> — <i>French/German or French/Spanish</i>	<i>48 h</i>
<i>Subtitling and image</i>	<i>24 h</i>
<i>Civilization: English-language film culture</i>	<i>24 h</i>
<i>Total</i>	<i>168 h</i>

On the second chart, we can see some part of the instruction in the 2nd year of the Audiovisual Translation Master. During this 2nd year, the students have fewer hours because they have to do a period of work experience, professional training which lasts at least 4 months. But obviously, the classes they follow are even more highly specialized than in the 1st year.

So on these two charts, we can count, for the whole Master's diploma, 378 hours of classes related to audiovisual topics.

The classes in which the students have to perform the adaptation of a film or a documentary represent altogether 255 hours (135 hours for the 1st year and 120 hours for the 2nd). Knowing how complex translation is, we know that it is not too much and that each hour is essential.

From a theoretical point of view, we have added traductology classes in which the operations of translation are taught as regards translation in general and adaptation.

<i>Субтитрование и видеоряд</i>	<i>15 ч</i>
<i>Культуроведение: англоязычное кино</i>	<i>15 ч</i>
<i>Культуроведение: немецко- и испаноязычное кино</i>	<i>15 ч</i>
<i>Американская литература и кино</i>	<i>15 ч</i>
<i>Всего</i>	<i>210 ч</i>

В вышеприведённой табл. 1 указаны лишь те дисциплины, которые имеют отношение к переводу и адаптации, а именно “Переводоведение”, “Письменная работа по аудиовизуальному переводу на трёх языках (французском, английском и немецком/испанском)”, “Субтитрование художественных фильмов”, “Субтитрование документальных фильмов”, “Субтитрование и видеоряд”, “Культуроведение: англоязычное, немецкоязычное или испаноязычное кино”, “Американская литература и кино”.

Таблица 2

2-й год обучения по магистерской программе “Аудиовизуальный перевод”

<i>Переводоведение</i>	<i>24 ч</i>
<i>Письменная работа по аудиовизуальному переводу</i> — французский/английский — французский/немецкий или французский/испанский	<i>48 ч</i>
<i>Субтитрование художественных/документальных фильмов</i> — французский/английский — французский/немецкий или французский/испанский	<i>48 ч</i>
<i>Субтитрование и видеоряд</i>	<i>24 ч</i>
<i>Культуроведение: англоязычное кино</i>	<i>24 ч</i>
<i>Всего</i>	<i>168 ч</i>

Как видно из табл. 2, на втором году обучения студенты имеют меньше часов академической нагрузки, что обусловлено необходимостью прохождения ими четырёхмесячной академической практики. Разумеется, дисциплины второго года обучения имеют более глубокую специализацию, чем дисциплины первого года.

Таким образом, общая академическая нагрузка для получения магистерской степени составляет 378 часов аудиторных занятий по различным аспектам аудиовизуального перевода.

На адаптацию художественного или документального фильма студентам отводится 255 часов (135 часов на первом году обучения и 120 — на втором), что, безусловно, совсем немного, если учитывать сложность подобной работы, поэтому каждый час должен использоваться учащимися наиболее рационально.

Теория представлена занятиями по переводоведению, на которых студентов обучают переводческим преобразованиям в области общего перевода и адаптации.

From a practical point of view, we shall open a computer classroom in January in which each student will have his own computer. Moreover, we have bought some subtitling software, AYATO, which is one of the most used in the subtitling industry. This way, we can train the students in real working conditions.

Survey

Last January, I carried out a survey of the 55 Third-year bachelor-level students who had taken subtitling classes for one semestre.

I asked them to give their own opinions on different issues. Below are five main questions, namely:

- What do you expect from the subtitling classes?
- Do you feel that you're making progress in translation thanks to the subtitling classes?
- Do you like subtitling? Why?
- What distinctions do you make between subtitling and translation in general?
- Would you like to work as a subtitler? Why?

The objective was to make out the conceptions students who are quite inexperienced in subtitling have of subtitling.

Main answers

95% answered that subtitling was an entertaining activity, 95% that they found translation more attractive since they started to perform adaptations, 87% that it was an attractive and pleasant activity, 85% that it was a pleasant way of improving their culture, 83% that it was an interesting way of improving their language skills. Finally, 60% thought that it was rewarding to show their translations on a screen.

I quote some students' answers:

“Translating a movie is more lively, captivating, stimulating, diverse and entertaining than translating a text.”

“There's a plot, characters, moments of emotions, cultural references and much information to learn about everyday life.”

“Thanks to subtitling classes, I learn useful and everyday vocabulary.”

“What I like in this activity is that it makes it possible to improve in other fields such as movie culture, international culture and languages.”

“It's an activity close to reality, very concrete, because of the omnipresence of the media in everyday life.”

Что касается практики, то в январе мы планируем открыть компьютерный класс с индивидуальными рабочими местами. Кроме того, нами уже приобретено профессиональное программное обеспечение по субтитрованию АУАТО. Таким образом, студенты получают возможность выполнять задания в профессиональной рабочей обстановке.

Опрос

В январе 2007 г. я провела исследование, в котором приняли участие 55 студентов третьего курса, обучающихся по программе подготовки бакалавров и занимавшихся в течение семестра субтитрованием. Им было предложено ответить на несколько вопросов, главные из которых приведены ниже:

— Что вы ожидаете от занятий по субтитрованию?

— Считаете ли вы, что занятия по субтитрованию помогают вам лучше осваивать перевод?

— Нравится ли вам субтитрование? Почему?

— В чём состоят отличия субтитрования от традиционного перевода?

— Хотели бы вы профессионально заниматься субтитрованием? Почему?

Через данное исследование я хотела узнать мнения студентов, имеющих не очень большой опыт в области субтитрования, о данном виде аудиовизуального перевода.

Результаты

95% респондентов считают субтитрование развлечением, 95% ответили, что глубже заинтересовались переводом, с тех пор как начали обучаться адаптации, 87% нашли субтитрование увлекательным занятием, для 85% оно представляется занимательным способом постижения иностранной культуры, 83% рассматривают субтитрование как интересную возможность совершенствования языковых навыков. Наконец, 60% испытывали гордость, оттого что их переводы были показаны на экране.

Ниже цитирую некоторые из полученных ответов.

“Перевод кино — более оригинальный и занимательный процесс, чем перевод печатных текстов”.

“В кино есть сюжетная линия, персонажи, душевные переживания, культурные аллюзии и много информации о повседневной жизни”.

“Занимаясь субтитрованием, я обогатил свой иностранный словарный запас полезной повседневной лексикой”.

“Субтитрование мне нравится тем, что даёт возможность углубить познания в области киноискусства, иностранной культуры и языков”.

“Это конкретная прикладная деятельность, ведь кино и телевидение уже стали неотъемлемой частью нашей жизни”.

The answers were very interesting because they show that adaptation is an activity which is very attractive and this is an essential factor as far as learning is concerned, because we know that great interest in a field is source of progress.

However, in my opinion, subtitling is too often perceived as child's game, a leisure or purely recreational activity. That is why I think it best to describe the essence of subtitles.

The essence of subtitles

When we perform an adaptation, we must deal with many constraints, mainly spatiotemporal constraints. The readability of the subtitles is limited in time and space. The adaptor must make sure that the viewer is at ease. For that, I have retained five criteria which characterize successful subtitles.

Subtitles must be:

— *Transparent.*

By nature, subtitles are a kind of intruder, a foreign body added to an existing audiovisual support. They seem to harm the image (in the same way as a dubbed version may harm the source language). Subtitles may distract the viewer, who cannot read and concentrate on the images and dialogues at the same time. In order to make the viewing as natural as possible, the adaptor mustn't impose too much reading to the viewer who also wants to be able to listen and watch the screen in peace, without feeling frustrated by too much reading. In practice, subtitles are generally on two lines, and go from a few characters to about sixty. The less the viewer feels the existence of subtitles, the better they are. A frequent criticism is that there is not enough time to watch the images in a subtitled version, so transparency is an important point.

— *Ephemeral.*

The second criticism as regards subtitles is that they don't stay on the screen long enough even when they could. However, it has been observed that when a viewer has enough time to re-read a subtitle, he tends to do it. That's why the display time mustn't last more than 5 or 6 seconds (on the basis that the reader needs more or less one second to read 15 characters). The objective of this time restriction is to improve the comfort of the viewer. The ideal time is the time needed to read the subtitle just once and to leave time for the observation of the image. Sharing is the issue because it is difficult to watch the images and read the text at the same time. We read a translation but not a film, or at least we don't only do that.

Все эти ответы очень интересны и свидетельствуют о том, что адаптация — увлекательный вид переводческой деятельности, обладающий большой образовательной ценностью, ведь, как известно, интерес к предмету изучения — залог прогресса. Однако, на мой взгляд, многие до сих пор считают субтитрование не более чем детской забавой, развлечением. Именно поэтому я сочла необходимым раскрыть сущность субтитров.

Сущность субтитрования

В процессе адаптации мы имеем дело с множеством ограниченных прежде всего пространственного и временного характера. Кинопереводчик должен стремиться к тому, чтобы чтение субтитров не вызывало у зрителей затруднений. Я выделила пять критериев, характеризующих успешное субтитрование.

Субтитры должны быть:

— *Органичными.*

В сущности, субтитры — чужеродный элемент в оригинальном продукте. Они “загрязняют” видеоряд и по негативному эффекту сопоставимы с дубляжем, художественная ценность которого, по мнению многих, всегда ниже, чем у оригинальной звуковой дорожки. Внимание зрителя рассеивается, так как ему приходится одновременно читать субтитры и воспринимать “картинку”. Просмотр кинофильма не должен вызывать дискомфорт, поэтому кинопереводчик не вправе вынуждать зрителя уделять слишком много времени чтению субтитров. На практике субтитры обычно даются двумя строками, в среднем по тридцать символов в каждой. Чем меньше они отвлекают на себя внимания, тем лучше. Субтитры часто критикуют за то, что они не оставляют зрителю достаточно времени для полноценного осмысления видеоряда, поэтому органичность в данном случае — немаловажный критерий.

— *Быстросменяющимися.*

Субтитры критикуют ещё и за то, что они отображаются на экране слишком короткое время, даже если у изготовителя имелась возможность продлить период их отображения. Однако наблюдения показывают: когда у зрителя есть достаточно времени, чтобы перечитать строку субтитров, он, как правило, это делает, поэтому субтитры не должны задерживаться на экране 5—6 секунд (если исходить из того, что за одну секунду человек воспринимает в среднем 15 символов). Цель подобного ограничения — обеспечить зрителю комфортный просмотр фильма. В идеале субтитры должны отображаться ровно столько времени, сколько требуется зрителю для однократного прочтения строк(и) и последующего адекватного восприятия видеоряда. Распределение времени между чтением и просмотром — непростая задача. Мы читаем перевод, а не фильм, и полноценный просмотр этим не ограничивается.

— *Sparse.*

The third criticism concerning subtitling is that it doesn't report all that is said in the original version. However, the average elocution time is faster than the reading time, so the adaptor must get to the heart of the matter. The adaptor must learn to select essential information. When the image is sufficiently expressive, it is not useful to retranscribe some first names, names or titles. Furthermore, parts of the dialogue which are clearly pronounced and non-ambiguous do not need to be reported such as interjections, exclamations and onomatopoeias. Thus, the adaptor must study all the visual and hearing signs that appear in order to avoid superfluous terms. In brief, what appears obviously on screen and can be understood, observed and felt doesn't have to be explicitly expressed in the subtitles.

— *Synthetic.*

On the whole, subtitling corresponds to a shortened transcript of a scenario. It isn't enough to get rid of superfluous elements which are already expressed by the sound and the image. It's also necessary to have the ability to summarize and penetrate the entire universe of a film. Synthesizing is being able to express a concept or an idea into a minimum number of words, or to express several ideas in a single one. In translation, in a broad sense, we are allowed to do explicit long sentences. In subtitling, you are constantly rewording by using simple syntactic phrases. The adaptor must have the ability to play with the visual and hearing code in order to produce condensed dialogues adapted to the images and the time available to him. Thus, there is a real need for careful thought and a whole intellectual exercise is involved in choosing which options to select.

— *Freely unfaithful.*

In traditional translation, a lack of fidelity may be conceived a failure, a typical mistake of novice translators or something that the translator cannot avoid. For instance, some unfaithful translations of puns, or cultural references that cannot be translated literally. In adaptation, you must be unfaithful. The script of a movie or a documentary cannot be transcribed entirely in the subtitles. Some losses and changes of meaning are unavoidable. In the absolute sense, we cannot state that subtitles offer a 100% satisfactory answer. A translator who starts in subtitling may feel frustrated and irritated at having to regularly give a less precise translation, or having to change the semantic content of a dialogue just to gain a few characters.

— *Экономными.*

Субтитры критикуют за то, что они не передают в полном объёме содержание оригинального диалога. Однако известно, что время высказывания всегда короче времени прочтения, поэтому кинопереводчик должен стремиться выразить в субтитрах только самую суть диалога, т.е. должен уметь отбирать наиболее значимую информацию. Если содержание видеоряда само по себе вполне понятно, нет надобности воспроизводить в субтитрах имена, фамилии и звания персонажей. Кроме того, ясные и недвусмысленные компоненты диалога (междометия, восклицания и звукоподражание) также не требуется передавать субтитрами. Таким образом, кинопереводчик должен тщательно анализировать все визуальные и звуковые образы в порядке их появления и отсеивать наименее значимые элементы. Иными словами, всё, что появляется на экране и понятно без перевода, не обязательно перевыражать субтитрами.

— *Обобщающими.*

По сути своей субтитрование — сжатое изложение кинодиалога. Недостаточно только избавиться от малозначимых элементов, которые уже явно выражены в звуковом и визуальном рядах, важно ещё уметь резюмировать содержание диалогов и воссоздавать атмосферу фильма. Уметь обобщать — значит уметь выражать какой-либо концепт или идею минимальным количеством слов или несколько идей представлять в виде одной. Выполняя обычный перевод, мы зачастую намеренно прибегаем к пространным высказываниям. В субтитровании же следует использовать компактные синтаксические структуры. Кинопереводчик должен уметь играть визуальным и звуковым кодами для создания сжатых диалогов, адаптированных к “картинке” и вписывающихся в жёстко ограниченные временные рамки. Таким образом, весь материал фильма требует тщательного анализа с целью отбора наиболее значимой информации.

— *Намеренно неточными.*

В традиционном переводе вольность воспринимается как неудача, типичная ошибка начинающего переводчика или нечто такое, чего невозможно избежать в принципе, например при передаче на переводящем языке игры слов или культурных аллюзий.

Адаптируя текст, переводчик **обязан** исказить оригинальные смыслы. Транскрипт художественного или документального фильма невозможно предельно точно воспроизвести переводными субтитрами. Определённые смысловые потери и изменения неизбежны. Иными словами, мы не можем утверждать, что субтитры представляют собой стопроцентно верный перевод. Переводчик, впервые принимающийся за субтитрование, наверняка будет испытывать огорчение и раздражение, постоянно сталкиваясь с необходимостью давать неточный перевод путём искажения семантического содержания диалогов для того лишь, чтобы выигрышно сократить строки

However, this is part of the game. The adaptor must feel free to suggest other translations because of the spatiotemporal constraints that are imposed to him. The paradox or the false paradox is that these constraints are the very source of his freedom. Indeed, the faster a sequence is, with many shots and a great deal of dialogue, the less faithful the translation will be. For example, in some very talkative passages of Woody Allen movies, the adaptors are obliged to “torture” and “torment” the subtitles in order to make them keep up with the dialogue.

Propaedeutic benefits

The five previously described criteria tend to prove that adaptation is really a particular form of translation.

Unfortunately, it is rare for a student to find a job as a translator directly linked to the fields he was trained in at university. There’s little chance for a technical translator to translate the user manuals he studied in classes. That’s why it is essential that the university instruction should try to train future translators who are able to adapt to all kinds of translations.

Adaptation is an excellent propaedeutic method for learning the fundamental aspects of methodology in translation. That is what I mean by “adapt films to better adapt to translation”.

Let’s see in details to what extent adaptation makes learning some aspects of translation methodology easier and allows students to improve them considerably :

— *Individual linguistic work: ability to summarize and reword.*

We have seen that subtitles must be “transparent”, ephemeral, sparse, synthetic and freely unfaithful because of spatiotemporal constraints. Therefore, the adaptor is encouraged to perform a linguistic exercise in the lexical field by almost systematically searching for synonyms or quasi-synonyms, provided they are short.

From a syntax point of view, the adaptor will look for simple structures. As regards semantics, he will study the diegesis of the source message in order to perform a translation that is as faithful as possible to the source message.

— *Freedom of expression.*

In traditional translation, we teach students to distance themselves from the source text. Personally, I advise them to put the source text aside,

на несколько символов. Однако таково правило игры. Кинопереводчик должен освободиться от традиционных воззрений на сущность переводческой деятельности и предлагать неточные варианты перевода по причине навязанных ему пространственно-временных ограничений. Парадокс состоит в том, что эти самые ограничения как раз и являются для переводчика источником свободы. Действительно, чем динамичнее сцена, чем быстрее в ней сменяются планы и выше скорость диалогов персонажей, тем менее точным будет перевод. Например, в некоторых насыщенных диалогами сценах фильмов Вуди Аллена переводчикам приходилось подвергать субтитры мучительным “пыткам”, с тем чтобы они поспевали за этими диалогами.

Пропедевтические преимущества

Пять описанных выше критериев доказывают, что субтитрование действительно является особой формой перевода.

К сожалению, студентам редко удается найти работу переводчика, напрямую связанную с той темой, на которой они специализировались при обучении в университете. Вряд ли техническому переводчику придётся переводить те же самые инструкции, с которыми он сталкивался при обучении. Поэтому необходимо, чтобы в университете будущие переводчики научились адаптироваться к разным видам перевода.

Субтитрование является отличным пропедевтическим методом для изучения основ методологии перевода. Можно сказать, что “адаптация фильмов помогает лучше адаптироваться к переводческой деятельности”.

Рассмотрим подробнее, каким образом субтитрование способствует лучшему пониманию и усвоению некоторых аспектов методологии перевода:

— *Индивидуальная работа с языком: способность обобщать и переформулировать.*

Как уже отмечалось ранее, субтитры в силу временных и пространственных ограничений должны быть органичными, быстросменяющимися, экономными, обобщающими и намеренно неточными. Таким образом, занимаясь субтитрами, переводчик постоянно производит определённые операции с языком и систематически подбирает более короткие синонимы или перифразы.

Переводчик будет стараться упрощать синтаксические конструкции. Ему также нужно подробно проанализировать семантику исходного сообщения, чтобы как можно точнее передать смысл.

— *Свобода выражения.*

Традиционно будущих переводчиков учат отстраняться от исходного текста. Лично я советую отложить исходный текст после того,

once they have performed their draft translation. This technique allows them to make some modifications and produce a more authentic version, without any “accent”.

It’s often difficult for the learner translator to get some distance from the source text because he may be afraid to make mistakes and mainly because he doesn’t dare take liberties. The most frequent questions are: “Am I allowed to translate this way?”, “What can I actually translate?”, “What must I translate?”.

Doing adaptations allows them to work on their expression, which is essential when they learn traditional translation.

— *Improvement of self-confidence.*

By performing adaptations, the learner translator learns to dare. He realizes that he has the right to choose a sentence with different syntax and vocabulary and that he can use oblique translation and all its related operations. Thus, he becomes more assured and this will be essential when he works on other kinds of more classical translations.

Moreover, tangible progress encourages students to work even harder and the fact that their progress is perceptible in the short term is an essential point in the process of learning to translate.

The improvement of self-confidence is a very important factor in translation training. This is what allows students to progress and be creative. It’s what makes the difference between an average translation and a quality translation.

— *Creativity.*

The novice translator tries to find the right sentence, in other words, the right solution to a problem in translation. It seems illogical to him that several solutions may be acceptable just for one utterance, probably because he subconsciously believes that one word in the A language is equivalent to one word in the B language.

Teaching adaptation is an excellent way of showing that there are thousands ways of translating. Adaptation improves the creative aspect of translation. We are not in a system which searches for simple equivalences but in a truly complex system. It is therefore important to be more focused on the source message and to see to what extent it can be transcribed in the best and shortest way possible.

Generally, students dare to make suggestions which feed the debate in a very lively and interactive way. It is stimulating for them to show that they can find a shorter synonym or a sentence that is shorter and just as idiomatic. The teacher, for his part, must try hard not to classify the subtitles as being right or wrong and to aim for a more subtle approach.

как сделан черновик перевода. Это позволяет внести некоторые исправления и добиться того, чтобы текст перевода читался как оригинал, без “иностранный акцента”.

Часто студенты не могут отстраниться от исходного текста, в основном из-за опасений, что сделают много ошибок, и перевод получится слишком вольным. Они нередко задают такие вопросы: “А разве можно так перевести?”, “Что я могу перевести?”, “Что я должен перевести?”.

Субтитрование позволяет работать над планом выражения, что необходимо при обучении переводу.

— *Уверенность в своих силах.*

Делая субтитры, будущие переводчики учатся более смелому подходу к тексту. Они понимают, что вправе подобрать предложение с другой синтаксической структурой и выразить смысл другими словами и что не нужно переводить пословно. Таким образом, студенты приобретают уверенность в себе, которая будет им необходима и в других видах перевода.

К тому же собственные успехи поощряют студентов к более усердной работе. Прогресс становится заметным за довольно короткое время, и это играет существенную роль в процессе обучения.

Уверенность в себе является очень важным фактором в обучении переводу, позволяет студентам профессионально развиваться и творчески подходить к своей работе и делать действительно качественные переводы.

— *Творческий подход.*

Переводчик-новичок старается подобрать правильное предложение, другими словами, правильное решение задачи, поставленной в переводе. Ему представляется нелогичным, что для одного предложения можно подобрать несколько вариантов перевода, может быть, потому что, по его мнению, одному слову в языке оригинала должно соответствовать одно слово в языке перевода.

Обучение субтитрованию предоставляет прекрасную возможность показать, что вариантов перевода может быть множество. Переводчики работают не с такими системами, в которых можно найти простые соответствия, а с очень сложными системами. Поэтому очень важно сконцентрировать внимание на исходном сообщении и понять, как его можно представить в переводе наиболее понятно и кратко.

Обычно студенты предлагают разные варианты и обсуждают их в рамках живой и интерактивной дискуссии. Они доказывают, что могут подобрать более короткое слово или предложение, которое так же хорошо передает смысл, и это побуждает их к дальнейшей работе. Преподаватель, со своей стороны, не должен однозначно характеризовать субтитры студентов как правильные или неправильные,

He must also insist on the multitude of solutions which are acceptable and on the inherent subjectivity of the process.

Each student can defend his own point of view, put forward his own arguments. What is extremely interesting is to compare the different choices made by the students and allow each one to argue, for example, about the anachronisms that they have avoided or the level of language that they have retained.

In a general sense, we know that familiar words are less acceptable in a written language than in an oral one. However, there are big differences from one adaptor to another. Some don't dare to use vulgar words whereas others will do it completely freely. This shows that a variety of subtitles can be acceptable depending on the context.

Provided solid arguments are put forward, there can be many acceptable subtitles as long as they can be justified. The creative process therefore seems accessible to anyone and allows translators to develop a feeling of satisfaction and success.

— *Respect of the audience.*

Respect for the audience is a fundamental criterion of universal translation and all the more so, of adaptation.

A very effective exercise in adaptation consists in subtitling all the dialogues, literally. The student very soon realizes that viewing a movie or documentary is not possible under these circumstances and realizes the importance of respect for the audience. Another extreme case: it is not possible to subtitle a cartoon for a very young audience who cannot read. Another cartoon for a young audience who can read will be adapted but with particular emphasis on very short and clear subtitles.

Another example: when subtitling for the deaf, the adaptor must summarize the translation even more because he must transcribe all the hearing elements of the film.

Generally speaking, the adaptor must always keep the target audience in mind and imagine an "average viewer" for whom he writes in order to ensure that the appropriate lexicon and level of language are used. If he works on a documentary aimed at specialists with a specific lexicon, the adaptor will have to adapt and check the specialisation of his lexicon, even if it may be puzzling for novices.

What is interesting here is to note that adaptation makes one really reflect on the importance of considering the audience at all times and all the difficulties that come from it.

а подходить к оценке более тонко. Он также должен настаивать на существовании нескольких возможных вариантов перевода и на субъективном характере процесса перевода.

Каждый студент должен иметь возможность представить свою точку зрения, выдвинуть свои аргументы. Очень интересно сравнивать различные варианты перевода, предложенные студентами, и их мнения по различным сложностям, возникающим в процессе работы, например по поводу необходимости избегать использования анахронизмов и придерживаться стиля оригинала.

В письменной речи, в отличие от устной, не принято употреблять разговорные слова и выражения. Однако каждый переводчик, работающий с субтитрами, придерживается собственной точки зрения. Некоторые стараются избегать просторечия, другие же, напротив, свободно к нему обращаются. Это доказывает, что возможно несколько вариантов переводов в зависимости от контекста.

Существование нескольких вариантов перевода возможно при условии, что обоснованность решений аргументирована и доказана. Таким образом, творческий подход позволяет переводчикам добиться успехов в своей работе.

— *Уважение к аудитории.*

Уважение к аудитории является фундаментальным фактором оценки качества любого перевода и особенно субтитров.

Полезным упражнением будет дословный перевод всех диалогов. Очень скоро студенты поймут, что с такими субтитрами смотреть художественный или документальный фильм невозможно и что необходимо принимать во внимание аудиторию. Например, также невозможно делать субтитры к мультфильму для очень маленьких детей, которые еще не умеют читать. Можно делать субтитры к мультфильмам, которые будут смотреть дети постарше, уже умеющие читать, однако особое внимание следует уделить тому, чтобы субтитры были очень короткими и понятными. А при создании субтитров для людей с ослабленным слухом переводчик должен обобщить и включить в субтитры элементы звуковой дорожки фильма.

В целом переводчик субтитров всегда должен ориентироваться на целевую аудиторию и представлять себе “среднестатистического зрителя”, что поможет ему при выборе слов и стиля. Если он работает над документальным фильмом для специалистов в определенной области, он должен убедиться, что использованные термины соответствуют этой специализации. Для переводчиков-новичков это обычно довольно сложно.

Интересно отметить, что подготовка субтитров действительно заставляет задуматься о том, как важно принимать во внимание аудиторию в процессе перевода и какие сложности из этого проистекают.

We have performed various tests on third-year bachelor-level students, making them fill in a questionnaire about their feelings when viewing Michael Moore's film, *Bowling for Columbine*. One third of the students thought the pace of subtitling was too fast and the subtitles too long. A second third found the subtitles satisfactory and the rest thought they were too short and unfaithful. The fact that it was an experiment performed on 3rd year students, a relatively homogenous audience compared to a larger sample of the general public from different age groups, illustrates the difficulty of obtaining ideal subtitles. Again, here's an essential point: the adaptor must aim for a subtitle which may satisfy the targeted audience, while remaining conscious that there is no such things as perfect subtitles, or indeed any kind of translation, for everyone.

— *Critical, cultured and analytical mind.*

Like any student, a translation student needs to improve his ability to study, analyse and understand the nuances of a situation. One of the main purposes of a teacher is to make sure their students learn facts but mainly that they learn how to use them.

Adaptation is a process which exercises this aspect because the adaptor must constantly consider questions such as: what is the ultimate meaning of the movie? What should I translate? The ability to correctly identify the diegesis of a movies or documentary is a difficult skill that must be learned.

— *Awareness of the complexity of the translation process.*

A movie's code is much more than the simple combination of images and sounds. Students are then encouraged to work on the non-verbal, the unsaid, in brief, everything which can be guessed, seen, or heard on screen.

This year, we have led a first experiment by organizing a seminar with other teachers of the «Image and Society» Master, who are sociologists and cinephiles. This seminar dealt with learning how to analyse the images of a film or documentary, its codes and its adaptation.

In summary, it aims at developing all the liminar reflection which is necessary and which makes all the difference between a correct subtitle and a good one. More generally, it allows students from different backgrounds to meet, to exchange ideas as specialists in different fields (sociologists and linguists) and thus to improve their general knowledge.

We can draw a very interesting parallel between the non-visual signs of a film to be adapted and all the extra-linguistic elements of a text to be translated.

Нами были проведены различные опросы с участием студентов третьего курса, обучающихся по программе подготовки бакалавров, в частности они отвечали на вопросы анкеты о своих ощущениях при просмотре фильма Майкла Мура “Боулинг для Колумбины”. Треть студентов посчитали, что субтитры сменялись слишком быстро и были слишком длинными. Треть студентов остались довольны субтитрами, остальные решили, что субтитры слишком короткие и неточные. Этот эксперимент, проведенный с участием студентов третьего года обучения, довольно однородной группы по сравнению с группами, включающими представителей разных слоев населения разных возрастов, доказывает, что идеальных субтитров не бывает. И здесь опять необходимо подчеркнуть, что, занимаясь субтитрами, переводчик всегда должен иметь в виду зрителя, для которого он работает, и в то же время понимать, что не может быть единственно верного варианта субтитров, как, в общем, и любого другого вида перевода.

— *Критический подход, широкий кругозор и аналитический склад ума.*

Студенты переводческих специальностей, как и любые другие студенты, должны развивать свои способности учиться, анализировать и понимать ситуацию. Преподаватели должны стремиться не столько к тому, чтобы студенты заучивали факты, сколько к тому, чтобы студенты умели их использовать.

Работая с субтитрами, переводчик должен искать ответ на следующие вопросы: какова основная идея фильма? что необходимо перевести? Способность правильно понять логику художественного или документального фильма является важным умением, над развитием которого нужно работать.

— *Понимание сложности переводческого процесса.*

Язык фильма представляет собой гораздо больше, чем простую комбинацию образов и звуков. Таким образом, студенты сталкиваются с невербальными средствами выражения, с тем, что видят и слышат зрители, с тем, что не говорится, а подразумевается.

В этом году нами был организован первый экспериментальный семинар совместно с преподавателями магистерской программы “Образ и общество”. Они являются социологами по специальности и любителями кино. Целью этого семинара было изучение способов анализа образного языка художественных и документальных фильмов и их перевод и субтитрование. Другими словами, целью этого семинара является развитие аналитического подхода, применение которого позволяет понять разницу между правильным и хорошим субтитром. Кроме того, в этом семинаре собираются студенты разных специальностей (социологи и лингвисты), что позволяет им обмениваться опытом и расширить кругозор.

Можно провести параллель между сложностями, которые возникают при передаче невизуальных знаков с помощью субтитров и при переводе экстралингвистических элементов текста. На занятиях

In a translation class, we try as much as possible to make students aware of the importance of extra-linguistic elements in translation. Adaptation is an efficient way to make them realize the complexity of translation.

Conclusion

Adaptation is a godsend for learning how to translate. There should be adaptation classes in all translation courses, even for beginners. This represents a real time-saver in the learning of translation methodology and mainly an excellent way to make students realize some fundamental criteria of translation.

We should consider adaptation as a very peculiar activity of translation with real, unique propaedeutic values. Just as the recorder is recommended for the learning of musical instruments, adaptation should be recommended for the learning of translation.

The idea is not to replace translation classes with adaptation ones, that would be extreme. Adaptation has its own limits inasmuch as it deals mainly with oral utterances, and more precisely with audiovisual messages that are translated into visual messages.

At last, adaptation makes it easy to learn other skills such as the development of a critical mindset, and the ability to express and argue ideas. In other words, everything that we try to instil in our students to give them full and above all well-rounded minds.

References

Baldo S. Apprendre à analyser la traduction pour apprendre à traduire. P. 7—17. Les Langues Modernes. Dossier: la traduction, Condé sur Noireau. Nathan, 2002.

Ballard M. La traduction à l'université. P.U. Lille, 1993.

Qu'est-ce que la traductologie? Collection 'Traductologie' / Ed. M. Ballard. Artois Presses Université, 2006.

Durieux C. Apprendre à traduire: pré-requis et tests. P., La Maison du Dictionnaire, 1995.

Les transferts linguistiques dans les médias audiovisuels / Ed. Y. Gambier. Presses Universitaires du Septentrion, Villeneuve d'Ascq, 1996.

Mounin G. Les belles infidèles. P., 1955.

Perrin I. L'anglais: comment traduire?, P., 2000.

Tomaszkiewicz T. Les opérations linguistiques qui sous-tendent le processus de sous-titrage des films. Poznan, 1993.

по переводу мы стараемся показать студентам, как важны в переводе экстралингвистические элементы. Субтитрование помогает им понять сложность процесса перевода.

Заключение

Субтитрование — находка для тех, кто учится переводить. Работу с субтитрами нужно обязательно включать в курс перевода, начиная с самых ранних этапов. Это действительно позволит сэкономить время при изучении методологии перевода и поможет студентам лучше понять фундаментальные критерии оценки качества перевода.

Субтитрование необходимо рассматривать как особый вид переводческой деятельности, имеющий значительную пропедевтическую ценность. Субтитрование при обучении переводу необходимо так же, как и магнитофон при обучении игре на музыкальных инструментах.

Это не означает, что все занятия по переводу должны быть полностью посвящены субтитрам. В субтитровании существует ряд ограничений, поскольку оно имеет дело в основном с устными высказываниями, а точнее, с аудиовизуальными сообщениями, которые преобразуются в визуальные сообщения.

Наконец, субтитрование позволяет развивать другие умения, например способность оценивать ситуацию и выражать и обосновывать свои мысли, т.е. всё то, что мы стараемся привить нашим студентам, чтобы они стали всесторонне образованными людьми.

Перевод Р.А. Матасова и О.С. Жарковой

Список литературы

Baldo S. Apprendre à analyser la traduction pour apprendre à traduire. P. 7—17. Les Langues Modernes. Dossier: la traduction, Condé sur Noireau. Nathan, 2002.

Ballard M. La traduction à l'université. P.U. Lille, 1993.

Qu'est-ce que la traductologie? Collection 'Traductologie' / Ed. M. Ballard. Artois Presses Université, 2006.

Durieux C. Apprendre à traduire: pré-requis et tests. P., La Maison du Dictionnaire, 1995.

Les transferts linguistiques dans les médias audiovisuels / Ed. Y. Gambier. Presses Universitaires du Septentrion, Villeneuve d'Ascq, 1996.

Mounin G. Les belles infidèles. P., 1955.

Perrin I. L'anglais: comment traduire? P., 2000.

Tomaszkiewicz T. Les opérations linguistiques qui sous-tendent le processus de sous-titrage des films. Poznan, 1993.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

С.А. Усова, В.Е. Горшкова

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЫ НАЛОГОВОГО ПРАВА РОССИИ И ФРАНЦИИ

В статье проводится сопоставление терминов, отражающих родовое понятие “налог”, в налоговых кодексах России и Франции; предлагается схема их возможных контекстуальных эквивалентов при переводе. Сопоставительное исследование предваряется краткой исторической справкой возникновения налогов и эволюции налогообложения в обеих странах.

In the article term words reflecting the generic term “tax” in the Russian and French tax codes are compared; the scheme of their possible contextual translation equivalents is given. The comparative analysis follows the brief historical review of taxes origin and taxation evolution in the two countries.

Ключевые слова/Key words: *налог, налоговый кодекс, юридический термин, контекстуальный эквивалент, метод параллельного сравнения.*

Переводоведение — самостоятельная научная дисциплина со своим объектом, предметом, методами исследования. Одним из ведущих методов в переводоведении является так называемый “метод перевода”, который заключается в сопоставлении текста оригинала, созданного на одном языке, с текстом его перевода на другом языке.

Наряду с этим несомненный теоретический и практический интерес представляет метод сравнения, который понимается двояко. С одной стороны, он предполагает сравнение текстов на исходном (ИЯ) и переводящем языке (ПЯ), объединенных по тематическому признаку, но различающихся по своей жанровой принадлежности. Цель такой процедуры состоит в поиске эквивалентных лексических единиц ИЯ в текстах, созданных на ПЯ [Тюленев, 2004: 143].

С другой стороны, в качестве объекта исследования могут выступать оригинальные тексты сопоставляемых языков, а основой сравнения — *tertium comparationis* — аналогия коммуникативных актов. Применение данного “метода параллельного сравнения” в терминах Н.К. Гарбовского позволяет выявить сходства и расхождения в построении сообщений на сравниваемых языках [Гарбовский, 1989: 98—99]. Именно такой трактовки метода сравнения мы будем придерживаться в нашей работе.

Предметом нашего исследования являются аутентичные тексты Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) [Налоговый

кодекс..., 2005] и Налогового кодекса Французской Республики (НК ФР) [Code général..., 2000]. Сходство коммуникативных актов, в ходе которых создаются тексты НК РФ и НК ФР, определяется по следующим параметрам: по аналогии intersubъектных отношений между участниками коммуникации, прагматическим целям, референту, каналу связи, контекстной обусловленности при различии кода, посредством которого реализуется сообщение, и самого сообщения [Гарбовский, 1989: 133].

Аналогия intersubъектных отношений предполагает совпадение признаков в корреляциях:

- свой — чужой; официальность — неофициальность;
- отправитель речи: поименованное лицо — анонимное лицо;
- получатель речи: определенное лицо — неопределенное лицо; единичное лицо — множественное (группа лиц).

Налоговый кодекс — это прежде всего официальный документ, нормативный правовой акт, который содержит нормы налогового права. Адресант в данном документе обобщенно безличен и указывается не эксплицитно, а имплицитно: это — государство, общество. В качестве получателя речи выступают все представители данного государства, как специалисты в области налогового права, так и отдельные граждане.

Аналогия прагматических целей обеспечивается совпадением в оппозиции: “распредмечивание” деятельности — регуляция деятельности. Так, налоговый кодекс направлен, с одной стороны, на овладение адресатом вопросами налогообложения, с другой — служит регуляции данного вида деятельности, выступая как нормативный акт.

Аналогия референтов коммуникативных актов характеризуется совпадением следующих категорий:

- агентов действий (налогоплательщики — налоговые органы государства);
- процессов (исчисление и уплата налога, возмещение налога и т.д.);
- вещей, с которыми осуществляются процессы (налог, сбор, пошлина и др.).

Каналы связи признаются аналогичными, если наблюдаются совпадения в оппозициях: письменная — устная, дистантная — контактная, непосредственная — опосредованная (через перевод) коммуникация. Налоговый кодекс создается в письменной форме на государственных языках России и Франции соответственно.

Аналогия контекстной обусловленности проявляется в сопоставимости положения изучаемых коммуникативных актов в совокупности речевых актов данных языковых общностей. НК РФ и НК ФР занимают приблизительно одинаковое место в системе источников налогового права, располагаясь по значимости непосредственно после

Конституции, международных договоров и в случае НК РФ — обще-европейских договоров по вопросам налогообложения.

Таким образом, установление аналогии коммуникативных актов по агентам действий и процессам позволяет провести сопоставление текстов НК РФ и НК ФР. Целью данного исследования является установление сходств и расхождений в выражении категории вещей на примере основных терминов, выражающих понятие *налога*.

Термин — специальное слово или словосочетание, принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. Термин — словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Для своего правильного понимания термин требует специальной дефиниции (точного научного определения) [Суперанская, 2004: 14].

Юридическая терминология (совокупность юридических терминов), специфичная в любом языке, представляет собой ту основу, на которой формируется юридический язык. В ней аккумулируется информация предметной области права. Юридические термины характеризуются следующими чертами: общераспространенностью, системностью, внутренней целостностью, взаимосвязью, стабильностью. Юридические термины образуют сложную систему и находятся между собой в разнообразных связях. Например, связи согласования и субординации: во французском языке — родовой термин *impôt* и видовые — *taxe, contribution, redevance* и др. Взаимозависимость терминов состоит также в том, что из одного термина, представляющего гнездовое слово, образуются устойчивые словосочетания, отражающие близкие понятия (в русском языке — *налог* и *налогообложение, облагать налогом*, во французском языке — *impôt, imposition, imposer*) [Лыкова, 2005: 10].

Классификация юридических терминов основана на критерии их принадлежности только юридическому языку или другому (общему или специальному) языку. В рамках данной классификации термины подразделяются на термины исключительно юридической принадлежности и термины двойной принадлежности [Cognu, 1990: 62—68].

Анализ показывает, что терминология налогового права кроме терминов юридической принадлежности включает термины двойной принадлежности как из общего языка, так и из других специальных языков, например экономического, поскольку налоговое право регулирует общественные отношения в области налогообложения, которое выступает в качестве средства финансового обеспечения деятельности государства.

Перевод юридических терминов (как и терминов вообще) представляет определенную трудность для переводчика. Принято считать, что термин переводится термином. Но для этого необходимо, чтобы в переводящем языке (ПЯ) существовал термин-эквивалент.

При этом термин-эквивалент на ПЯ должен полностью соответствовать термину исходного языка (ИЯ) в отношении его предметного содержания и употребления в том же значении в данной области знания. Соответственно термин ИЯ подлежит замене термином ПЯ в его общепринятой, официальной, утвердившейся в соответствующей терминологии форме. Например *taxe à (sur) la valeur ajoutée* — налог на добавленную стоимость (НДС).

При отсутствии термина в ПЯ используются следующие способы перевода: заимствование (обычно из ИЯ, транскрипция), “сочинение” в терминах С. Влахова и С. Флорина (калька, неологизм, составной термин и др.), присваивание статуса термина общезыковой единице [Влахов, 1986: 347—349].

Кроме того, можно подобрать эквивалент, опираясь на историю развития данной предметной области. Так, в НК ФР можно обнаружить термин *droit de timbre*, который по содержанию и форме соответствует русскому термину *гербовый сбор*. Термин был введен в России при Петре I, а свое название получил в XIX в. и просуществовал до 1991 г. В настоящее время в НК РФ данный термин не используется, однако он остается понятным адресату и верно передает содержание термина ИЯ [Захаров, 2006: 77].

Соответственно для того чтобы правильно понять содержание современных терминов, именующих разные виды налогов, и найти их эквиваленты в ПЯ, представляется целесообразным проследить эволюцию развития понятия *налог* на протяжении истории человечества.

Возникновение налогов относят ко времени становления первых государственных образований, когда появляется товарное производство и формируется государственный аппарат — высшие чиновники и поддерживающие власть военные и суды, для содержания которых необходимы значительные средства. Первые налоги представляют собой военную контрибуцию и взимаются с покоренных племен и народов.

Постепенно налоги распространяются на все население, но собираются только по мере необходимости, например, в случае войны, в натуральной (продовольствием, строительными материалами, рабочей силой) или денежной форме. В первом случае речь идет о податях, во втором — о пошлинах [Парыгина, 2005: 43—45].

По мере увеличения государственных расходов взимание налогов приобретает все более регулярный характер. Налоги начинают составлять основной источник доходов государства. Вопросы налогообложения находят свое отражение в “писанных” источниках права, древнейшими из которых считаются Законы древневавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н.э.), индийский Свод законов Ману (II в. до н.э.) и древнеримские Законы XII таблиц (V в. до н.э.) [Гуреев, 1997: 7—11].

Для Средних веков характерны слабо проработанные и крайне запутанные налоговые системы. Наряду со старыми, иногда архаичными видами налогов вводятся все новые обязательные платежи. В средневековой Франции система налогообложения носит более развитый и более дифференцированный характер. И во Франции, и на Руси главную роль играют налоги и повинности, связанные с сельским хозяйством, торговлей, транспортными перевозками. Однако в русской правовой действительности того времени отсутствует целый ряд налогов (на имущество, привилегии, защиту) и сборов (за недропользование, за пользование портовыми сооружениями и др.). В то же время на Руси обязательной является дань Золотой Орде (“выход”) [Лыкова, 2005: 251].

В налогообложении входят разного рода повинности, оброки (ежегодный сбор денег и продуктов с крепостных крестьян), подати (денежные налоги), пошлыны (косвенные налоги), барщина (даровой принудительный труд крестьян на феодала). Во французском языке данного периода насчитывается около сорока терминов со значением “общее наименование налогов, повинностей”. Например, *assis* (1277 г.) — “подать”; *assise* (XII в.) — одно из значений “налог, такса”; *devoir* (XII в.) — одно из значений “налог, подать”; *imposition* (XIII в.) — “налог”; *levée* (1204 г.) — “налог”; *taille* (1160 г.) — одно из значений “подать, налог на крепостных” [там же: 233].

В русском языке группа терминов, обозначающих налоги и сборы вообще, также довольно многочисленна. Это прежде всего *выход* — контрибуция; *дань* — контрибуция, подать; *дары, поклоны* — пошлыны, сборы; *оброк* — подать, налог в пользу феодала; *окуп* — контрибуция; *пошлина* — платежи в пользу государственной власти и др. [Захаров, 2006: 8–25].

Налоговые системы обеих стран постоянно развиваются и совершенствуются. Однако Россия еще отстает от остальных европейских государств, что во многом объясняется сохранением крепостного права. Основную часть государственных доходов дает прямой налог (подушная подать), в то время как во Франции на первый план выходят косвенные налоги.

Французские налоговые платежи отражены следующим перечнем: *aides* — подати; *traites* — пошлыны; *gabelle du sel* — соляной сбор; *taille* — подать; *capitation* — подушная подать. Для общего обозначения налога во Франции после Революции 1789 г. вводится термин *contribution* (от лат. *contribuere* “вносить свой вклад”), тем самым подчеркивается, что налоги — это вклад каждого гражданина в процветание Республики [Рекош, 2005: 180–183].

В российском законодательстве и научном обиходе к середине XIX в. наряду с существующими терминами *пошлина, повинность* утверждаются новые — *налог* и *акциз*. Термин *налог* впервые употребляется в работе историка А.Я. Поленова “О крепостном состоянии

крестьян в России” в качестве синонима термина “подать”, который он впоследствии и заменит. Термин *акциз*, заимствованный из французского языка, обозначает вид косвенного налога на товары массового потребления (табак, водку, сахар и др.) [Парыгина, 2005: 44].

Реформы в области налогообложения и, главное, отмена крепостного права в 1861 г. привели к тому, что в начале XX в. российское налоговое законодательство и практика сбора податей все более приходят в соответствие с европейскими нормами. Завершить данный процесс помешала Февральская революция 1917 г. Происходит постепенная ликвидация налогов и переход к административным методам изъятия прибыли предприятий и перераспределения финансовых ресурсов через бюджет. Возрождение налоговой системы России приходится на 90-е годы XX в. и знаменуется вступлением в силу первой части НК РФ [Захаров, 2006: 290—291].

Наиболее яркими моментами в эволюции налоговой системы Франции стало введение подоходного налога (1914 г.) и налога на добавленную стоимость (НДС) (1954 г.), который впоследствии получил распространение и в других странах, в том числе и в России (1991 г.). На рубеже XX—XXI вв. происходит постепенная гармонизация налогов, например НДС, формируется налоговая система Европейского сообщества [Рекош, 2005: 183].

Каковы же характерные отличия налоговых систем Франции и России?

Среди главных черт французской налоговой системы, которые отличают ее от российской, следует выделить такие, как социальная направленность (высокая доля взносов в фонды социального назначения), гибкость системы в сочетании с упорядоченностью, широкая система льгот и скидок и др. Проведенное исследование показывает, что в целом система налогов и сборов во Франции более дифференцирована, чем в России, что с необходимостью находит свое отражение в терминологии.

Проиллюстрируем сказанное конкретными примерами.

В НК РФ система налоговых платежей представлена такими терминами, как *налог*, *сбор*, *пошлина* и *акциз*.

НАЛОГ — обязательный, индивидуально безвозмездный платёж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований (п. 1 ст. 8 НК РФ).

Все налоги подразделяются на прямые и косвенные; основным критерием такого деления является установление окончательного плательщика налога. Так, прямые налоги взимаются непосредственно с доходов или имущества налогоплательщика (например, налог на доходы физических лиц), а косвенные перекладываются на потре-

бителя товаров и услуг путем надбавки к цене или тарифу (НДС, акцизы) [Толкушкин, 2001: 144, 385].

СБОР — обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определённых прав или выдачу разрешений (лицензий) (п. 2 ст. 8 НК РФ).

В настоящее время в НК РФ терминологически представлено только два вида сборов. Это *сбор за пользование объектами животного мира и сбор за пользование объектами водных биологических ресурсов*, а также разновидность сбора — *государственная пошлина*. В то же время наблюдается смешение и совмещение понятий налога и сбора. Так, водный *налог*, по сути, представляет собой сбор, плату, взимаемую с организаций и физических лиц за право использования водных объектов. Очевидно, именно поэтому в качестве родового используется терминологическое обозначение *налоги и сборы*. С другой стороны, в качестве видового терминологического обозначения предпочтение отдается термину *налог*.

Система налогов и сборов состоит из трех уровней:

- федеральные налоги и сборы;
- региональные налоги и сборы;
- местные налоги и сборы.

Основное отличие данных видов налогов и сборов обусловлено территорией, на которой они вводятся и взимаются [Парыгина, 2005: 120].

Пошлина — денежный сбор, взимаемый с организаций и физических лиц за совершение специально уполномоченными органами действия и выдачу документов, имеющих юридическое значение [Гурев, 1997: 75].

Акцизы — косвенные налоги, включаемые в цену товаров (работ, услуг). В НК РФ предусмотрены акцизы на отдельные виды товаров (алкогольная, табачная продукция) и сырья [Толкушкин, 2001: 13].

Во французском налоговом праве *impôt* определяется так же, как в российском, и представляет собой родовой термин, именующий всю совокупность налогов и сборов.

Impôt, m — налог (от лат. *imponere* — возлагать, налагать). *Impôt* — une prestation pécuniaire, requise des particuliers par voie d'autorité, à titre définitif et sans contrepartie, en vue de la couverture des charges publiques. Данный термин употребляется, как правило, при обозначении общих понятий налоговой системы, налоговых платежей в целом: *impôt direct/indirect, impôt d'Etat, Code général des impôts*. Что же касается наименования собственно налогов, то в НК РФ мы находим только пять терминологических обозначений, включающих компонент *impôt*:

например, *impôt de solidarité sur la fortune* — налог на крупные состояния; *impôt sur le revenu* — подоходный налог.

Contribution, f — налог, взнос; синоним *impôt*. Данный термин был введен во Франции после революции 1789 г., когда получает распространение идея о всеобщей солидарности, а налоги определяются как обязательный взнос, уплачиваемый всеми членами общества сообразно их возможностям. Так, в Декларации прав человека и гражданина читаем: “*contribution commune est indispensable; elle doit être répartie entre les citoyens en raison de leurs facultés*” [Encyclopaedia..., 1996: 1001].

В настоящее время *contribution* и *impôt* употребляются в качестве синонимов, например *impôt/contribution indirect (e)*. Выбор термина при наименовании конкретного налога зависит от того, какой смысл вкладывает в него законодатель. Так, использование термина *contribution* подчеркивает идею того, что все граждане вносят свой вклад в процветание государства. Кроме этого многие налоги данного типа представляют собой взносы, собираемые на нужды социального страхования. Например, *contribution sociale de solidarité* — социальные взносы солидарности (уплачиваются предприятиями) [Guillien, 1995: 160].

Социальная направленность французской налоговой системы подтверждается тем фактом, что на 5 терминологических с центральным компонентом *impôt*, приходится 17 терминологических с центральным компонентом *contribution*.

Taxe, f — пошлина, сбор, налог, акциз (от лат. *taxare* — оценивать, определять стоимость). *Taxes* — qualification donnée aux perceptions opérées par une collectivité publique à l’occasion de la fourniture à l’administré d’une contrepartie individualisable, à la différence de l’impôt qui couvre globalement l’ensemble des charges occasionnées par le fonctionnement des services publics [Guillien, 1995: 533].

Из данного определения следует, что первоначально термином *taxe* обозначался сбор, плата за какие-либо услуги, оказываемые государственными органами, органами местного самоуправления и др. Например, *taxe d’enlèvement des ordures ménagères* — сбор за вывоз бытовых отходов. Однако, как показывает практика, термин *taxe* становится синонимом термина *impôt* [Muzellec, 1997: 417]. Так, ряд прямых и косвенных налогов именуется при помощи термина *taxe*: *taxe d’habitation* — налог на жильё/жилищный налог, *taxe professionnelle* — профессиональный налог, *taxe foncière* — земельный налог, НДС — *taxe à (sur) la valeur ajoutée (TVA)*, *taxe sur les tabacs fabriqués* — табачный акциз и др.

Redevance, f — сбор, налог (от лат. *debere* — быть должным, задолжать; быть обязанным). Представляет собой плату за какие-либо услуги, оказываемые государственными органами, органами местного самоуправления и др. Однако в отличие от *taxe* данные услуги

оказываются по запросу плательщика сбора, а величина сбора пропорциональна стоимости услуги [Рекош, 2005: 15].

Droits, m, pl — сборы, пошлины, налоги (от лат. *directus* — прямой). Используется для наименования ряда первых косвенных налогов и сборов, например, *droits d'enregistrement* — регистрационный сбор; *droits de timbre* — гербовый сбор [Guillien, 1995: 216].

Следует упомянуть еще об одном виде налога, название которого может вызвать трудности при переводе. Речь идет о *vignette automobile*, или *vignette-auto*, автомобильном налоге, который официально по-французски именуется *taxe différentielle sur les véhicules à moteur*. Разговорное *vignette automobile* происходит от название специальной наклейки *vignette*, которая прикрепляется к ветровому стеклу автомобиля после уплаты налога [Ibid: 562]. Выражение стало настолько популярным, что встречается в НК ФР (в алфавитном указателе).

К налоговым платежам в НК ФР относятся также термины, обозначающие разного рода платежи, взносы в фонды социального страхования, а также надбавки к собственно налогам и сборам.

Prélèvement, m — отчисление, налог (от лат. *praelevare* — взимать раньше). Представляет своего рода отчисления с доходов получаемых организациями и физическими лицами. Так, например, *prélèvement sur les plus-values* — налог на прирост капитала, взимается с доходов, полученных от различных видов использования имущества: продажи, обмена, дарения и др. [Толкушкин, 2001: 226].

Cotisation, f — взнос, отчисление (от лат. *quote* — сколько). Как правило, это отчисления, уплачиваемые работодателями в фонды страхового обеспечения.

Versement, m — взнос, платеж (от лат. *versari* — поворачивать, переводить, превращать).

Исходя из вышеизложенного можно предложить следующую схему контекстуальных эквивалентов русских и французских терминов в предметной области налогового права:

Наряду с высокочастотными терминами (схема) НК ФР содержит ряд терминов, частотность которых относительно невелика:

Participation, f — взнос, отчисление. Например, отчисления предприятий и организаций в целях финансирования повышения квалифи-

кации работников (*participation des employeurs au développement de la formation professionnelle continue*).

Imposition, f — налог, надбавка к ряду налогов, например, налогу на прибыль предприятий (*impôt sur les sociétés*).

Précompte, f — вычет, удержание. Взимается с организаций и предприятий вместо какого-либо налога, например, налога на прибыль предприятий (*impôt sur les sociétés*).

Как видим, налоговая система Франции действительно более дифференцирована, чем налоговая система России, что находит свое отражение в налоговой терминологии, представленной гораздо большим количеством терминов, обозначающих как налоги и сборы в целом, так и различные их виды. Данная ситуация затрудняет их перевод, требуя расширения когнитивного багажа переводчиков, неукоснительного учета контекстуальной обусловленности использования анализируемой группы терминов.

Учитывая тот факт, что налоговая система России находится в стадии становления и упорядочения в соответствии с нормами права, в том числе международного, применение метода параллельного сравнения позволяет выявить сходства и расхождения в терминологическом аппарате НК РФ и НК ФР, облегчая тем самым последующую работу переводчика-практика.

Список литературы

- Влахов С. Непереводимое в переводе. М., 1986. 416 с.
- Гарбовский Н.К. Профессиональная речь. Сопоставительно-стилистический аспект (на материале французских и русских военных текстов): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 442 с.
- Гуреев В.И. Российское налоговое право. М., 1997. 383 с.
- Захаров В.И. История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006. 296 с.
- Лыкова Н.Н. Генезис языка права (на материале французских и русских документов X—XV веков). Тюмень, 2005. 308 с.
- Налоговый кодекс Российской Федерации (части первая и вторая): по состоянию на 1 декабря 2005 г. (включая изм., вступ. в силу с 1 января 2006 г.). Новосибирск, 2005. 681 с.
- Парыгина В.А. Налоговое право России в схемах и таблицах с комментариями. М., 2005. 240 с.
- Рекош К.Х. LA FISCALITE FRANÇAISE ET L'EUROPE. Налогообложение во Франции и Европа. Налоговое право Франции. М., 2005. 268 с.
- Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории. М., 2004. 248 с.
- Толкушкин А.В. Налоги и налогообложение: Энциклопедический словарь. М., 2001. 512 с.
- Тюленев С.В. Теория перевода. М., 2004. 336 с.
- Code général des impôts. Livre des procédures fiscales. P., 2000. 1546 p.
- Cornu G. Linguistique juridique. P., 1990. 445 p.
- Encyclopaedia universalis, corpus 11. P., 1996. 4056 p.
- Guillien R. Termes juridiques. P., 1995. 583 p.
- Muzellec R. Finances publiques. P., 1997. 436 p.

ПРЕПОДАВАНИЕ ПЕРЕВОДА ЗА РУБЕЖОМ

Р. Кавеноки

ШКОЛА ПЕРЕВОДА В МОНТЕРЕЕ (Калифорния, США)

Высшая школа устного и письменного перевода Монтерейского института международных исследований, расположенная в городе Монтерей, штат Калифорния, США (The Graduate School of Translation & Interpretation; Monterey Institute of International Studies), была создана в 1970 г. и с тех пор входит в пятерку лучших вузов мира, выпускающих устных и письменных переводчиков высшего уровня. Это единственная школа в США, предлагающая степень магистра по переводу. Выпускники школы работают в ООН, Европарламенте, Всемирном банке и других международных организациях, в международных корпорациях, таких как “Google”, “CISCO Systems”, “Hewlett-Packard”, “TNK-BP”, “Oracle”, “Sun Microsystems” и т.д., правительственных учреждениях и научно-исследовательских институтах разных стран, переводят на крупнейших конференциях по всему миру. Они же осуществляют переводческую поддержку российско-американских космических проектов, голоса наших выпускников хорошо известны космонавтам и астронавтам, работающим на Международной космической станции.

Более 60% студентов Монтерейской школы перевода — иностранцы; здесь они приобретают профессиональные навыки, изучают принципы межкультурной коммуникации, знакомятся с переводческим рынком. Особое внимание уделяется в процессе обучения этическим нормам профессии. Наличие студентов с различными родными языками, безусловно, обогащает как культурный обмен, так и процесс обучения, делает самостоятельные занятия в лабораториях синхронного перевода более продуктивными. В течение учебного года на всех кафедрах школы одновременно обучаются около 200 студентов.

Со студентами работает штат активных и опытных устных и письменных переводчиков, которые выступают не только в качестве преподавателей, но и консультируют студентов относительно будущей работы. Преподаватели всех кафедр, или программ, как мы их называем, находятся в постоянном контакте с такими потенциаль-

ными работодателями, как ООН, НАСА, Европарламент, Госдепартамент США и т.д. В школе постоянно проходят представительные международные конференции, на которых происходит продуктивный обмен опытом, новыми веяниями в профессии, обсуждаются наиболее продуктивные методы преподавания перевода. Все конференции предполагают активное участие в них студентов первого и второго курсов. Занятия проходят в атмосфере близкой к реальным условиям с использованием профессионального оборудования. Предлагается широкий выбор предметов и языковых комбинаций.

Высшая школа перевода Монтерейского института предлагает программы по всем шести официальным языкам ООН (английский, русский, французский, испанский, китайский, арабский (с 2008/09 учебного года), а также немецкому, японскому и корейскому языкам. Пилотным языком на всех отделениях школы является английский. При условии успешной сдачи вступительных экзаменов существует также возможность обучения конференц-переводу с использованием трех рабочих языков (родного и двух иностранных).

Обучение продолжается 2 года, а для переводчиков, желающих повысить квалификацию, существует возможность поступления прямо на второй курс и получения степени за один год. Обязательными условиями поступления являются наличие степени бакалавра и высокий уровень владения иностранным языком (английским для студентов-иностранцев).

В каждой языковой комбинации предлагаются следующие программы:

— Магистр письменного перевода — занятия по письменному переводу и переводу с листа (этому виду перевода уделяется в школе особое внимание) ведутся по тематическим аспектам. Так, например, во втором семестре упор делается на экономическую тематику, в третьем — на научно-технический перевод, в четвертом — на сложные гуманитарные темы: политология, философия, религия и т.д. Первый семестр посвящен вводным курсам. Преподавание ведется преподавателями на их родном языке, и перевод в каждой языковой комбинации ведется носителем языка. В течение всех семестров преподается курс по программному обеспечению, используемому в письменном переводе. Итогом работы является дипломная работа студента — перевод на родной язык текста объемом не менее 20 000 слов, который должен сопровождаться анализом проделанной работы, объемом не менее 2 000 слов и подробным глоссарием.

— Магистр конференц-перевода — тематический принцип повторяется, но уже с интенсивными занятиями по последовательному и синхронному переводу в обоих направлениях и даже в трех, если у студента два иностранных языка. Подробно изучается система

записи и другие технические приемы как последовательного, так и синхронного перевода, преподавание которого проводится в оснащенных современным оборудованием лабораториях. В конце второго года обучения студенты сдают профессиональные экзамены по всем видам перевода и во всех изучавшихся направлениях комиссии, в состав которой входят представители ООН, Госдепартамента США и т.д.

— Магистр устного и письменного перевода — студент посещает занятия по письменному и последовательному переводу, а также занятия по синхронному переводу на родной язык. В конце обучения сдаются профессиональные экзамены.

— Магистр письменного перевода и управления локализацией — новая степень, существующая всего 5 лет. Ее появление вызвано потребностями переводческого рынка. Студенты занимаются письменным переводом на родной язык, а также целым рядом дисциплин, которые призваны сделать из него специалиста по переводу веб-сайтов и других материалов в Интернете. Здесь особый упор делается на изучение конкретных компьютерных программ, а также принципов ведения бизнеса, маркетинга и т.п. Дипломной работой студента является перевод существующего веб-сайта на родной язык с культурной подгонкой объёмом не менее 15 000 слов и с комментариями, характер которых оговаривается с преподавателем.

Помимо всех перечисленных дисциплин студентам предлагается выбор факультативных предметов, в том числе и на других факультетах института.

Монтерейская школа перевода, таким образом, не только предлагает оправдавшую себя систему академического и профессионального образования, но постоянно находится в движении, отвечает на политические и экономические изменения, происходящие в мире. Мы держим руку на пульсе!

В программе русско-английского перевода одновременно обучаются от 15 до 20 студентов. В составе кафедры 5 преподавателей: два почасовика, Линн Виссон и Андрей Фалалеев, и три постоянных преподавателя — Майк Гиллен, Лоуренс Биннингтон и зав. кафедрой Роза Кавеноки.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Р.А. Матасов, О.И. Костикова

КОНФЕРЕНЦИЯ “НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС — НАЧАЛО ИСТОРИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА”

(Высшая школа перевода, 29 сентября 2006 г.)

Конференция, приуроченная к Международному дню переводчиков и шестидесятилетию окончания Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками, была посвящена одному из самых сложных и востребованных видов переводческой деятельности — синхронному переводу. Преподаватель Высшей школы перевода Р.А. Матасов выступил перед студентами, преподавателями и гостями школы с рассказом об организации синхронного перевода на процессе. После него слово взяла М.В. Королёва, преподаватель филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и внучка синхронной переводчицы Татьяны Алексеевны Рузской. Её рассказ о воспоминаниях бабушки сопровождался показом уникальных фотографий из семейного архива и личных предметов, связанных с работой Т.А. Рузской на Нюрнбергском процессе. По окончании встречи студентам было зачитано Приветственное слово синхронной переводчицы Инны Моисеевны Кулаковской.

В рамках конференции состоялся также круглый стол «Подготовка переводчиков — сочетание фундаментальных научных знаний и профессиональных навыков», в работе которого приняли участие заведующие кафедрами, профессора и преподаватели различных факультетов МГУ (филологического, исторического, философского, психологии, Центра международного образования, Высшей школы перевода), а также других вузов Москвы (МГИМО(У), МГЛУ, МПГУ, Военный университет). Выступавшие на круглом столе проректор МГУ декан философского факультета МГУ профессор В.В. Миронов, декан факультета Высшая школа перевода профессор Н.К. Гарбовский; профессор Высшей школы Бельгии А. Рикманс, доценты факультета Высшая школа перевода МГУ О.И. Костикова и А.П.Забровский попытались взглянуть на переводческую деятельность с позиций разных научных дисциплин — философии, психологии, филологии, культурологии и истории. Выступления вызвали живую и заинтересованную дискуссию участников круглого стола. В научной дискуссии приняли участие профессора О.В. Александров-

ва, А.С. Микоян, В.Я. Задорнова, А.Н. Качалкин, А.П. Миньяр-Белоручева, Т.М. Гуревич (МГИМО), Н.В. Иванов (Военный университет) и др. На конференции прозвучали доклады российских и зарубежных учёных, преподавателей перевода и переводчиков на разнообразные темы, связанные с историей возникновения синхронного перевода, психолингвистическими особенностями синхронного перевода, проблемами подготовки кадров для синхронного перевода, методам совершенствования навыков синхронного перевода.

Приветственное слово ветерана синхронного перевода И.М. Кулаковской студентам Высшей школы перевода

Дорогие друзья!

Сегодня сложно это себе представить, но, когда мы работали на Нюрнбергском процессе, профессии переводчика-синхрониста как таковой не существовало. Мы казались себе в каком-то смысле первопроходцами, ведь мы не заканчивали специальных курсов, не читали учебников о том, что такое синхронный перевод. Конечно, мы были выпускниками языковых институтов и уже успели поработать переводчиками, но специальной подготовки перед процессом мы не получили. Единственное, что мы могли сделать, — это тренироваться собственными силами. Именно этим мы и занимались, объединившись в группы по два или по три человека. У нас было мало времени, но наша совместная подготовка была очень интенсивной, ведь мы ощущали всю ответственность момента. В определённой степени мы тогда были лицом своей страны. Конечно, мы были очень взволнованны. Ведь синхронист не может исправить ошибку, он сразу переводит “начисто”. Но мы были ещё и очень вдохновлены, мы понимали, в каком важном событии нам довелось участвовать.

Сегодня всё иначе. У вас за спиной поколения синхронистов. Однако когда вам доведётся в первый раз выступить в качестве синхронного переводчика, вам будет так же страшно, как было страшно нам в те времена, когда о понятии синхронного перевода не знал никто, кроме нескольких специалистов. Единственное, что вас может выручить в этой ситуации — это тренировка, точно так же, как и нам она помогла в те далёкие времена. Не бойтесь и смело начинайте свой путь.

А.И. Полторак, секретарь советской делегации в Международном военном трибунале, писал о И.М. Кулаковской в своей книге “Нюрнбергский эпилог”: “Когда на окончательно выправленной стенограмме стояла подпись Кулаковской... можно было надеяться, что будущий историк, изучающий Нюрнбергский архив, не найдёт повода для претензии”.

РЕЦЕНЗИИ

ПЕРЕВОД В КИНО*

Монография В.Е. Горшковой “Перевод в кино” посвящена исследованию проблем перевода кинодиалогов как текстов особого литературно-художественного жанра, имеющих множество специфических черт. В работе анализируются особенности перевода в кино, основными видами которого являются дублирование, перевод с субтитрами, перевод “голосом за кадром”.

Книга В.Е. Горшковой представляется весьма актуальной по ряду причин практического, методического и теоретического порядка.

Во-первых, постоянно возрастает межкультурный обмен кино- и видеопродукцией благодаря развитию средств массовой коммуникации, совершенствованию электронных носителей информации, возрастанию скорости передачи художественной информации. Автор справедливо отмечает, что «мы присутствуем при своего рода “кинематографическом буме”, когда поток иностранных фильмов буквально захлестнул малый и большой экраны, что ставит перед специалистами самых разных направлений науки целый ряд новых и пока ещё не решённых проблем: от анализа социально-содержательного аспекта до понятия “художественности” кино как феномена современности»¹. Это обуславливает не только необходимость более оперативной работы переводчиков с большими объёмами текстов в сжатые сроки, но и глубокой теоретической разработки данной сферы переводческой деятельности.

Во-вторых, в межкультурный обмен кино- и видеопродукцией регулярно вовлекаются произведения киноискусства, созданные на многих языках мира, что с необходимостью требует их перевода даже в условиях “языковой глобализации”. На фоне острой необходимости массового перевода кино- и видеопродукции со всей очевидностью проявляется недостаток профессионально подготовленных переводческих кадров и явная неразработанность теоретической базы переводческой деятельности в данной сфере.

В.Е. Горшкова справедливо утверждает, что в современной науке о переводе, особенно отечественной, специфика переводческой деятельности в сфере кино не получила еще должного теоретического

* Рецензия на книгу В.Е. Горшковой “Перевод в кино”. М., Иркутск: ИГЛУ, 2006. 277 с.

освещения. Фрагментарные упоминания о переводе в кино не позволяют получить цельного осмысленного представления об этом весьма сложном аспекте межкультурного и межязыкового посредничества.

Автор книги справедливо сосредоточивается на решении двух главных задач. Первая — построить теоретическую модель кинодиалога как объекта специфической переводческой деятельности, имеющего очевидные особенности по сравнению со всеми другими видами речевых произведений, с которыми приходится сталкиваться переводчику. Вторая — попытаться разработать универсальные стратегии деятельности переводчика в разных условиях передачи кинодиалога средствами другого языка, а именно дублирования, подготовки субтитров, осуществления перевода или прочтения текста перевода “голосом за кадром”.

В.Е. Горшкова подходит к теоретическому описанию кинодиалога с позиций теории, точнее теорий текста. Одной из целей её работы является обоснование статуса кинодиалога как особого типа текста и установление его типологических черт.

Такой подход представляется вполне обоснованным, если учесть, что кинодиалог при всём своеобразии своей структуры и контекста, в котором он развёртывается (видеоряд), является речевым произведением, т.е. текстом, со всеми присущими тексту свойствами.

Основной теоретической концепции текста, предложенной автором исследования, послужили идеи отечественных и зарубежных школ структурной семиотики, рассматривающих художественное выражение как особую сущность, обладающую всеми признаками системы и максимально сближающих лингвистический и литературоведческий подходы к исследованию структуры художественного знака.

Не случайно поэтому в качестве основного методологического принципа исследования В.Е. Горшкова принимает тезис Р. Барта о сущности текста, в котором главное внимание обращается на такие свойства связного текста, как иерархия составляющих его элементов и целостность.

Автор сосредоточивает своё внимание на кинодиалогах, взятых из фильмов на французском языке. Тем не менее многие выводы и положения книги носят общий характер и способны стимулировать исследования текстов кинодиалогов, созданных на других языках.

Структура книги полностью отражает логику рассуждений автора. В предисловии В.Е. Горшкова ставит ряд вопросов, ответы на которые, по её мнению, “помогут более чётко обозначить контуры новой прикладной области, открывающей широкие возможности для собственно лингвистического и сопоставительного исследований”². Что понимается под переводом в кино? Какие виды перевода в кино существуют? Что является объектом перевода в кино? В рамках

какого подхода возможно исследование кинодиалога? Как перевести в кино?

В первой главе “Место перевода в кино в ряду переводоведческих классификаций” В.Е. Горшкова стремится определить место перевода кинодиалогов среди других видов перевода и рассматривает две возможные традиционные типологии: собственно переводческую, основанную на различиях условий восприятия и воспроизведения сообщений, и жанрово-стилистическую. Она приходит к заключению, что, несмотря на комбинированный характер деятельности, перевод в кино может быть определён как специфическая разновидность художественного перевода. Объектом перевода в кино оказывается кинодиалог, понимаемый автором как “вербальный компонент фильма, смысловая завершённость которого обеспечивается аудиовизуальным (звукоразительным) рядом в общем дискурсе фильма”³.

Вторую главу “Виды перевода в кино” автор начинает с показа социальной значимости практического перевода в кино в системе межкультурных обменов художественными ценностями. В.Е. Горшкова приводит довольно большой статистический материал, свидетельствующий о всё возрастающей значимости перевода киноматериалов в системе межкультурных контактов. Она справедливо отмечает снижение уровня качества переводов в сфере кино и в качестве одной из причин называет лавинообразное возрастание объёма материала, подлежащего переводу. К этому следует добавить недостаток квалифицированных переводческих кадров для выполнения этой сложной творческой деятельности.

Эта глава содержит интересное описание основных разновидностей перевода киноматериалов, различающихся не только техникой собственно кинематографа, но и техникой перевода: дублирование, подготовка субтитров, перевод “голосом за кадром”. Отдельно автор рассматривает специфические виды перевода киноматериалов для особых категорий зрителей, а именно для глухих и слабослышащих, а также “перевод” видеоряда для незрячих слушателей.

Две последующие главы “Кинодиалог как объект перевода” и “Специфика кинодиалога” посвящены определению статуса кинодиалога как текста с присущими тексту чертами, но тем не менее обладающими и особыми свойствами, обусловленными тем, что его развитие осуществляется на фоне особого контекста — видеоряда, являющегося в кинематографе определяющей сущностью. Важным представляется утверждение автора о том, что кинодиалог, будучи особым типом текста, характеризуется как общими для разных видов текстов категориями (информативности, связности, цельности, смыслового членения, проспекции и ретроспекции), так и специфиче-

ческими, среди которых в качестве доминирующей выделяется категория тональности, в которой отражается культурологический аспект фильма. Это категория находит свое выражение в передаче национально-специфических реалий, имен собственных, речевой характеристики персонажей и т.п.

В.Е. Горшкова рассматривает кинодиалог как “квазиспонтанный разговорный текст, подвергшийся определённой стилизации в соответствии с художественными устремлениями режиссёра и ориентированностью на особый кинематографический код”.

Большой интерес для теории перевода и переводческой практики представляет подробный анализ различий между текстами кинодиалогов и драматургических произведений для театра, выводы из которого представлены В.Е. Горшковой в виде сопоставительной таблицы. В самом деле, при всей видимой близости эти две разновидности искусственной устной речи имеют целый ряд существенных отличий, влияющих на выбор переводческих стратегий.

Текстовая сущность кинодиалога даёт основания автору исследования рассматривать кинодиалог как “единицу перевода”. Обоснованию этой концепции посвящена пятая глава книги — “Текстоцентрический подход к переводу”.

Несомненный практический интерес представляет последняя глава книги “Перевод кинодиалога”, в которой рассматриваются так называемые “макро- и микростратегии перевода”, обусловленные прежде всего тем, что кинодиалог, несмотря на всю условность и искусственность, в самом деле калькирует спонтанную разговорную речь и поэтому как можно точнее должен имитировать все её внешние характеристики, чтобы выглядеть правдоподобным. Учитывая множество асимметричных черт устной речи на французском и русском языках, отмечаемых на фонетическом, просодическом, синтагматическом, синтаксическом уровнях, можно с уверенностью сказать, что разработка конкретных переводческих приемов (“микростратегий”, в терминологии автора) для конкретной пары языков представляется весьма важной. В работе В.Е. Горшковой особое внимание уделяется проблемам передачи культурологически значимых элементов исходного текста. К таким элементам прежде всего относятся так называемые реалии, о которых на самом деле сказано и написано чрезвычайно много, но интерес к которым не утихает в условиях всё возрастающего интереса к культурной вариативности, противостоящей наступлению “культурной глобализации”.

Для теории перевода и практической переводческой деятельности немалый интерес представляют и рассуждения автора о переводческих трудностях, связанных с необходимостью передачи сниженных экспрессивных единиц оригинала. Принимая во внимание своеоб-

разие кинодиалога, накладывающего ряд ограничений на работу переводчика, о чем автор исследования подробно пишет в предыдущих главах, следует отметить, что эта извечная переводческая проблема предстаёт в новом свете. Межъязыковая и межкультурная асимметрии, свойственные любой паре языков и культур, сталкивающихся в переводе, проявляющиеся как в номенклатуре, так и в допустимости в речи сниженных элементов, ставят перед переводчиком проблемы, для решения которых нет общих рецептов и правил. Поэтому размышления автора, с которыми можно соглашаться или нет, тем не менее интересны для науки о переводе.

Глава завершается методическими рекомендациями автора по обучению переводу кино/видеоматериалов. В.Е. Горшкова предлагает систему упражнений для обучения переводу на начальном и продвинутом этапах.

Таким образом, книга В.Е. Горшковой в целом представляет значительный интерес для теории перевода и переводческой практики. Нельзя не отметить тот факт, что эта работа новаторская. В ней впервые в отечественной науке о переводе с достаточной полнотой и в разумной логической последовательности описывается одна из сложнейших сфер переводческой деятельности — работа переводчика в кино во всем многообразии её форм. Именно новаторство работы и попытка автора как можно шире осветить изучаемую проблему обуславливают дискуссионность некоторых положений.

Прежде всего я не могу полностью согласиться с мнением автора о том, что “кинодиалог представляет собой квазиспонтанный разговорный текст, подвергшийся определённой стилизации в соответствии с художественным замыслом режиссёра и ориентированностью на особый кинематографический код”. Данное положение представляется противоречивым и методологически опасным, так как способно увести исследователей, изучающих истинную разговорную речь, одним из важных свойств которой действительно является спонтанность, по ложному пути. Кинодиалог — это художественное произведение, созданное драматургом, т.е. индивидом со своим собственным когнитивным опытом, с особым видением человеческих типов и присущим этим типам речевых характеристик. Главной категорией художественного творчества, в том числе и кино, является образ. И речь персонажей — это тоже образ реальной речи. И стилизация, о которой пишет сам автор, — прямое тому свидетельство. То, что стилизовано, не может быть ни спонтанным, ни “квазиспонтанным”, ни даже чуть-чуть спонтанным. Понимание изначальной искусственности, а никак не спонтанности кинодиалога необходимо для выбора правильной стратегии перевода. Переводчик, становясь в известном смысле соавтором, должен постараться создать аналогичный образ.

Вызывает возражение и положение о том, что кинодиалог следует рассматривать “в качестве конечной (максимальной) единицы перевода”. Проблему единицы перевода в самом деле нельзя считать окончательно решённой. Позволю себе напомнить высказывание канадских исследователей Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, которые, стремясь изучить процесс перевода, на мой взгляд, совершенно справедливо утверждали, что “поиск операционных единиц является одной из основных процедур всякой науки, а часто и самой спорной. Также обстоит дело и в переводе”⁴. Понятие “единицы перевода” оказывается важным для теории и методологии перевода только тогда, когда она действительно является “операционной, т.е. маркирует определённый шаг, этап процесса перевода. Можно “филологически” рассуждать о целом тексте художественного произведения как о некой “единице перевода”, потому что система смыслов исходного произведения полностью раскрывается только на уровне всего произведения в целом. Достаточно вспомнить мечту об “идеальном переводе”, всецело ориентированном на получателя переводного произведения: “Самым лучшим был бы такой перевод, когда переводчик, прочитав полностью произведение, закрыл книгу и только тогда начал бы переводить!” Но положение о том, что “кинодиалог есть конечная единица перевода”, не соответствует этому идеалистическому и далеко не научному представлению о возможностях, технике и последовательности развертывания перевода, так как в художественном фильме вся система смыслов полностью раскрывается только во взаимодействии кинодиалога, видеоряда, музыкального сопровождения и многих других компонентов, составляющих фильм “в целом”. Автор сам понимает это, справедливо отмечая, что фильм — это гетерогенная семиотическая система, сочетающая в себе вербальные и иконические знаки. Тем более непонятно, почему из единой семиотической системы вырывается только её вербальная составляющая. Если согласиться с тем, что единицей перевода является кинодиалог в целом, то можно представить себе перевод в кино как свободное, “близкое к тексту” изложение на переводящем языке в диалогической форме исходного диалогического текста. Возникает вопрос: будет ли это действительно переводом?

Еще менее понятной трактовка “единицы перевода”, предложенная автором, оказывается в контексте избранного им “процессо-ориентированного подхода” (сам термин представляется неудачным и, видимо, соответствует хорошо известному в теории перевода “деятельностному” подходу) к переводу. Если мы исследуем именно **процесс перевода**, а не его **результат**, коим является финальный текст в сопоставлении с исходным, то мы должны стремиться в первую очередь выявить в этом процессе определённые шаги, этапы, кванты

переводческих решений, которые в идеале, по справедливому утверждению А.Д. Швейцера, должны быть постоянно подобны сами себе. Только такие кванты и оказываются операционными единицами, вычленение которых в общем процессе перевода способно вскрыть сущность того сложнейшего явления, каким является перевод, т.е. представлять интерес для теории и методологии перевода.

Представляется сомнительным использование автором понятия “перевод” в тех случаях, когда речь идёт о технике воспроизведения переведённого текста кинодиалога, в каких бы формах это воспроизведение ни осуществлялось: дублирование, субтитры или “голос за кадром”. На мой взгляд, более правильным было бы, например, говорить не о “перевод с субтитрами”, а о воспроизведении переведённого кинодиалога в виде субтитров. Перевод в кино представлен двумя разновидностями, соответствующими традиционному делению перевода по способу восприятия исходного текста на *зрительный перевод* и *перевод на слух*. Работа переводчика, предполагающая наличие монтажного листа, — это зрительный перевод, какую бы форму ни приобрел затем конечный текст: устные реплики при дублировании, подаваемые “голосом за кадром”, или представленные в письменной форме субтитрами. По сути дела, на этапе воспроизведения для зрителя предварительно переведённого кинодиалога переводчик уже и не нужен: озвучивать реплики на переводящем языке, читать за кадром и вписывать субтитры могут и другие специалисты. Разумеется, каждая из форм публичного (т.е. для зрителя) воспроизведения вербального материала предполагает особые переводческие решения.

Единственной формой перевода на слух является довольно распространённый “кино/видеоперевод без подготовки”, т.е. без обращения к монтажному листу, а иногда и без предварительного просмотра фильма, который, по справедливому утверждению Л.Л. Нелюбина, — “крайне сложный процесс, требующий большого опыта и знаний”. К сожалению, в работе В.Е. Горшковой этому виду перевода в кино уделено мало внимания.

В работе содержится много интересного фактического материала, что характеризует автора как специалиста в области французского языка, французского киноискусства, опытного переводчика и критика переводов. Однако некоторые варианты переводов, предлагаемые автором, представляются сомнительными. Вряд ли можно полностью согласиться с выбором в качестве контекстуального эквивалента французского популярного, но, безусловно, сниженного слова *merde*. Беспрестанное обращение к “заднице” (это и есть “лексическая единица, относящаяся к телесному низу”) устойчиво ассоциируется в сознании русского зрителя с американским, но не французским кино с русским переводом.

В заключение автор отмечает, что перевод в кино не привлекал достаточного внимания исследователей, несмотря на его очевидную лингвистическую, культурологическую, экономическую и политическую значимость. Что же касается науки о переводе, то и она, по мнению автора, “всё ещё рассматривает аудиовизуальную коммуникацию как нечто маргинальное и не может определиться в отношении места новых разновидностей перевода в кино, теле- и радиопередач, рекламы в общей его классификации”⁵.

Книга В.Е. Горшковой действительно открывает новое, весьма важное и сложное направление в современной отечественной науке о переводе. Она в известной степени расширяет и научное представление о системе французского языка, в частности о его стилистических средствах и нормах речи. Это серьёзная большая работа, открывающая новое направление в науке о переводе и способная послужить методологической основой для дальнейших исследований в этой области как в общетеоретическом, так и в плане переводческого сопоставления разных пар языков и культур.

Обширный иллюстративный материал, касающийся современного кино, делает книгу интересной и полезной переводчикам, лингвистам, культурологам, а также всем тем, кто интересуется проблемами современного кинематографа.

Примечания

¹ Горшкова В.Е. Перевод в кино. М., 2006. С. 5.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 14.

⁴ Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1958. P. 36.

⁵ Горшкова В.Е. Указ. соч. С. 230.

Н.К. Гарбовский

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Ирина Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов. Петрозаводский государственный университет, юридический факультет. Республика Карелия. E-mail: bram@onego.ru

Бальдо Сабрина — руководитель магистерской программы LEA (I и II курсы) в Университете Эври-Валь д'Эссон (Франция)

Гарбовский Николай Константинович — доктор филологических наук, профессор, декан факультета Высшая школа перевода МГУ им. М.В. Ломоносова.

Горшкова Вера Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации. Иркутский государственный лингвистический университет. E-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

Кавеноки Роза — доктор филологических наук, руководитель русской программы в Высшей школе перевода (Монтерейский институт международных исследований. США). E-mail: rkavenoki@miis.edu

Ковенева Ольга Владимировна — магистр социологических наук (французская степень). Преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова. Аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, докторант Высшей школы социальных наук (EHESS, Париж). Высшая школа перевода МГУ им. М.В. Ломоносова. Высшая школа социальных наук (EHESS, Париж). E-mail: okoveneva@mail.ru

Irina Yevgenyevna Abramova — PhD, Associated Professor, Head of the Chair of Foreign Languages. Petrozavodsk State University, Karelia, Russia. E-mail: bram@onego.ru

Sabrina Baldo — Responsible for Master LEA (1st and 2nd years) at The University of Evry Val d'Essonne, France

Nikolay Konstantinovich Garbovskiy — PhD, Professor, Dean of the Faculty of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University.

Vera Yevgenyevna Gorchkova — Ph. D (Philology), Associate Professor, Professor of the Chair of Translation, Translatology and Cross-cultural Communication. Irkutsk State Linguistic University. gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

Rosa Kavenoki — PhD, Russian Program Head at the Graduate Schhol of Translation and Interpretation (Monterey Institute of International Studies). E-mail: rkavenoki@miis.edu

Olga Vladimirovna Koveneva — French Master's degree in Sociology, teacher at the Higher School (Faculty) of Translation and Interpretation (MSU). PHD-student in Sociology at the School of High Studies on Social Sciences (EHESS, Paris), Group of Political and Moral Sociology (GSPM). Moscow State University: Faculty of Translation and Interpreting. School of High Studies on Social Sciences (EHESS, Paris). E-mail: okoveneva@yahoo.fr

Матасов Роман Александрович — преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: rmatasov@mail.ru

Мишкuroв Эдуард Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: mishkurov@inbox.ru

Оришак Ольга Валентиновна — начальник кафедры французского языка Военного университета МО РФ. E-mail: c_you@inbox.ru

Усова Светлана Александровна — аспирант кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации Иркутского государственного лингвистического университета; магистрант Университета Марка Блока (ITI-RI, Страсбург II). Иркутский государственный лингвистический университет; Университет Марка Блока (ITI-RI, Страсбург II). E-mail: ola_lana@list.ru

Ушаков Сергей Геннадьевич — преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: sergeypenseur@rambler.ru

Roman Aleksandrovich Matasov — teacher at MSU Higher School (Faculty) of Translation and Interpretation. E-mail: rmatasov@mail.ru

Eduard Nikolaevich Mishkurov — professor, Dr. Habit. Arabic Studies; Professor of MSU Higher School of Translation and Interpretation. E-mail: mishkurov@inbox.ru

Olga Valentinovna Orishak — chairperson of the French language department. The Military University of the Ministry of Defense of the RF. E-mail: c_you@inbox.ru

Svetlana Aleksandrovna Usova — Postgraduate student of Irkutsk State Linguistic University; Master-2 program of the Marc Bloch University (ITI-RI, Strasbourg II). Irkutsk State Linguistic University; Marc Bloch University, Strasbourg II. E-mail: ola_lana@list.ru

Sergey Gennadyevich Ushakov — teacher at the Higher School of Translation and Interpretation (MSU). E-mail: sergeypenseur@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Н.К., главный редактор,
ДИАНОВА Г.А., зам. главного редактора,
КОСТИКОВА О.И., зам. главного редактора,
МАТАСОВ Р.А., ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Е.В., **ЕСАКОВА М.Н.**, **ЗАБРОВСКИЙ А.П.**,
КОЛЬЦОВА Ю.Н., **МИШКУРОВ Э.Н.**, **РЕЗНИЧЕНКО О.Л.**,
ТОРСУКОВ Е.Г., **ШАБАГА И.Ю.**

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *Н.И. Матюшина*

Корректоры *Г.Л. Семенова, В.В. Конкина*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 697-31-28*

Подписано в печать 12.02.2009. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отг. 2,72.
Уч.-изд. л. 7,63. Тираж 340 экз. Заказ № . Изд. № 8655.

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография ордена “Знак Почета” Издательства МГУ.
119992, Москва, Ленинские горы.

ИНДЕКС 20408

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 2. 1—128.

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объем рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к форме предоставления статей:

— текст представляется на трехдюймовой дискете, не содержащей компьютерных вирусов и механических дефектов, в формате RTF или на диске и в распечатанном на бумаге виде;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *примечания* в виде подстраничных сносок;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [там же: 128] для русскоязычных источников или [Ibid.: 123] для иноязычных источников;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.